

Н. Н. Герасимов

Беседы о птицах Камчатки

Петропавловск-Камчатский
Издательство «Камчатпресс»
2014

УДК 502
ББК 28.688
Г37

Герасимов Н. Н.
Г37 Беседы о птицах Камчатки. – Петропавловск-Камчатский : Камчатпресс, 2014. – 178 с.
ISBN 978-5-9610-0235-5

Автор – известный камчатский учёный-орнитолог, канд. биол. наук, чл.-корр. РАЕН, заслуженный эколог России, писатель в занимательной и доступной для читателя любого возраста форме рассказывает о камчатских пернатых, их особенностях и необходимости охраны, опираясь на примеры собственной 52-летней работы на Камчатке и наблюдениями за птицами.

Адресовано учащимся средних школ, студентам, воспитателям детских садов, педагогам, экологам и всем любителям и защитникам живой природы.

УДК 502
ББК 28.688

Обложка – А. Пантелеева

На обложке: дальневосточный кроншнеп (фото Ю. Артюхина)

Авторы фотографий –
Н. Герасимов, Ю. Герасимов,
Ю. Артюхин, А. Афонина, Х. Сугава, Х. Томида

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Агентства лесного хозяйства Камчатского края
и Ассоциации ООПТ Камчатского края

ISBN 978-5-9610-0235-5

© Герасимов Н. Н., 2014

В Центре экологического просвещения
учителя средней школы № 8 г. Петропавловска-Камчатского, 2008 г.

От автора

Несколько лет назад по предложению координатора по экологическому просвещению Проекта ПРО-ОН/ГЭФ «Сохранение биологического разнообразия Камчатки» Сергея Бычкова мною подготовлены несколько небольших по объёму, научно выверенных, легко читаемых книжек о птицах Камчатки. Целевой аудиторией этих красочно оформленных изданий должны были стать учителя и ученики школ, преподаватели и студенты вузов, охотоведы, лесники, сотрудники эколого-просветительских центров, особо охраняемых природных территорий Камчатского края, туристы и любители природы.

Работа была выполнена. Три небольшие книжки «Наши пернатые соседи», «Зимующие рядом с нами» и «Они в Красной книге», красочно оформленные, в удобном формате изданные в типографии «Камчатпресс» тиражом в тысячу экземпляров, вызвали интерес в кругу педагогов и учеников, любителей природы не только Камчатки. Оказались интересными они и для взрослых читателей.

О птицах Камчатки написаны, я думаю, в общей сложности, едва ли не около двух тысяч научных статей и книг. Но, разойдясь по многочисленным научным сборникам, материалам конференций, зарубежным изданиям, в преобладающем своём боль-

шинстве эти публикации остаются недоступными не только для интересующихся Природой Камчатки подрастающих поколений, но и для их наставников, педагогов.

Новые школьные программы мало что дают ученикам в экологическом воспитании, и здесь мы теряем одно поколение за другим. Уже скоро кто-то из нынешних детей будет руководителем, наставником молодых, другого назначат отвечать за охрану Природы, а кто-то займёт кресло министра образования и науки края. Какими они будут руководителями, педагогами? Смогут ли однажды ответить на простейший вопрос: «Чем наполнено такое понятие, как “экологическая этика?”».

Немалая часть ответственности за плохое знание животного и растительного мира Камчатки большинством наших детей лежит не столько на школьных учителях, сколько на нас – зоологах, ботаниках, экологах. Это мы должны живым, понятным языком рассказывать, писать о своих исследованиях, находках, открытиях, объяснять, чем они полезны, необходимы каждому из нас. В своей новой книге некоторую часть своих знаний я постарался передать мальчишкам и девчонкам, а заодно и их наставникам.

Дети спрашивают

БЕСЕДА ПЕРВАЯ

Дети спрашивают

В процессе наших бесед будут часто упоминаться понятия «гусиный питомник» (или просто – питомник) и «Центр экологического просвещения» (сокращённо – Центр). За годы их существования о задачах работающих здесь учёных Камчатского филиала Тихоокеанского института географии ДВО РАН узнали тысячи людей. Но, конечно же, далеко не все. И потому сейчас я очень кратко расскажу о вставшей в 1992 году перед орнитологами нашего института проблеме, породившей этот самый питомник, преобразованный в дальнейшем в Центр.

На Командорских и Курильских островах некогда жил уникальный миниатюрный гусь – алеутская казарка. Уникальность его в том, что, в отличие от других гусей, он жил в гористой местности, где прятался в кустарнике и траве; в периоды размножения и линьки ему не нужна была большая вода. Зимовать алеутская казарка улетала в Японию, где в начале XIX века этих птиц видели тысячами. Ещё большая популяция алеутских гусей обитала

в Америке на островах Алеутской гряды. Эти птицы зимовали в Калифорнии.

Многие острова Алеутского и Курильского архипелагов никогда не знали наземных хищников, на них «царствовали» морские птицы, здесь же жили и алеутские гуси. С началом освоения российскими промышленниками Алеутских и Курильских островов по ним стали развозить песцов и лисиц, попутно (на судах) – крыс. Вселённые хищники уничтожили многие миллионы коренных островных обитателей – птиц.

Судьба азиатской популяции сложилась трагично. Последних алеутских казарок, прилетавших зимовать в Японию, видели в 1930-х годах. Они вымерли все до единой.

Считалось, что единицы их оставались и на Алеутских островах. Ни одной птицы данного вида не было ни в зоопарках мира, ни в частных коллекциях. В США алеутский гусь был внесён в список вымирающих, что предвещало безвозвратную потерю Землёй ещё одного вида пернатых.

Алеутская казарка

Но случилось чудо: на небольшом алеутском острове Булдир нашли до 800 этих птиц. С целью спасения уникального гуся в США образовалась специальная группа учёных. Птиц отлавливали в природе, разводили в питомниках и выпускали на островах, где до того уничтожались наземные хищники. Численность алеутских гусей на островах Алеутской гряды стала расти. Весной 2004 г. в природе жили уже не менее 60 тысяч этих птиц.

Первая попытка возрождения мигрирующей популяции сидзюкара-ган, как называют эту птицу в Японии, была предпринята в начале 1980-х годов. Её инициаторами явились руководители Японской ассоциации помощи диким гусям. Из США в Японию поступили 15 казарок. Предполагалось, что родившиеся в зоопарке Ягияма молодые птицы будут подпускаться к стаям зимующих диких гусей. С наступлением весны они вместе улетят на север, осенью же возвратятся на японские зимовки с детьми.

Несостоятельность этой попытки я объяснил коллегам при посещении Японии в 1989 г. И заявил, что камчатские орнитологи возьмут исполнение этого проекта на себя. В 1992 году в городе Елизово рядом с вертолётной пло-

щадкой авиакомпании «Кречет» был построен будущий гусиный питомник. Осенью того же года американские коллеги привезли на Камчатку первых 19 алеутских гусей. Вместе с птицами в питомнике поселились мы: я и моя жена Алла. Казарки размножались, мы вывозили их вертолётom на свободный от хищников небольшой северокурильский остров Экарма. Всего на острове выпущена 551 алеутская казарка. Появилась уверенность в успешном завершении проекта.

К этому времени через гусиный питомник прошли тысячи посетителей. Повторюсь: нашими гостями были тысячи иностранных и российских туристов, члены правительств, дипломаты, учёные, много представителей СМИ. Но самыми желанными нашими посетителями всегда оставались дети. К нам с каждым годом привозили их всё больше и больше. Мальчишек и девчонок из детских садов, школ, интернатов у нас побывало, думаю, не менее двух тысяч.

Так пришло решение о преобразовании питомника в Центр экологического просвещения населения. Поддержку в этом начинании мы получили от WWF.

Ещё раньше самую первую небольшую группу дошколят привезли к нам из детского сада «Рябинушка». Для меня рассказывать о столь серьёзных задачах таким малышам было в новинку. Сначала мы показали им наших казарок – «уток», маленьких «утяточек». Затем, подстраиваясь под непривычную аудиторию, я начал рассказывать о наших птицах, о том, почему их не стало в природе. Слушали воспитатели, для малышей это было непонятно, они хотели побегать по траве. Я попросил их не удерживать, и дети разбежались. Но не все. Рядом со взрослыми остались два мальчика, они стояли с широко раскрытыми глазами и, казалось, боялись пропустить хотя бы одно моё слово. Тогда я сказал, что для таких вот двоих и даже ради одного ребёнка из целой группы малышей я готов проводить беседы каждый день.

Год от года маленьких гостей у нас становилось всё больше.

Некоторые из них приезжали ещё и ещё раз. Каждое лето по несколько групп своих вос-

питанников из «Рябинушки» привозила к нам Юля, замечательная воспитательница, старающаяся привить в детских душах росточки любви к Природе. Ученики третьих-четвёртых классов нередко говорили, что были у нас, когда ещё «ходили в садик». Юннаты постарше приносили в подарок питомнику свои рисунки, для казарок привозили собранную траву. Нередко ребята потом «зазывали» к нам своих родителей. И мы видели, что счастливы были все.

К работе с детьми подключились выпускники Камчатского педагогического университета Римма и Юля.

У детей постарше всегда было много вопросов, они угадывали названия лесных птиц в наших вольерах, рассказывали, что о них знают. С выходом в 2008 году первых «Бесед о птицах Камчатки» они вручались детям за хорошие вопросы, ответы, рассказы. Многие вопросы я заносил в свои ежедневные записи. Так родилась идея облечь их и наши ответы в форму школьных уроков. Что из этого получилось, судить Вам, уважаемый читатель.

Дети в Центре

Юля

Римма

УРОК ПЕРВЫЙ

Начало учебного года. В одном из младших классов начинает урок учитель Лидия Алексеевна (Л. А.).

Л. А.: Дорогие дети! Вот и кончилось для нас с вами лето. Я надеюсь, что вы все хорошо отдохнули. Кто из вас хотел бы рассказать нам, где вы были, что нового, интересного узнали.

Алиса: Я хочу рассказать! У меня было очень хорошее лето.

Л. А.: Ты куда-то уезжала с родителями с Камчатки, Алиса?

Алиса: Нет. Я отдыхала у бабушки и дедушки. Они работают и живут за городом. И мы вместе много раз выезжали в лес, на речку.

Л. А.: Дети, у Алисы действительно был замечательный летний отдых, и я думаю, что ей есть, о чём нам рассказать. Мы внимательно слушаем тебя, девочка.

Алиса: Мой дедушка работает в институте. Летом мы часто садились в машину и ехали отдыхать на природу. Это мы с бабушкой только

отдыхали, а у дедушки такая работа. У нас была большая палатка. Мы обязательно разжигали костёр. У нас в машине есть всё: котелок, чайник, специальные железные палочки с рожками, на которые чайник можно вешать над огнём. Дедушка сказал, что они обязательно должны быть в каждой машине и лодке, чтобы не губить живые деревья. Мы отдыхали и всегда слушали, как поют птицы. А дедушка нам говорил, как они называются, и интересно про них рассказывал.

Л. А.: Извини, Алиса, я тебя ненадолго перебую. Дети, нам с вами в течение этого учебного года необходимо будет много узнать о природе нашего края. Мы познакомимся с животным миром Камчатки, узнаем, какие рыбы, звери, птицы, насекомые живут в лесу и тундре, на болоте и в море, кто живёт рядом с нами. Мы узнаем о деревьях, травах и цветах. Надеюсь, в этом нам помогут камчатские учёные. Мы обязательно будем приглашать их в гости.

Ворона

У Алисы, дети, дедушка – зоолог, он хорошо знает наших камчатских птиц. А теперь мы все внимательно будем слушать, что дальше расскажет Алиса.

Алиса: Один раз, когда мы приехали на речку, там уже отдыхали взрослые и дети. Один мальчик прибежал к своим родителям и стал показывать им маленькое яичко какой-то птички. Он сказал, что недалеко нашёл её гнёздышко.

Я сказала, что тоже хочу его посмотреть. Мы пошли к гнезду, а там уже сидела чёрная ворона. Она улетела, а гнёздышко было перевернуто, и в нём ничего не было.

Я рассказала об этом дедушке. Он позвал к нам мальчика и сказал, что когда люди приезжают на природу, ворона садится на высокое дерево и всё время наблюдает. И если человек случайно спугнёт с гнезда птицу и захочет лучше рассмотреть, что в гнезде, ворона очень точно отметит это место. Потом она прилетит и расклюёт все яйца, съест птенчиков. Она может убить даже не очень маленьких утят, и поэтому их мама-утка сразу же старается увести своих детей от гнезда на воду.

Л. А.: Дети, вы поняли, как надо себя вести на природе, если вы случайно увидели птичье гнездо? Вы не должны его трогать, и сразу же постарайтесь уйти от него. Этим вы спасёте птичью семью. А когда приедете сюда на следующее лето и услышите, как поют птицы, знайте, что среди них есть и те, которым вы в прошлом

Дубровник
радуется весне

Птенчик спрятался

году своим правильным поведением сохранили жизнь. И своими красивыми песнями они благодарят вас. Алиса, мы слушаем тебя.

Алиса: А ещё раз, когда мы опять отдыхали, я гуляла и сама увидела вылетевшую из травы испуганную птичку, и там, в траве, остался маленький птенчик. Он сидел и не шевелился.

Я хотела только издали немножко на него посмотреть. И увидела, что на меня смотрит какой-то мальчик. Он спросил меня: «Чего это ты там рассматриваешь?» Я хотела сказать правду, но потом увидела у мальчишки в руках рогатку. И сказала, что потеряла свою заколку для волос, после чего сразу же ушла к нашему костру. Там я рассказала бабушке и дедушке, что обманула чужого мальчика. Мне сказали, что говорить неправду плохо, но сегодня я поступила правильно, потому что мальчик с рогаткой обязательно захотел бы поймать птенчика и погубил бы его. И ещё дедушка сказал, что птенчиков никогда не надо брать в руки, потому что они вовсе не потерялись, и что птички – папа и мама – обязательно его найдут.

Л. А.: Дети, мы все с вами знаем, что говорить неправду плохо. Но Алиса это сделала лишь для спасения жизни нескольких птиц. И мы не будем её осуждать. У тебя, девочка, есть ещё, что рассказать нам о прошедшем лете? Ты очень хорошо всё рассказываешь, и нам интересно тебя слушать.

Алиса: Да, у меня было очень много интересного. Однажды мы шли по берегу реки и увидели, что ворона сидит на старом дереве, заглядывает в дупло и даже отщипывает кусочки дерева. А вокруг неё летали и кричали несколько маленьких птиц. Мы прогнали ворону, быстро пошли к нашей машине, потом вернулись обратно. Дедушка залез на дерево и натянул на ветках над дуплом несколько белых ниточек. Вокруг него тоже летали и кричали небольшие разные птицы. Я спросила, зачем он это сделал, и дедушка сказал, что это длинный специальный разговор. И вечером он рассказал мне и бабушке, что ворона увидела, как из дупла вылетела крошечная птичка,

её называют малая мухоловка. Он показал нам в книге, которую всегда возит с собой, эту птичку. Она очень красивая, и я вспомнила, что видела её около того дерева. Эта птичка очень-очень маленькая и у неё слабенький клювик, она не может защитить своё гнёздышко от большой вороны. И поэтому мухоловка ищет в старых деревьях дупло, если нужно, немного его очищает и там строит своё гнездо. Кроме вороны, есть и другие птицы, которые могут погубить её яички и птенчиков. Вот такое нападение на гнездо малой мухоловки мы и видели.

Л. А.: А зачем вы натянули над дуплом белые ниточки?

Алиса: Дедушка сказал, что ворона очень хитрая и осторожная птица. Она, наверное, заметила, что мы что-то делали около гнезда птички. Но если и не видела, то всё равно испугается ниток и побоится разрушать его ещё раз.

Л. А.: А маленьких птиц, хозяев гнезда, это не испугает?

Алиса: Дедушка сказал, что маленькие птицы не такие умные, как ворона, и ниток не испугаются. Взрослые люди так же поступают, когда находят на болоте гнездо утки. Они ставят над гнездом прутики и натягивают ниточки. Тогда ворона побоится разорить это гнездо.

Л. А.: Ты сегодня рассказала очень много интересного для всех нас. Ты можешь ещё что-то сказать?

Алиса: Да! Потом дедушка сказал, что покажет мне, как можно помочь некоторым нашим лесным птичкам защититься от вороны, от кошки от других хищных зверей.

Л. А.: Дети, скажем Алисе большое спасибо за её очень интересный и познавательный рассказ. Я сама сегодня узнала много нового. Спасибо тебе, Алиса! На специальном уроке мы с удовольствием послушаем тебя ещё.

Алиса: А можно, я приглашу к нам на урок дедушку? А то я могу забыть названия некоторых птиц и ещё что-нибудь.

Л. А.: Дети, я думаю, что мы все будем рады, если на урок придёт учёный. Алиса, попроси его об этом от всех нас.

УРОК ВТОРОЙ

Л. А.: Дети, познакомьтесь с дедушкой Алисы. Его зовут Николай Иванович (Н. И.). Алиса рассказала ему, с каким интересом все мы слушали её рассказ о прошедшем лете. И, если нам это интересно, Алисин дедушка будет приходить на наши специальные уроки и рассказывать о том, что бы вы хотели узнать о птицах Камчатки.

Н. И.: Здравствуйте, девочки и мальчики! Я с удовольствием буду рассказывать вам про птиц Камчатки, которых хорошо знаю. И давайте сразу договоримся: если вы что-то не поняли или хотите задать вопрос во время рассказа, сразу же поднимайте руку, называйте своё имя и спрашивайте меня. Договорились? Вижу, что да.

Алиса сказала мне, что вы хотите знать о том, нужно ли помогать и чем мы можем помочь нашим птицам, которых видим в городах, сёлах, на даче и в лесу. Сначала я повторю главное из того, о чём она вам уже говорила. Итак, чего мы с вами не должны делать:

Во-первых, нам надо помнить, что эти большие и маленькие птицы – дикие, они не понимают, что мы им говорим, что хотим им в чём-то помочь. И мы не должны мешать им ни в чём. О вороне и сороке, которые разоряют гнёзда и убивают самих птиц, мы поговорим потом.

Во-вторых, не надо делать за птиц ту работу, которую они всегда исполняют сами. Что это значит? Например, не пытайтесь «свить» за птичку гнездо, перенести её гнездо в другое место. Она не поймёт, что ей пытаются помочь, и, скорее всего, строить здесь гнёздышко не будет. Не надо стараться накормить птенчиков, если вы случайно их обнаружили.

И в-третьих, не беспокойте птиц во время насиживания яиц и выращивания птенцов. Не пытайтесь разыскивать их гнёзда, не спасайте птенчика, который вам кажется потравленным.

В соблюдении этих правил и будет заключаться ваша главная помощь птицам. Алиса рассказала вам, как мы с ней нашли дупло,

в котором жила семья малой мухоловки. На Камчатке не так много птиц, которые живут в дуплах. И я немного расскажу вам о них, так как именно этим птицам часто стараются помочь юннаты, школьники и взрослые люди.

Учёные называют таких птиц дуплогнёзниками, то есть гнездящимися в дуплах. Будем условно считать, что в лесу главные из них – дятлы. Каждый из вас обязательно видел эту птицу в лесу или на картинке. В наших лесах живут большой пёстрый, малый пёстрый и трёхпалый дятлы.

Многие из вас этих птиц видели. Но давайте посмотрим на них ещё раз.

В раскраске большого пёстрого дятла преобладают белый и чёрный цвета, а в глаза нам, конечно же, бросается цвет ярко-красный. У самца, самки и молодых, только что вылетевших из гнезда птиц этого вида в очень яркий красный цвет окрашена задняя, прихвостовая, часть живота. У самца красная полоска проходит по затылку, а вот у самочки её нет.

Большой пёстрый
дятел любопытствует

Трёхпалый дятел

Малый пёстрый дятел

Большой пёстрый дятел даже зимой находит разных насекомых – вредителей леса, их личинок он достаёт из-под коры или выдалбливает из древесины. Особенно много личинок дятлы уничтожают, когда в их гнёздах появляются птенцы. Юннаты-москвичи, наблюдая за этими птицами, посчитали, что на кормление своих птенцов дятел тратил более 17 часов в день, успевая за это время прилететь с кормом к гнезду до 350 раз.

Малый пёстрый дятел значительно меньше большого. Ярко-красное пятнышко есть только на голове самца, и ничего красного мы не найдём в оперении самки.

Вот какого красивого малого дятла удалось заснять в Южно-Камчатском заказнике орнитологу Ларисе Зеленской.

Трёхпалый дятел (у него на лапках только три пальца) – величиной как большой пёстрый. У самца этого вида верх головы золотисто-жёлтый, у самочки он серый.

На зиму все виды дятлов не улетают. У всех у них очень сильный острый клюв. Когда они

сидят на ствол дерева, сначала тихонько стучат по нему клювом и слушают. По звуку, совсем как доктор, дятел определяет, здорово это дерево или нет, есть ли внутри его личинки различных вредных насекомых. Их дятлы достают из-под коры или выдалбливают своим клювом из древесины. В таких же больных или уже погибших сухих деревьях они выдалбливают дупло, углубляют его, делают удобным для устройства гнезда. Учёные заметили, что чаще всего дупла дятлы делают с той стороны дерева, куда в дождливую ветреную погоду в них не попадали брызги воды. Яйца, отложенные в гнезде самкой, насиживают оба родителя, вдвоём же они заботливо выращивают птенцов.

В дуплах, выдолбленных дятлами, потом поселяются другие наши птицы – дуплогнёздки. На Камчатке такой «помощью» дятлов могут воспользоваться уже известная вам малая мухоловка, наша синичка – буроголовая гаичка – для таких маленьких птичек удобным будет дупло, сделанное малым пёстрым дятлом.

В дуплах большого пёстрого дятла могут поселиться известные всем нам воробьи.

Кто-то там поднял руку. Что ты хочешь спросить, мальчик?

– Меня зовут Сережа. Я хочу сказать, что летом видел дятлов. А один из них, маленький, ходил по стволу дерева вниз головой.

Н. И.: Спасибо, Сережа, что ты очень наблюдательный и заметил ещё одну интересную птичку. Это не дятел, ребята, а поползень. На Камчатке его часто называют дятликом. Эта небольшая птичка тоже, как и дятлы, обладает сильным острым клювом и очень полезна для леса, так как уничтожает вредных насекомых и их личинки.

Поползень, как и дятлы, находит старое трухлявое дерево, выдалбливает в нём дупло, в котором и устраивает гнездо. Не против он поселиться и в уже готовом дупле, когда-то выдолбленном дятлом. Иногда поползень находит такое дупло, но у него будет широкий леток – входное отверстие. Тогда птица уменьшит диаметр входа в гнездо, обмазывая края отверстия глиной.

Вижу, что вас интересует, как и чем можно помочь птицам, о которых мы уже узнали. Они же должны сначала сделать или найти для своего гнёздышка укрытие. Можем ли мы оказать им помощь? Ведь дети и взрослые на материке делают скворечники, дуплянки и другие домики, развешивают их в лесу и в садах.

Я думаю, мы с вами начнём с того, что попробуем помочь очень интересной и доверчивой к человеку белой трясогузке. Эта птица предпочитает жить рядом с нами и, я думаю, вы все её видите летом в посёлках или когда бываете с родителями на даче. В центре Петропавловска белую трясогузку увидишь не часто. В большом городе меньше насекомых, которыми эта птичка питается сама и выкармливает своих птенцов.

А вот на своих огородах на окраине города, в других населённых пунктах и на даче с этой птицей вы можете подружиться. Для начала попросите своего папу или дедушку сделать для трясогузки очень простой домик. Его вы видите на фотографиях. Сделайте три или четыре разных домика. Развесьте их на виду, не ближе 30 метров один от другого.

Белые трясогузки возвращаются к нам с юга уже в конце апреля, а в северные районы полуострова – в начале мая. И хорошо, если домики уже будут их ждать. Не беда, если разместить домики до весны вы не успеете, сделаете это чуть позднее. За лето трясогузки с ними познакомятся и устроят в них гнёздышко на другой год. И ещё: белые трясогузки на Камчатке выкармливают по два выводка. Значит, они могут переселиться в домик в то же лето.

Не должны мы забывать и о наших шумных соседях – воробьях. Вот кто с удовольствием будет селиться во всех предложенных им домиках. Воробьи могут приносить и пользу, и вред, но об этом мы с вами специально поговорим позже. А теперь я бы хотел услышать ваши вопросы. Слушаю тебя, мальчик.

– Меня зовут Вова. А дереву не больно, когда его бьёт дятел? Оно не заболевает?

Н. И.: Дети, Вова задал очень хороший вопрос. Сейчас мы с вами пока говорим только про животных. Но и растения – деревья, кусты, цветы в поле и в вашем доме – тоже живые. Это другая форма жизни, которая очень

Изготовление домика для трясогузки

Установленный домик

интересует учёных. Вы узнаете об этом больше, когда будете взрослее, а пока помните, что без особой необходимости ломать кусты и деревья, рвать цветы не надо. Возможно, и они тоже испытывают при этом боль. Когда их поражают насекомые-вредители, они болеют и даже могут умереть. Дятлы, как я уже говорил, выискивают такие деревья, достают из-под коры или из древесины насекомых и их личинки. Дятлов, я повторяю, можно назвать врачами, помогающими больным деревьям и спасающими от вредителей здоровый лес. Вот почему дятлы очень полезны для наших лесов. А дупла они выдалбливают в больных или умерших стволах и гнездо строят в нежилой древесине. Я слушаю тебя, девочка.

– Я – Катя. Вы сказали, что мы говорим о животных. Но вы же рассказывали про птичек.

Н. И.: Умница, Катюша! Ты очень внимательно нас слушаешь. Взрослые, иногда это

можно услышать даже по телевизору, часто говорят: «животные и птицы» или «животные и рыбы». Это неправильно. Давайте запомним с вами, что тигр, мышка, попугай, курица, лягушка, жук, паук, рыбки в вашем аквариуме – все они имеют общее название – животные. И после своей поездки в лес или на речку вы будете правильно рассказывать, что видели там не только лес, болото, красивые цветы, но много всяких животных: бабочек, птиц, видели даже горностая, а в реке – рыбок. В старших классах школы вы узнаете, что мир, в котором мы живём, очень многообразен и сложен. Но эти интересные открытия вы сделаете для себя, когда ещё чуть подрастёте.

А сейчас, если вопросов больше нет, я хочу сказать вам, что мне было очень приятно разговаривать с такими внимательными и любознательными учениками. А разговор о нашем общении с птицами и возможной помощи им мы продолжим в следующий раз.

УРОК ТРЕТИЙ

Н. И.: Дети, здравствуйте! В прошлый раз мы говорили с вами о птицах леса, которые предпочитают строить свои гнёзда в укрытиях – дуплах. Говорили и о том, как и чем мы можем им помочь.

Сейчас я расскажу вам о других, более крупных, птицах – утках. Их на Камчатке довольно много. Одни из них гнездятся на болотах, другие прячут свои гнёзда под кустами кедрового стланика или в траве.

Но есть три вида уток, которые предпочитают селиться в дуплах деревьев. Сейчас, а может быть, чуть позже, вам, наверное, будет интересно узнать, что на Камчатке для этих птиц мы, взрослые, делали искусственные домики – дуплянки, и как птицы на это реагировали.

Сейчас мы посмотрим на уток, которые стараются поселиться в дуплах деревьев. Их на Камчатке три вида.

Они не могут, как дятлы, выдолбить клю-

вом это дупло, а ищут старые деревья с неглубоким дуплом. Утки-самочки выстилают его внутри выщипанным со своего живота пухом, откладывают яйца и садятся их насиживать. Самцы уток в воспитании своих детей участия не принимают. Одни улетают в укромные места на озёра, другие – на реки, третьи – на море, там они часто собираются в стаи. И там у них старое перо заменяется на новое.

Я вижу, мальчик поднял руку. Что ты хочешь спросить?

– **Я Серёжа. А как это делается? Зачем заменяют птицы свои перья?**

Н. И.: Смена пера у уток и других птиц называется линькой. Утки линяют не как лесные птицы, которым кормиться и кормить птенцов, а значит, и летать нужно постоянно. И не только у лесных, у большинства птиц замена пера идёт постепенно. А вот на крыльях всех наших уток основные, так называемые маховые, перья выпадают сразу все. И сразу же начинают

Морская чернеть на гнезде (Ю. Герасимов)

Пара больших крохалей (Ю. Герасимов)

Пара лутков

отрастать такие же новые. Серёжа спросил, зачем заменять птицам перья на такие же.

Вы знаете, что птицы очень много летают. Они летают под дождём, в пургу, при сильном ветре, в туман и солнечные дни. В воздух их поднимают перья, от непогоды спасают перья. Птицы обязательно каждый день по несколько часов ухаживают за своим оперением. И всё-таки оно сильно изнашивается, вот почему все наши птицы вынуждены ежегодно сменять своё оперение, свою, можно так сказать, одежду.

Гоголи-самцы, к примеру, линяют раньше самок. Мама-утка будет линять позже, а пока она согревает в дупле яйца. Когда в гнезде выводятся дети, она слетает вниз на землю и зовёт утят к себе. Дупло с гнездом иногда находится очень высоко на дереве, но маленькие утята смело прыгают вниз, утка собирает их всех вместе и старается быстро-быстро увести к реке или озеру. Все утята, только родившись, уже умеют прекрасно плавать и даже нырять. Только на воде они могут спастись от вороны, ястреба и других хищных животных.

К сожалению, удобных мест для гнездования уток-дуплогнёздников немного. Старые дуплистые деревья иногда падают, их срубают для костра люди. Часто дерево с дуплом находится в лесу далеко от реки или озера, а внизу бывает навалено много упавших деревьев. Маленьким утятам тогда очень трудно идти за матерью, на них здесь могут напасть ястреб,

Гоголь-самец

ворона, сорока, горностай и другие враги. Видите, как трудно бывает выжить маленьким утятам, как много опасностей подстерегает их. Очень трудно и взрослым птицам, потому что на них охотятся люди. Вот почему уток, которые гнездятся в дуплах деревьев, на Камчатке мало и с каждым годом становится ещё меньше.

Многие из вас знают, что на Камчатке есть заповедники, природные парки и заказники, где людям не разрешается охотиться на птиц и других животных. И вот там охотоведы, егеря, другие люди должны подумать, чем и как можно помочь разным птицам. Об этом мы поговорим с вами, да и со взрослыми тоже, отдельно.

УРОК ЧЕТВЁРТЫЙ

Н. И.: Здравствуйте, дети! Сегодня наш разговор мы начнём с замечательного стихотворения поэта Александра Яшина:

Покормите птиц зимой.
Пусть со всех концов
К вам слетятся, как домой,
Стайки на крыльцо.
Не богаты их корма.
Горсть зерна нужна.
Горсть одна –
И не страшна
Будет им зима.
Приучите птиц в мороз
К своему окну,
Чтоб без песен не пришлось
Нам встречать весну.

Думаю, вы догадались, о чём будет наш разговор. Конечно же, мы с вами ещё раз вспомним о наших зимующих птицах и о том, нужно ли и как помогать им зимой.

Летом многих птиц, живущих на Камчатке круглый год, можно увидеть в лесу, около рек,

некоторых – даже высоко в горах. Зимой же, когда им становится холодно и голодно, птицы, иногда помногу, появляются около жилищ человека. А это значит, что им стало трудно найти себе корм в привычных местах обитания. Когда мне было столько же лет, как сейчас вам, у меня к столбу забора была прибита железная тарелка, в неё я подсыпал птичкам корм. Для многоснежной Камчатки такая кормушка непригодна. Сейчас же в поисковой строке Интернета мы можем набрать слова «Кормушки для птиц», чтобы увидеть самые разнообразные их конструкции. Мне больше понравились очень практичные кормушки из пластиковых бутылок. Загляните в Интернет.

А сейчас посмотрим, кто может прилететь на наши кормушки. Наверное, самым заметным и очень желанным для нас гостем будет красавец **снегирь**.

Изредка в населённых пунктах нашего полуострова зимой появляются очень симпатичные и самые доверчивые к людям птицы – **щур**. Щур несколько крупнее снегиря.

Снегирь (А. Афонина)

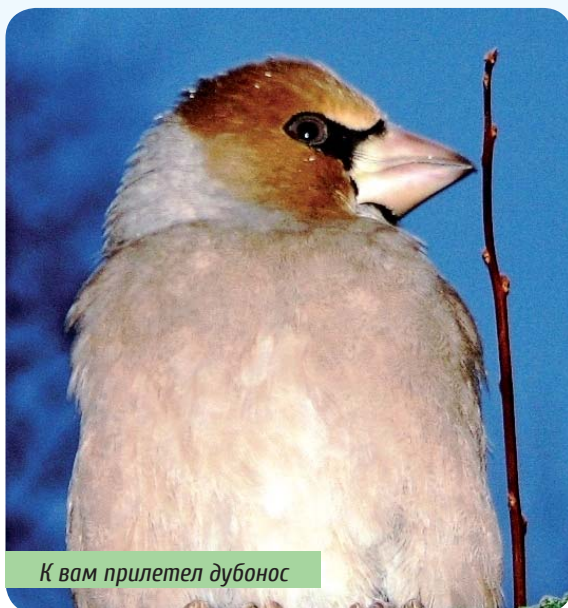
Щур

Взрослые самцы этого вида окрашены в розовый цвет, самочки и молодые птицы чаще имеют жёлто-серое оперение. Песенка щура тихая, приятная на слух. Эти птицы доверчивы к людям, к ним можно близко подойти с фотоаппаратом. Обычно и лето и зиму щуры проводят в лесу, питаются ягодами рябины, плодами шиповника, черёмухи, семенами, почками различных растений. Если же они прилетели в город, знайте: в лесу неурожай ягодных кормов и птицы нуждаются в нашей помощи. Прикормив щуров около своего окна, вы увидите, насколько они верят в доброе к ним отношение.

Кормушку могут вдруг посетить небольшие серенькие птички с малиновым «чепчиком» на темени. Они будут не только торопливо склёвывать выложенное для них просо, семена берёзы или лиственницы, но и беспрерывно переговариваться меж собой: «Че-че-че... чи-чи-чи... че-че-че». И даже если раньше вы их не знали, сразу догадаетесь, что именно этих разговорчивых птичек называют **чечётками**. В их стайках встречаются и птицы с розовыми грудками. Но так наряжаются только самцы.

Посмотрите, как гордо смотрит эта прекрасная птичка, заснятая в нашем Центре орнитологом Юрием Артюхиным.

К вам прилетел дубонос

Чечётка

Может быть, вам удастся познакомиться с замечательной птицей **дубоносом**. Эта встреча порадует и удивит, потому что ни у одной другой нашей небольшой воробьиной птицы нет такого мощного, такого сильного клюва.

Лично мне дубонос кажется таким небольшим, крепеньким, очень сильным мужичком. Дубоносу на кормушке понравится всё: и рябина, и семечки, и даже целые орешки кедрового стланика. Их он будет щёлкать так легко, что вам никогда не захочется подставить ему свой палец. И, посмотрев на это фото, вы со мной согласитесь.

Если на кормушке будут кучкой лежать ягоды рябины, а в посёлке появятся красавцы-**свиристели**, от вашего угощения они не откажутся ни за что. Своё название эта птица получила по издаваемым ею «свиристящим» звукам. И один раз услышав голос свиристели и увидев на дереве сравнительно небольшую птицу с торчащим на голове острым хохолком, вы сразу догадаетесь, что это свиристель и не забудете её названия уже никогда.

Свиристель (Ю. Артюхин)

Я думаю, у вас на кормушке может появиться невзрачная, но очень интересная загадочная птица – **сибирский горный вьюрок**. О ней, живущей летом в горах, я буду говорить более подробно в одной из следующих наших бесед.

И всё-таки зимой едва ли не больше других наших пернатых друзей в помощи могут нуждаться мелкие насекомоядные птицы: синички **пухляк** и **московка**, а также их постоянный спутник в кочёвках по лесу – **поползень**. Мы с вами знаем, что летом они предпочитают питаться насекомыми, находят спрятавшихся на деревьях паучков, насекомых, их личинки, куколки и яйца. Но не откажутся эти птицы и от выложенных на кормушку семечек подсолнуха, других семян и будут очень рады, обнаружив там давленные кедровые орешки. Только всегда помните: семечки, орешки, другая подкормка не должны быть жареными. Компанию нашим синичкам с удовольствием составят и хорошо уже вам известные наши дятлы.

Мы с вами пока больше говорили о лесных птицах. Многих из них мы не сможем увидеть зимой в наших северных посёлках. Но зато на севере Камчатки есть очень красивые птицы **пуночки**. Иногда их называют снежными воробьями, но могут называть иначе. Ребята северных посёлков нашего края знают их очень хорошо. Пуночки быстро откликнутся на вашу заботу, будут постоянно посещать кормушку с угощением из различных семян, крошек белого хлеба, кусочков мороженой рыбы и мяса. Наблюдая за ними, вы получите не только большое удовольствие, но лучше их узнаете, а значит, и полюбите. И жизнь ваша от этого станет много интересней.

Воробьи на Камчатке появились около тридцати лет назад. Их у нас два вида: более крупный – **воробей домовый**, самочка у него серая. **Воробей полевой** помельче, самка и самец по цвету не различаются. Многие из вас воробьёв видели, и всё-таки посмотрите на них ещё, постарайтесь запомнить, в чём их различие.

А теперь я жду ваших вопросов. Слушаем тебя, Серёжа.

Домовый воробей

Полевой воробей

– А где лучше поставить кормушку, чтобы близко видеть птиц?

Н. И.: Я живу в Петропавловске в большом доме. Кормушка для птиц у меня была прикреплена у окна четвёртого этажа. Стекло из квартиры я закрыл куском марли, растянув её кнопками. Это позволило мне, оставаясь для птиц невидимым, очень близко рассматривать прилетавших на кормушку горных вьюрков, чечёток, снегирей. Ещё лучше, если вы живёте в своём доме и у вас есть огород. Тогда вам не нужно будет думать, как при-

влечь к кормушке птиц. Они много внимательнее нас и быстро найдут выложенное вами угощение.

Не обижайтесь на воробьёв, которые почти обязательно обнаружат кормушку первыми. Рассматривая их с расстояния в полтора-два метра, вы откроете для себя многое, чего о воробьях раньше не знали. И обязательно все свои наблюдения подробно записывайте в специальный дневник. Потом своими открытиями, а они у вас точно будут, поделитесь с друзьями, расскажете о них в школе.

И ещё, ребята, я хочу вам сказать, что

птиц люди подкармливают и в южных, жарких странах. В Южной Америке я видел, как к домам из джунглей прилетали попугаи, дятлы, мелкие птицы; их на прикреплённой к дереву дощечке-кормушке ждали фрукты. В Венесуэле и Индонезии разным цаплям местные жители давали мелкую рыбу. В южных странах птицы не так нуждаются в подкормке, но людям приятно, что они могут что-то дать диким животным, что те не отказываются от угощений. Так, будучи ещё малышами, дети начинают любить птиц, белок, игуан и, когда становятся взрослыми, тоже не обижают их.

УРОК ПЯТЫЙ

Сегодня, дорогие ребята, наш урок будет несколько отличаться от предыдущих. Я хочу рассказать вам о птицах, которые на зиму улетают с Камчатки на юг. Нам же должно быть интересно, как они живут там, где тепло, и помогают ли люди птицам, которые прилетели с севера.

Некоторые наши птицы зимуют очень далеко: улетают в Австралию и дальше – в Новую Зеландию. В этих двух странах мне пока побывать не пришлось. А вот в Японии бывал неоднократно, и птиц наших камчатских, большей частью гусей и уток, видел много.

В нескольких километрах от японского города Тоёсака есть озеро Фукусима-гата, на русский язык это переводится как «озеро счастливых островов». Уже многие столетия с севера сюда прилетают зимовать стаи красивых больших гусей. И сейчас мы уже знаем точно, что летом они живут на Камчатке. Это таёжные гуменники, которых в Японии называют ещё гусями Миддендорфа. Птиц этих, судя по древним гравюрам, японцы любили всегда. В Японии на гусей не охотятся. Одно время более активной была их охрана и на Камчатке. И тогда японцы заметили, что на зиму к ним стало прилетать больше этих птиц, а гуси стали не так опасаться человека. Людям это было приятно, и всё больше их – от малых детишек до людей самого преклонного возраста – потянулось к гусям. Мало того, жители

Тоёсака избрали гуся Миддендорфа символом своего города. А вот символом города Вакаянаги стал лебедь. Изображения птиц-символов в городах Японии можно увидеть всюду: на плакатах, наклейках, футболках, с изображениями любимых птиц отливаются даже металлические канализационные люки.

Будем справедливы: такие примеры становятся не чуждыми и руководителям некоторых регионов России. Так, в 2011 году официальным природным символом Ульяновской области стал солнечный орёл, это узаконено соответствующим актом местного правительства. И, насколько мне известно, для нашей страны подобные примеры уже не единичны.

А теперь опять об Японии. Как видите, диких гусей, лебедей, как, впрочем, и других птиц, прилетающих в эту страну зимовать, любят многие жители. Но людям нужен рис, и рисовые поля постепенно стали подходить к озеру Фукусима-гата всё ближе. Стало усыхать окружающее его болото. И некоторые люди решили совсем осушить озеро, занять это место рисовыми полями. Тогда в защиту Фукусима-гата японцы собрали 19 тысяч подписей. А однажды около него собрались 6 тысяч человек, они взялись за руки и окружили озеро и болото сплошным кольцом. Корреспонденты многих телевизионных станций и газет рассказали об этом всей Японии. Во главе движения в защиту озера и гусей встал Огава-сан, мэр города

Дорожные люки в Вакаянаги (Япония)
отлиты с изображением лебедей и цветов

Тоёсака. Многие люди дали свои деньги на то, чтобы через два года на пути наступления рисовых полей на озеро Счастливых Островов было построено красивое многоэтажное здание – Центр экологического воспитания населения. На открытие этого Центра меня с женой Аллой пригласили в 1997 году. И мы были удивлены увиденным. Давайте представим себе (для Камчатки пока невозможное), что где-то вдали от нашего города или посёлка в поле, в тундре ради спасения небольшого озера и живущих на нём птиц построили круглое в основании, кажущееся полностью стеклянным здание высотой до восьми, или даже выше, наших этажей.

Именно таким увидели мы в Японии это строение, фактически являющееся Дворцом экологического просвещения населения. И таких центров, не только «птичьих», в этой стране немало.

Посещали мы и другие, стоящие на бере-

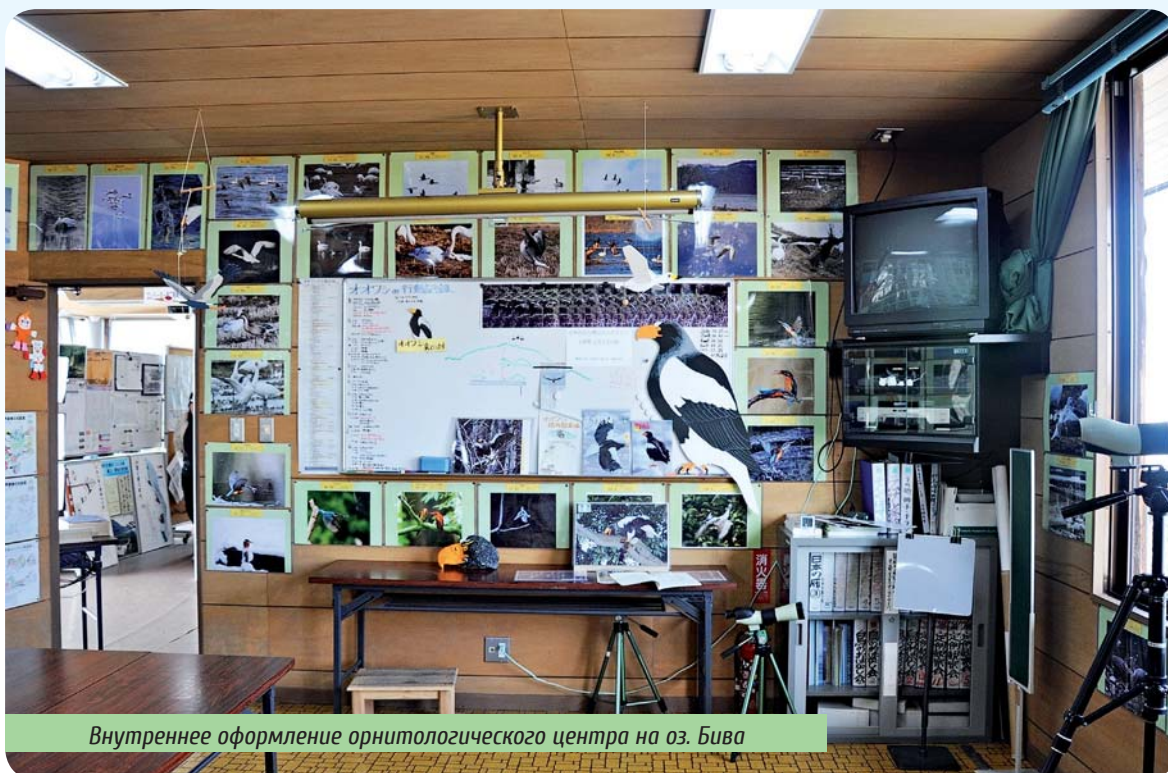
гах озёр, более скромные, но добротные построенные центры для наблюдений за гусями и другими птицами. Они оснащены специальными телеустановками, полевыми трубами, биноклями, определителями птиц, наглядными, в том числе научными, материалами, разного рода поделками – загадками для детей. Вход и пользование приборами наблюдений для всех бесплатный. Есть и совсем небольшие вагончики, как, например, у любителей гусей города Эдосаки, но и они снабжены всем необходимым для комфортного в них нахождения, для исследовательской работы.

И везде около таких вот пунктов любители птиц подкармливают диких уток и лебедей, и те платят людям полным доверием, нередко берут корм, например, специально нарезанный на кусочки белый хлеб, прямо из рук детей и взрослых.

Центр экологического просвещения, Япония

В Центре на оз. Бива

В школах Японии мы встречались с учениками. Они всегда улыбались, были очень приветливы, любознательны, добры ко всему живому. В некоторых школах в классах и коридорах на специальных полочках, на подоконниках мы видели фигурки разных птиц, и ученики, даже младших классов, знали их японские названия. Общаться с японскими ребятами очень приятно: они задают много вопросов о нашей природе, о птицах Камчатки, интересуются, дружим ли мы с птицами и как им помогаем. Вот, дорогие ребята, как

относятся к улетающим от нас на зиму птицам в Японии.

Советую вам смотреть фильмы Би-Би-Си, очень интересно о дружбе людей и птиц в разных странах рассказывает известный учёный Дэвид Аттенборо.

У нас на Камчатке такой трогательной массовой дружбы с птицами, к сожалению, пока нет. В городах и посёлках не встретим мы щитов, плакатов с изображением наших животных. В лесу есть щиты, призывающие к заботе о Природе, но часто они расстреляны пулями и дробью – так «любят» Природу многие наши «культурные охотники». Это позор и беда современной Камчатки.

А вот что мне было приятно увидеть в 2010 году в Брянской области, куда меня пригласили посетить Государственный биосферный заповедник «Брянский лес». Прежде всего, поразили образцовый порядок и дисциплина в самом заповеднике. Мало того, что порядком и чистотой блещит сама обширная усадьба, такой же порядок с наглядными щитами, устроенными местами отдыха я увидел

Ю. Герасимов кормит уток (Япония)

Дети спрашивают

Щит с информацией о заповеднике «Брянский лес», пос. Суземка

Ещё один щит на въезде в райцентр, установленный сотрудниками заповедника

по периметру заповедных границ. А по четырём «углам» главной площади райцентра – посёлка Суземка сотрудниками заповедника установлены вот такие наглядные щиты.

Но и это ещё не всё. На вокзале для людей, ожидающих поезд или автобус, постоянно идут короткометражные фильмы о заповеднике, его растительном и животном мире, работе учёных и службы охраны. А в деревне Чухраи, довольно далеко и от районного центра, и от основной усадьбы заповедника, при мне уже достраивалось новое здание Центра экологического просвещения. Финансирует работы Министерство природы России.

Днём рождения этого знаменитого сейчас заповедника правильнее будет считать день, когда на реке Неруссе молодой сельский учитель Игорь Шпиленок неожиданно для себя об-

наружил гнездо редчайшего в Европе чёрного аиста. Потом будут и другие находки и чёрного и белого аистов, и будет много писем и встреч, пока в 1987 году, наконец, заповедник «Брянский лес» не обретёт свой законный статус.

Несколько лет назад в Калифорнии мне пришлось познакомиться с работой американских рейнджеров – охранников природы. Только-только наша машина появлялась вблизи мест зимовки диких гусей, как сразу же нас настигал джип охраны. Убедившись, что мы не нарушители, а учёные-орнитологи, рейнджер доставал свою карту, разъяснял, где сейчас находятся стаи интересующих нас птиц, извещал по рации своих коллег, кто мы такие. И больше нас никто не беспокоил.

Встречаясь в «Брянском лесу» с инспекторами: только что окончившим школу парнем

Центр экологического просвещения, д. Чухраи (Республика Беларусь)

Сергеем и уже пожилым Петром Никитичем, я увидел, что в своём стремлении сохранить, защитить Природу они не отличаются от американских рейнджеров. И обязательные ежедневные маршруты по охраняемой территории у них тоже многокилометровые. Но пока, не имея ав-

томашин, по лесным дорогам они ходят пешком.

Мне кажется, мальчики и девочки, что за время наших встреч у вас накопилось ко мне немало вопросов. Может быть, вам что-то было непонятно, что-то вы хотите узнать ещё? Готовы-те свои вопросы, а я приду к вам ещё раз.

УРОК ШЕСТОЙ

Н. И.: Дети, здравствуйте! Мы с вами уже что-то узнали про птиц Камчатки. Но, я думаю, что у вас есть вопросы. Вижу, что есть, и уже что-то хочет спросить Катюша.

Катя: Я видела, как ястреб поймал голубя и унёс его. Значит, ястреб злой и вредный?

Н. И.: Ты, девочка, задала очень-очень серьёзный вопрос. Мы с вами уже говорили о дятлах. Если, например, мы увидим, что дятел достал из-под коры дерева живую личинку, мы будем называть его злым и вредным? Думается, что нет. Выйдя на берег озера или моря, мы можем увидеть уток, чаек, куликов, здесь же, на берегу, могут находиться мелкие воробьиные птицы. Чайки будут ловить маленьких рыбок, утки – на воде, а кулики – на берегу будут собирать свою пищу: различных личинок, насекомых, пауков, мелких ракообразных. И про этих птиц мы не подумаем, что они злые.

Может быть, нам посчастливится увидеть, как хищная птица скопа или огромный орлан охотятся на реке за рыбой, и мы не будем ругать их за это. Мы можем встретить и других хищных птиц: орла, ястреба или сокола. Они не питаются семенами растений, насекомыми. Эти птицы ловят куропаток, уток, зайцев, полёвок. Но они тоже не злые и не вредные.

Когда мне было столько же лет, сколько сейчас вам, в разных странах охотники стали уничтожать хищных птиц. Люди посчитали, что так они защищают других животных от «злых» и очень вредных орлов и ястребов. Убили очень-очень много хищных птиц. Но в природе не прибавилось ни куропаток, ни уток, наоборот – их становилось всё меньше: птицы, как оказалось, во множестве умирали от болезней. Развелось небывалое раньше количество мелких грызунов, уничтожающих урожаи зерна и овощей. И тогда люди поняли, что

орлы, ястребы, соколы очень полезны и нужны в природе. Хищники, прежде всего, ловят больных птиц или зайцев, уничтожают вредителей-грызунов. А поймав большое животное, хищные птицы, как врачи или санитары, спасают многих других животных от заражения. Мы с вами должны об этом знать и не ругать хищных птиц, не обижаться на них. Давайте посмотрим на некоторых наших хищных птиц поближе.

Кречет – замечательный хищник, одна из редчайших охраняемых птиц планеты. Находится на страницах Красных книг всех стран северного полушария. Живёт в субарктической и арктической природных зонах, на Камчатке гнездится практически до мыса Лопатка.

Окраска оперения разных особей может быть от бурой до почти белой.

Это – птица, предпочитающая открытые пространства. Добычу кречет обычно ловит на лету, но белых куропаток и зайцев может брать и на земле.

На севере Камчатки кречета называют «куропатником».

Тетеревятник, которого иногда называют просто «большим ястребом», находится в Красной книге Камчатки. Сильный, красивый хищник, населяющий всю лесную зону. На Камчатке обычен, но многочисленным не бывает никогда. Ястреб-тетеревятник – непревзойдённый мастер пилотажа, и намеченной им добыче – птице или зайцу – очень трудно спастись даже в лесу.

К сожалению, эти птицы, как и кречеты, довольно часто становятся жертвами неграмотных охотников. К нам в Центр этих птиц нередко приносили ранеными. Мы их лечили, кормили и уже здоровыми выпускали на волю.

На первый взгляд, тетеревятника можно спутать с кречетом, и поэтому сразу надо обращать

Кречет с добытой
чёрной вороной

Мохноногий канюк

внимание на цвет их глаз: у кречета они тёмные, у тетеревятника – посмотрите на фото – жёлтые.

Мохноногий канюк – гроза полёвок и мышей, спаситель урожаев зерна и овощных культур. На Камчатке это довольно обычная хищная птица с непостоянной численностью, которая зависит от обилия в разные годы пищи.

В отдельные годы при поездке из Петропавловска в Елизово мы можем видеть нескольких канюков, медленно летающих над полями. Это значит, что в данном году у нас развелось много полёвок. Когда грызунов «неурожай», мы не увидим и этих замечательных хищников.

В Подмоскowie юннаты, наблюдавшие за мохноногим канюком, подсчитали, что за 50 дней он поймал 415 полёвок и мышей.

Согласитесь, что эти птицы заслуживают нашего уважения.

– Я – Юра. Расскажите, пожалуйста, как вести наблюдения за птицами. Что для этого нужно делать?

Н. И.: Дорогой Юра! Ты задал вопрос, ответить на который сразу я даже затрудняюсь. Давай попробую кратко рассказать, как пришёл к этому сам. Я рано начал читать книги о природе. Тебе сейчас трудно поверить, что книг таких тогда почти не было. И уж, тем более, ещё не было замечательных фильмов Би-би-си. Я посещал Станцию юннатов, там рано научился собирать различные коллекции. А ещё рано начал вести дневник, в который записывал дату наблюдения, погоду – всё, что видел в природе интересного за день. Меня больше интересовали птицы, поэтому о них я писал очень подробно. Если ты всерьёз заинтересуешься изучением птиц или других животных, приходи со своими вопросами в наш институт (КО ТИГ ДВО РАН. – *Ред.*); живёшь в городе Елизово – к учёным Кроноцкого заповедника. Узнай, где есть юннатские кружки.

И ещё о птицах. Ты пока не знаешь названий всех птиц, которые зимой будут прилетать на кормушку, которых летом увидишь в лесу

Ястреб-тетеревятник

или на даче. В свой дневник таких птиц записывай под условными названиями. Лучше, если они будут отражать какой-то отличительный признак в оперении или голосе птицы. Например, чечётку – серенькую птичку с красными пёрышками на головке, если ты её пока не знаешь, можно назвать «красной шапочкой», жёлтую трясогузку – «желтобрюшкой», других птичек – «желтошейкой», «хохлаткой». Придумывай любые, какие тебе нравятся, названия, но одних и тех же птиц называй уже придуманным тобой одним именем. Постарайся зарисовать птицу, а ещё лучше – сфотографировать. Потом любой человек, хорошо знающий птиц, лучше учёный, подскажет тебе её настоящее название. Скажу по секрету: некоторые учёные тоже знают не всё. И так же, как я тебе рекомендую, поступают, например, ботаники или ихтиологи, если не достаточно хорошо знают птиц. А учёные-орнитологи, изучая питание птиц, часто собирают гербарии, а потом идут за помощью к ботаникам, энтомологам – хорошо знающим насекомых.

– Меня зовут Ира. У нас в городе много ворон. Их тоже нужно подкармливать?

– Спасибо, девочка, за этот очень важный вопрос. Ворон кормить нельзя, и старайтесь прогонять их со своего огорода. Они в достатке находят себе корм в других местах, а на вашей кормушке могут только навредить другим птицам. Чрезмерно размножившиеся на юге Камчатки вороны – настоящее бедствие для нашей природы. Эти птицы несут беды большинству видов других птиц. Но разговор этот очень серьёзный, и на уроке мы говорить об этих птицах пока не будем.

Ира: Если я увижу больную птичку, я могу взять её домой, чтобы вылечить?

Н. И.: Это тоже очень и очень серьёзный вопрос. Ни в коем случае вы не должны брать в руки встреченных на улице или в природе больных птиц. Никогда не дотрагивайтесь до больных и мёртвых птиц руками. Многие из вас, наверное, слышали о том, что сейчас в разных странах, в том числе и в нашей стране, появилась опасная болезнь, которую называют птичьим гриппом. От этой болезни умирают люди. Есть и другие страшные для нас с вами болезни, которыми мы можем заразиться от птиц.

В городе, в посёлке вы можете увидеть голубя, ворону, воробья, на природе – других птиц, которые не боятся людей, их можно легко поймать руками. Такая птица может иметь неопрятное распушённое перо, быть малоподвижной. Знайте: она нездорова, и вам от неё лучше сразу же уйти. Не позволяйте другим детям ловить такую птицу, дотрагиваться до неё, предупреждайте об этом взрослых.

Считается, что наиболее реальные переносчики болезней в городах – голуби.

Но то, о чём я сейчас сказал, совсем не значит, что мы должны бояться всех птиц. Мы будем им помогать, будем зимой птиц подкармливать. И обязательно не будем забывать часто и хорошо мыть руки.

Ира: У нас живёт попугай, и он очень умный.

Н. И.: Вот послушайте, что много лет назад рассказал мне один зоолог из Москвы о своём говорящем попугае жако. Попугай сидел на стуле, и хозяин стал всё сильнее надавливать на палец птицы. Попугай какое-то время терпел, а потом, когда ему, наверное, стало очень больно, резко выкрикнул: «Дурачок!». И зоолог, вспоминая об этом, искренне удивлялся, что птица сказала ему то, что в подобной ситуации сказал бы человек.

Вы наверняка знаете попугая-кореллу, которого сейчас видите на фото на с. 31. Вид этот родом из Австралии. Там кореллы иногда образуют большие стаи, наносят существенный ущерб зерновым сельскохозяйственным культурам, за что этих попугаев местные жители не любят. Для нас же корелла стал декоративным домашним (и будто бы «не очень умным») питомцем. Насколько мне кажется, «ангельским» характером эти птицы не отличаются. Наш (живущий в Центре. – *Ред.*), мы зовём его Кириллом, – тоже.

Особую любовь Кирилл питает к орнитологу Римме. Он доверяет ей настолько, что охотно демонстрирует такой вот «смертельный номер».

Что касается понимания Кириллом «смертельности» исполняемого им трюка, я, конечно же, пошутил, но выполняет он его всегда охотно. А вот мужчин, которые его чем-то обидели, подразнили, наш попугай запоминает и знаясь с ними больше не хочет, изыскивает любую возможность их укусить. Поначалу

Смертельный трюк Кирилла

Попугай внимательно слушает, что говорит ему японский друг

я думал, что Кирилл не любит всех мужчин. Но осенью 2010 года нашим гостем был японский орнитолог Масаюки Куречи. Он подолгу о чём-то беседовал с Кириллом (ни японского, ни птичьего языка я, к сожалению, не освоил), и попугай стал его преданным другом.

Понять это не так трудно: птица тонко чувствует доброе к себе отношение. По своей натуре очень разговорчивый, наш Кирилл любит, когда на него обращают внимание, беседуют с ним, и тогда птица проникается к этому человеку подлинной симпатией. И я уже не рискнул бы назвать его глупым.

Уже очень давно, когда я ещё учился в институте, почти все люди, и даже многие учёные, думали, что ум есть только у людей. Были этим горды и отказывали другим живым существам даже в зачатках разума.

А давайте проведём с вами один опыт. Поругайте свою собаку за то, чего она не делала, и за это же поругайте живущую у вас в клетке канарейку. И вы увидите, как обидится на вас верный пёс: он сразу же станет грустным (возможно, потому, что не может оправдаться) и уйдёт, чтобы вас не видеть. А канарейке хоть бы что. Она не поняла, просто не могла понять, что её ругают.

Вот почему я и мои товарищи, будучи студентами-охотоведами, постоянно общаясь с охотничьими собаками, уже не могли верить преподавателям, живущим старыми представлениями об умственных способностях других, кроме людей, живых существ.

Потом, всё более узнавая животных, учёные стали замечать, что собака, слон, лошадь, дельфин, из птиц – некоторые попугаи, ворон, ворона – не такие уж и глупые, как считалось раньше. Если ворона умеет считать, отличает ружьё от

палки, а собака без слов угадывает ваше желание, разве можно считать их глупыми?

Мы знаем, что многие попугаи живут очень долго, а это значит, что они многое видят, многое запоминают. Живя с людьми и научившись говорить, быстро запоминают своё имя, могут сказать, что голодны, что-то спросить, а перед сном пожелать вам «Спокойной ночи!». Не удивляйтесь, в чём-то они могут быть даже совершеннее людей.

Запомните, ребята: мы, взрослые, коснулись лишь самого «краешка» скрытых пока от нас знаний о живущих вместе с нами на Земле других живых существах.

Перед вами же скоро встанет выбор, кем быть: учёным-естествоиспытателем, школьным учителем, инженером, лётчиком, строителем. Но чем больше и лучше вы будете знать о нашей камчатской природе, о растительном и животном мире Земли, тем интереснее, полнее станет ваша жизнь, тем большим будет ваше желание и ваши возможности сохранить данный нам мир Природы. Чем больше вы будете узнавать, тем больше начнёте уважать эти замечательные, удивительные, совершенные создания, живущие вместе с нами на планете Земля.

Вы обратили внимание на то, что все ваши вопросы я называл очень интересными, серьёзными, важными. И это действительно так. Это радует, так как интерес к тайнам, познанию Природы у вас есть.

А сейчас давайте попрощаемся. Дальше я продолжу свой разговор уже с более взрослыми людьми: вашими учителями и родителями. Но, если вам будет интересно, из продолжения этих наших Бесед вы сможете узнать о возможностях добрых отношений с дикой природой нашего края ещё больше.

Варакушка (Ю. Герасимов)

БЕСЕДА ВТОРАЯ

Наши пернатые соседи

Птицы – одна из наиболее значимых для всех нас составляющих живой Природы. Но многие ли задумывались об этом, придавали этому значение?

Мало кто задумывается, что значит для нас воздух: он был, он будет... Как само собой разумеющееся и вечное принимаем мы окружающий нас мир растений. Правда, всё больше людей сталкивается с думами о чистой воде. Её всегда было так много, ещё недавно мы не сомневались, можно ли купаться в этом вот озере, пить или не пить воду, текущую в нашей квартире из крана. И вот уже многие в нашей стране вынуждены покупать чистую воду в магазинах. Даже на Камчатке, где острой необходимости в этом нет, мы считаем нормальным отдавать деньги за минеральную столовую негазированную воду «Малки» – обычную чистую воду, добытую из скважины. И не все знают, что болезни, вызванные некачественной водой, ежегодно убивают на Земле пять миллионов людей, большей частью – детей.

Так что же в жизни людей значат птицы?

Боюсь, многие скажут, что птицы живут сами по себе – летают, поют, размножаются; мы – сами по себе. Но давайте посмотрим на них более внимательно. Может быть, птицы так же необходимы нашей Планете и всем нам, как воздух, вода, солнце, лес?

Для начала немного «помечтаем». Представим себе один из солнечных июньских дней. Кончилась рабочая неделя, вы устали от школы, работы, шума и выхлопных газов. На выходные выехали за город, поставили на берегу реки палатку, разожгли костёр. Лес, шум воды, закипевший на костре чайник – настроение замечательное. Ближе к ночи так приятно посидеть на берегу реки. И всё-таки вас всё больше одолевает какой-то необъяснимый душевный дискомфорт, и он нарастает. В чём дело? Как вдруг кто-то из вашей компании задаёт вопрос: «А почему сегодня не слышно и не видно птиц?» И вы, наконец, понимаете, что вас угнетало. Случилось что-то действительно необъяснимое и потому исподволь вас тревожившее. Не слышно не то что песен, за

всё это время вы не уловили ни единого писка мелких птиц, никому не отсчитывала года кукушка, не стучал по дереву дятел. И вы вспоминаете, что за весь вечер над речкой не пролетела ни одна крачка, не слышно было резких голосов чаек. Засыпаете в тревоге, а, рано проснувшись, стараетесь уловить хотя бы одну песенку, одну позывку птицы. Но не слышите их. И начинаете понимать, что произошло что-то непонятное, пугающее. Домой вы возвратитесь не отдохнувшим, а то и совсем уставшим.

Извините меня за эту действительно жуткую картинку, которую нам с вами пережить не придётся никогда.

А вот действительность нашего ближайшего раннего лета. Итак, июньским днём вы отправляетесь за город. Хотите только отдохнуть от трудной рабочей недели, и едете к речке, в лес, не собираясь слушать песни птиц. По правде, вы их и знаете-то плохо, ни одной, кроме вороны и кукушки, правильно не назовёте. А петь умеете и сами. Отдых удаётся: костёр, потом песни – ваши песни. О птицах вы просто не думаете: они живут сами по себе,

мы – сами по себе. А чуть свет кого-то из вас будят звонкие разноязычные голоса лесных птиц, на соседнем озере раскричались чайки. Даже если вас они и разбудили, это же так нормально. И вот что интересно: кто это совсем рядом с палаткой звонко и задорно спрашивает: «Ча-вы-чу ви-дел? Ча-вы-чу ви-дел?». Кто это такой любопытный? Вы тихонько чуть-чуть расстегнёте молнию на выходе из палатки и в образовавшуюся щель увидите окрашенную в изумительный рубиновый цвет небольшую птичку. Потом вам скажут, что про чавычу вас спрашивал самец чечевицы. А сейчас под впечатлением этого маленького события, даже если ваши мысли будут о чём-то другом, вы будете лежать, улыбаясь. Отдых действительно удался!

А вот ещё один, на этот раз ненадуманный, пример. В Управлении охотничьего хозяйства мне пришлось работать с сотрудником, улыбку на лице которого обычно заменяла скептическая усмешка. А однажды зимой он подошёл ко мне со светящимися глазами и рассказал, что к нему на подоконник стали прилетать какие-то птицы, что всё воскресенье он подсыпал им разную крупу, семечки, крошки белого хлеба. Они очень пугливы, но возвращались сразу же, как только он закрывал окно и прятался за тюлевой занавеской. И что на них было «так интересно смотреть!». Я объяснил ему, что это горные выюрки, что и я тоже сделал у окна кормушку, постоянно наблюдаю за ними. И этот человек ждал следующего выходного дня и опять радостно делился со мной своими наблюдениями.

Конечно же, я говорю о необходимости обязательного присутствия в окружении человека наших с вами экологических партнёров – птиц. К счастью, пример, с которого я начал сегодня свой рассказ, всего лишь образчик «чёрного» пессимизма. Нам с вами подобный «отдых» на природе не грозит. Не грозит потому, что... человечеству не суждено дожить до такой беды: увидеть Землю без птиц. Мы погибнем раньше.

А вот птицы без нас жить могут. Почему? Для начала давайте вспомним, что первые птицы на нашей планете появились за десят-

Обыкновенная крачка (Ю. Герасимов)

Жёлтая трясогузка (Ю. Герасимов)

ки миллионов (!) лет до существ, которых уже можно называть людьми. Вероятно, тогда птицы ещё не были такими совершенными, такими красивыми, как их потомки, живущие в наши дни. Надо думать, те «первоптицы» не были столь стремительными в полёте, не слышно было и таких завораживающих птичьих песен. Но «первоптицы» уже учились летать, потом летали. А «перволюдей», если так можно сказать, Земле предстояло ждать всё те же десятки миллионов лет.

Появившись же, встав на ноги и взяв в руки сначала камень и палку, двуногие существа сразу же начали охотиться и убивать других животных. Это всё было естественным, ибо без охоты на птиц и других животных зарождающееся человечество просто не могло бы совершенствоваться. И обилие птиц, зачастую плохо владеющих крыльями или совсем не летающих, помогало нашим далёким предкам выживать. Вправе ли мы винить полинезийцев, 2 тысячи лет назад пришедших

на ближние к Новой Зеландии острова, где до них, не зная врагов, обитали до 20 видов птиц моа. Наверное, не вправе, даже зная, что они стали виновниками гибели, по крайней мере, 12 видов этих кажущихся сейчас сказочными нелетающих птиц. Считается, что последние моа убиты в конце XVIII века, скорее всего, уже европейцами. И вот здесь быть столь же благодушным лично мне как-то не хочется. Всего же с появлением полинезийцев, а затем и европейцев исчезли, как известно науке, 43 вида новозеландских птиц, но не все эти виды были «съедены» человеком. Причиной их гибели могли стать и завезённые туда свыше 40 видов птиц, чуждых коренной фауне. Столь же трагичной оказалась судьба значительного числа видов птиц, некогда живших на Гавайских островах.

Очевидно, мы не будем далеки от истины, сказав, что появившееся на Земле много позже птиц двуногое существо – человек несло пернатому населению планеты только

несчастье. Сейчас в мировой фауне учёные насчитывают, казалось бы, не так уж и мало около 9,3 тысячи видов птиц. Но в то же время мы с вами живём в эпоху, когда по вине человека свыше тысячи этих видов находятся на грани вымирания. Об этом, о причинах обеднения авифауны мы уже говорили в одном из предыдущих выпусков «Бесед о птицах Камчатки». Сейчас же давайте постараемся разобраться: действительно ли птицы столь важны в природе, так ли они необходимы ей, а, значит, и всем нам. Может быть, это всего лишь выдумки учёных и любителей птиц?

К несчастью для дикого животного и растительного мира планеты, немалое число людей считает, что всё на Земле создано только для них, что вся Природа принадлежит только им.

Впрочем, я уже повторяю слова Серой Совы, мудрого писателя-индейца.

Вообще же практичные люди определили целый ряд «ценностей» Природы. Рассказывая о птицах, не отвергая этого термина совсем, я чаще употребляю другие слова: значимость, значение, роль. Так вот, эта самая значимость птиц для нас может быть экономической (практической), научной, эстетической, этической, историко-культурной, культурно-образовательной и воспитательной, религиозно-мистической. Не надо забывать и об экологической роли птиц. И чётко разграничить ценности пернатого населения нашей Планеты бывает не всегда легко. Это мы и увидим, рассматривая значение птиц для каждого из нас и их роль в жизни планеты Земля.

ПЕТУХ КАК «НЕЧИСТАЯ СИЛА»

Сейчас нам с вами это может показаться удивительным, но среди домашних птиц едва ли не больше всего преданий, суеверий, легенд и сказов досталось вожаку куриного племени – петуху. Некоторые исследователи считали, что именно эстетические и боевые достоинства петуха изначально стали важнейшей причиной одомашнивания кур. И уже потом возобладали иные взгляды на эту птицу.

Дикари Меланезии считали, что петух им подарен богом Солнца. В Древней Индии петух считался священной птицей и содержался при храмах. Своим предрассветным криком он, якобы, извещал людей о том, что злые силы покидают землю и бояться их до наступления следующей ночи не надо. Из Индии «солнечные птицы», как их тогда называли, были доставлены в Персию. Новые хозяева приняли на веру и то, что златогрудые священные петухи помогают солнцу бороться с тьмой. Убивать этих птиц строжайше запрещалось.

Связанные с петухом предания, поверья, обряды, гадания известны также из Древней Греции, Древнего Рима, Германии, разных областей Руси. Стрепетом смотрели на петуха суеверные поляки, итальянцы, украинцы. По-

ляки были уверены, что сидящий в этой птице нечистый дух сбивал с дороги ночных путников. Украинцы считали, что дьявол поручил петуху охранять клады. Итальянцы верили, что чёрт в образе петуха является за душами умерших.

В связях с нечистой силой обвиняла петуха христианская церковь. В 1474 году в Швейцарии

Домашний петух

рии на городской площади Базеля один петух, обвинённый в колдовстве, был публично казнён через сожжение. Последний настоящий суд с привлечением присяжных заседателей, в этот раз над петухом-«хулиганом», состоялся в одной из итальянских деревень в... (только не удивляйтесь!) середине 1960-х годов. Петуха-забияку приговорили к смертной казни, но с отсрочкой приговора до первого же следующего нападения на человека.

С отголоском «петушиных» суеверий более 50 лет назад пришлось столкнуться и мне. В каком-то дворе на окраине большого города, где я жил в то время, курица вдруг запела петухом. Встревоженной хозяйке ненормальной птицы знающие люди тут же сообщили о ритуале, который во избежание беды следовало обязательно выполнить. Курицей необходимо было «промерить» комнату дома: начиная от дальней стены и двигаясь к порогу, птицу надо перекладывать попеременно через хвост, затем через голову и опять через хвост. И та часть, которая ляжет на порог – голова ли, хвост ли, или вообще половина курицы – должна быть отрублена топором. И было это в годы, когда в сознании русских людей уже несколько десятилетий подряд культивировался воинственный атеизм.

Древние славяне, почитая петуха, тем не менее, приносили его в жертву богу огня. В те же давние времена руссы, проплывая по Днепру, петухов приносили в жертву священному дубу.

В Египте с древних времён пособницей дьявола считали сову, и лишь сравнительно недавно за причинение ей зла в этой стране стали взиматься крупные штрафы. Населению же разъясняли несомненную пользу сов – истребителей подлинного бича в хозяйстве феллахов – грызунов.

Индейцы бразильского штата Мату-Гросу поклоняются хищной птице – гарпии. По их поверью, эта птица съедает тело умершего индейца и этим освобождает его душу от бранных останков, чем помогает ей отправиться на небо. В честь гарпии индейцы ежегодно устраивали пышные ритуальные торжества.

Сова

Вожди тюркских племён часто имели имена, обозначавшие виды охотничьих птиц, а родовыми эмблемами тюрок были соколы (кречет, балобан, шахин) или ястребы.

У народов многих европейских стран бытовало поверье, что аисты гнездятся на домах хороших людей, а устройство на крыше дома гнезда этих птиц принесёт в семью богатство и благополучие.

Героем множества поверий, мифов, легенд, сказов в эпосе северных народов – эскимосов, чукчей, коряков, ительменов, якутов – издревле выступает ворон. Он имеет множество лиц, совершает массу добрых и чёрных дел. Ворон после потопа создаёт сушу, добывает для людей солнечный свет, дарит им огонь и пресную воду. Умеющий подражать человеческой речи и обладающий долголетием, он является мудрой и вещей птицей. В других сказках эту чёрную зловещую птицу, выклёвывающую у жертвы глаза, связывают с царством мёртвых и со смертью. Исследователи культа ворона считают, что мифы о Кутхе (Куткынн-

Ловчий ястреб-тетеревятник. Старинная гравюра

ку, Куйкынняху, куркыле, кошкли) относятся к числу наиболее ярких культурных явлений народностей северо-восточной Азии и северо-западной Америки.

Немалое место было отведено ворону и в античной мифологии. Он, в частности, якобы предсказал смерть Цицерона. Поверья

Ворон с добычей (Ю. Герасимов)

о том, что ворон является предвестником несчастья, существовали в Африке, Азии и, наконец, в русских сказках.

Таким образом, мы видим, что трудно найти хоть один народ, одну национальность, в истории, эпосе которых не было бы поверий, сказок, песен, обрядов, посвящённых птицам.

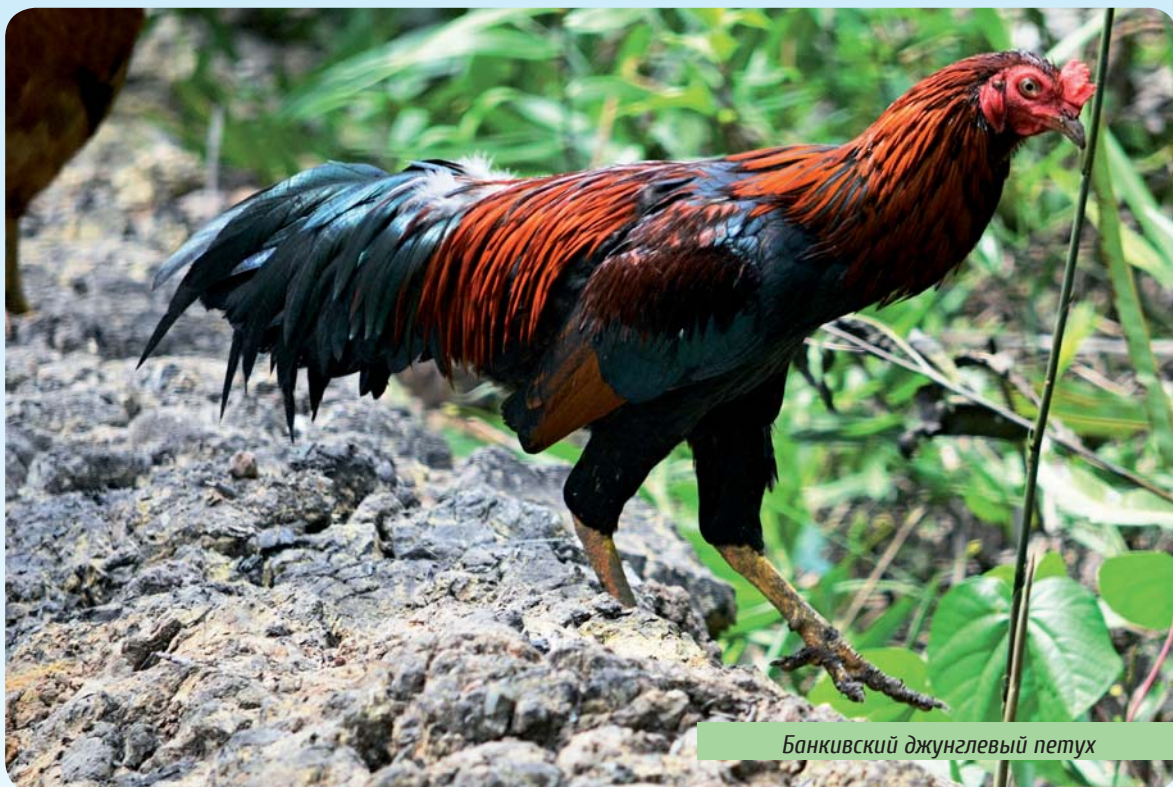
ЕСТЬ ЛИ ОТ ПТИЦ ПОЛЬЗА?

Некоторые из нас, считающие себя рациональными людьми, глядя на какое-то живое существо, сразу же оценивают его с точки зрения полезности для человека. Ну что ж, давайте посмотрим на птиц, в том числе и на птиц Камчатки, с этой «колокольни». И, чтобы не обидеть птиц домашних (они-то себя всё-таки считают настоящими птицами!), начнём с них.

Для начала вспомним «праматерь» наших домашних кур – дикую банкивскую джунглевую курицу (*Gallus gallus*) из Юго-Восточной Азии. Петухов, да и их золотисто-красногрудых самочек, пронёсших через века свой истинно дикий наряд, не так уж редко можно увидеть

где-нибудь и в наше время. Дав человечеству неисчислимое многообразие пород домашнего куроводства, бывшие банковские куры сохраняют в себе те же повадки и пристрастия. Они неприязнательны к корму, петухи так же, как и дикие, предпочитают жить в «многожёнстве». Правда, летать многие из потомков банковских кур разучились, но взамен приобрели очень ценное для людей качество – высокую яйценоскость. Впрочем, сами дикие банковские куры на своей исторической родине по-прежнему составляют довольно процветающее племя. Но разговор о курином племени у нас ещё не окончен, о нём мы поговорим чуть позже.

Банкивский джунглевый петух

Дикий гусь из Монголии и Китая – сухонос (*Anser cygnoides*) и наши российские дикие серые гуси (*Anser anser*) дали нам многочисленные породы домашних гусей, дикая кряква (*Anas platyrhynchos*) – домашних уток. В процессе селекции человек отбирал птиц: более крупных – «мясных» и обладающих высокой яйценоскостью. И выбрал. В нашем питомнике диких гусей жила пара таких уток. Самка за первый год жизни у нас снесла около 200 яиц.

Окраску оперения птицы сохраняют свою, первоначальную, и мы не ошибёмся, увидев в них потомков дикой кряквы. А нужны они нам в питомнике были по двум причинам: для использования в качестве «живых инкубаторов» – наседок при выводе алеутских казарок, а яйца этих уток необходимы для выкармливания рождавшихся у нас маленьких казарчат.

Однажды меня известили, что на один из дворов в городе Елизово залетела странная,

Гуси-сухоносы

Домашние потомки дикой кряквы

«возможно – из вашего питомника», птица. Мы приехали посмотреть и увидели птицу, для камчатского двора довольно экзотичную: это была цесарка (*Numida meleagris*). Конечно же, сейчас это вполне домашняя птица, а её совсем недалёкие предки по-прежнему живут в Африке. Там, вне периода размножения, образуя стаи в сотни особей, эти птицы ведут общественный образ жизни. Людьюми же она одомашнена ради вкусного мяса, да и яйца её достаточно ценны.

Индейка в качестве домашней птицы была завезена в Европу вскоре после открытия Америки. Дикие предки обыкновенной индейки (*Meleagris gallo-pavo*) живут на юге США и в Мексике. Люди приручали этих птиц в основном из-за их «деликатесного» мяса. Но, оказалось, что из индеек-самок получают прекрасные «инкубаторы»: едва заведя где-то кучку яиц, они тотчас садятся их насиживать, а потом заботливо ухаживают хоть за цыплятами, хоть за утятами.

Как-то в 1980-х годах мне, в то время государственному охотничьему инспектору, пришлось разбираться с фактом продажи на камчатских рынках женских шапочек, якобы изготовленных из лебязьих шкурок. На деле оказалось, что где-то на западе нашей страны разводят белых индюков (такие птицы в последние годы появились и на Камчатке), и женщины-рукодельницы с помощью их пушистых перьев изготавливают замечательные вязаные женские головные уборы.

В природе, также в Америке, жил ещё один ныне исчезнувший вид индейки. Эту птицу не успели одомашнить, но, как показали исследования «столовых остатков» первых поселившихся там людей, эта индейка являлась самой обычной их охотничьей добычей, то есть имела для них весьма существенное практическое значение.

Совсем недавно кое-кто из жителей Камчатки стал успешно разводить немых перепелов (*Coturnix japonicus*). Не так давно они жили только в дикой природе юго-востока Сибири, Китая и Японии. Чем же смогла привлечь к себе внимание практичных людей эта небольшая, максимум в 140 граммов весом,

птица? А тем, что через месяц после вылупливания из яйца птенец увеличивает свой вес в 15 раз, и в возрасте сорока дней уже становится взрослым, сам несёт яйца. В перепелиных яйцах значительно больше, чем в куриных, белка, есть и полезные для организма человека жиры и витамины группы В. Если раньше от одомашненных птиц этого вида получали до 70 столь ценных диетических яиц, сейчас уже выведены перепела, дающие в год от 250 до 300 яиц. В Африке и Юго-Западной Азии, а также в европейской части нашей страны и в Сибири до Байкала живёт перепел обыкновенный (*Coturnix coturnix*). Эту птицу одни любители содержат ради его песни, другие – как бойцовую птицу.

Когда-то на Руси крестьянами предпринимались попытки в одомашнивании журавлей (ещё раньше это делали древние египтяне) и лебедей, но, очевидно, из-за «нерентабельности» развития эти опыты над вольнолюбивыми птицами не получили. Мне думается, что в те годы даже самые предприимчивые российские крестьяне не могли и подумать, что когда-то найдётся человек, который привезёт на Камчатку африканских страусов. А ведь нашёлся. И привёз. Кстати, когда африканские страусы в начале XX века оказались на грани полного исчезновения, их начали разводить в питомниках. К 1990 году поголовье страусов в США достигало 60 тысяч особей. Содержали их в эти годы ради превосходного вкусового качества мяса; а из одного яйца страуса можно накормить яичницей 10–12 человек. Пользовались спросом, возможно, несколько меньшим, чем в начале прошлого века, и перья этих птиц.

О содержащихся в частных коллекциях павлинах, фазанах и попугаях сейчас говорить не будем. А вот о голубях вспомнить надо. Предком всех пород домашних и живущих рядом с нами в населённых пунктах голубей является дикий сизый голубь (*Columba livia*). Живёт он на юге Евразии и в Северной Африке, гнездится в скалистых ущельях, почему иногда называется скалистым голубем.

Считается, что курицу начали одомашнивать ещё в каменном веке. Из древних египет-

ских манускриптов, написанных за 3 тысячи лет до нашей эры, стало известно и о весьма давнем содержании в этой стране домашних голубей. Выведены были даже «мясные» породы птиц, вес которых мог достигать 900 граммов. Высоко ценились вкусовые качества мяса этих птиц, а крестьяне-феллахи ещё и удобряли птичьим помётом бесплодные египетские земли.

Так, мы видим, что поначалу людьми в разведении голубей преследовалась исключительно гастрономическая цель. Затем путём селекции птиц с различными отклонениями в пигментации оперения – альбиносов, хромистов, меланистов, с другими внешними отклонениями были выведены породы декоративных голубей, содержащихся уже ради их эстетических качеств. «Турманы», «дутьши», «капуцины», «чайки» и другие породы, получившие свои названия за выдающийся внешний вид или рисунок полёта, и сейчас доставляют своим хозяевам ни с чем несравнимое эстетическое удовольствие.

Будучи от природы видом оседлым, в процессе общения с человеком сизый голубь явился родоначальником и так называемых почтовых голубей, способных найти дорогу к своей голубятне с расстояния в сотни и даже тысячи километров. Мы с вами знаем, что «голубиной почтой» раньше пользовались влюблённые, что «почтари», как их часто называют, использовались и в доставке важных донесений военными. В наше время на Камчатку иногда залетают голуби с разнообразными металлическими и пластиковыми колечками на лапках, нередко в море они садятся на корабли. Оказалось, это птицы японских голубеводов-спортсменов. В разных странах голубеводы проводят соревнования – вывозят своих лучших «почтарей» на машинах, самолётах, из Японии – на морских судах в определённую географическую точку планеты и выпускают. Побеждает хозяин, чей голубь вернётся к себе домой раньше. Думаю, мы с вами согласимся: этот спорт значительно более гуманен, чем, например, устраиваемые в некоторых странах жестокие петушиные бои. Впрочем, и эта забава для немалого числа людей также

Дикий скалистый голубь

считается немаловажной. На Филиппинах, например, в каждом, даже небольшом, городе обязательно есть арена для петушиных боёв. Но сейчас мы, кажется, затрагиваем уже другую, не экономическую, значимость приручённых нами птиц.

Говоря же о практической, утилитарной ценности птиц, мы должны вспомнить и о получаемой с них такой «сопутствующей» продукции, как перо и пух. Из шкурок гагар, бакланов и некоторых чистиковых птиц северяне издавна изготавливают практичную, красивую и тёплую одежду. А вот далеко не «побочным» пуховым «продуктом» снабжала людей северная птица – гага. Гагачий пух жителями северных стран использовался много веков. В Исландии меры по ограничению сбора пуха в гнездовых колониях этой птицы принимались ещё в XII веке. В России этот промысел разрешался только по выходе из гнёзд птенцов. С одно-

го гнезда гаги в среднем собиралось около 20 граммов пуха, и при этом в начале XIX века Россия ежегодно экспортировала десятки тонн этой ценнейшей продукции.

Вы, конечно же, смогли бы подсказать, что я ещё не упомянул об африканских птицах мёдоуказчиках, приводящих людей к месту расположения пчелиных дупел с запасами мёда. Напомнили бы о стрижах-саланганах, из гнёзд которых изготавливаются пищевые изыски для гурманов, о бакланах, помогающих людям ловить рыбу.

А ведь я и впрямь чуть было не забыл рассказать о баклане нечто очень важное. Да, мясо этой птицы, как и его будто бы не очень вкусные яйца, употреблялись людьми в пищу. И этим он, безусловно, приносил пользу. Зато во многих рыбацких хозяйствах бакланы считались злейшими врагами и рыбы, и человека. Учёные подсчитали, что на день одной птице для пропитания требуется до 800 граммов рыбы. Рыбу эту баклан часто предпочитал доставать из сетей, что, конечно же, рыбаков не радовало.

Но на западном побережье южноамериканского материка есть страна, где бакланов считают птицами неприкосновенными и отдали в их безраздельное пользование лучшие для рыболовства места. Страна эта – Перу. Дело в том, что на морских островах перуанского побережья из века в век гнездятся неисчислимы стаи веслоногих птиц – бакланов, пеликанов, олушей. В условиях сухого климата в местах их гнездования отложились многослойные пласты птичьего помёта – гуано. Оказывается, ценность этого природного дара была известна ещё древним инкам, использовавшим гуано в качестве удобрений. И тогда за самовольное посещение мест гнездования птиц в запретное для этого время нарушитель подвергался смертной казни.

Во второй половине XIX века, когда уже было известно, что гуано по содержанию азота в 33 раза превосходит навоз лошадей и коров, на расхищение этого природного достояния Перу устремились дельцы из Северной Америки и Европы. С территории Перу были вывезены многие миллионы тонн бесценного

удобрения. И с 1909 года было запрещено любое без специального разрешения посещение людьми мест обитания веслоногих птиц – производителей гуано. В 1950 году в Перу собрали только 250 тысяч тонн этого ценнейшего удобрения, притом всё оно было использовано в пределах страны. И вот результат: если в США с одного гектара хлопковых полей собиралось 55 килограммов продукта, в Египте – 70, то «сдобренный» гуано гектар перуанских полей давал 320 килограммов хлопка.

И в этой связи мы должны вспомнить, что многие тысячи птиц, ежегодно посещающих наши поля, птицы, живущие в лесах, также приносят в природу весьма немалое количество необходимых ей фосфорнокислых и азотистых соединений. Так же «поступают» и морские птицы, изымающие из прибрежных морских вод многие миллионы тонн рыбы. Экскременты птиц, попадая в воду, способствуют непрерывному продуцированию фитопланктона, который поедается зоопланктонными организмами, те же в свою очередь являются кормом для рыб. Таким образом, мы не можем говорить о «безвозмездном» изъятии морскими птицами огромнейшего количества рыбы. Они прокармливают не только сами себя: на планктоне и малоценной рыбе (главной пище морских птиц) откармливаются и косяки рыбы промысловой. И этот баланс между непрерывным изъятием и продуцированием, потреблением и воспроизводством слагался в морских экосистемах на протяжении всей истории развития органической жизни планеты.

А теперь опять обратимся к практическому значению диких птиц для жителей нашего полуострова. Мы с вами знаем, что в жизни аборигенов Камчатки, безусловно, исключительную роль играла лососёвая рыба. Вместе с тем, они промыслили и в изобилии водившихся на полуострове птиц. По крайней мере, для жителей селений обоих побережий очень важным средством существования являлась эксплуатация поселений морских колониально гнездящихся птиц. Эти виды десятками тысяч концентрировались на ограниченных пространствах, были непугливы. Для истощённых за время долгой зимы людей мясо и яйца морских птиц осо-

бое значение приобретали весной, до захода в реки первых лососей. На берегу Кроноцкого залива, на месте одной из неолитических стоянок человека камчатский археолог А. К. Пономаренко исследовал культурный слой, сформировавшийся 1700–1000 лет назад. И здесь учёный обнаружил костные останки 148 особей птиц, 107 из которых принадлежали птицам морской группы: кайрам двух видов, берингийскому баклану, тихоокеанской чайке, чистик. Аборигены брали от птиц всё: мясо и яйца шли в пищу, шкурки кайр, бакланов – на изготовление одежды, из костей альбатросов (их останки находили на других древних стоянках Камчатки) делались иглы и специальные гребни для обработки крапивы, из которой в свою очередь готовились рыболовные сети. Кости птиц также являлись исходным материалом для поделки рыболовных крючков, клювы ипатов и топоров шли на изготовление талисманов и украшений.

На Камчатке большое значение в жизни людей морские птицы имели и в начале 20-го столетия, когда рыбные промыслы полуострова потребовали притока значительного числа русских людей с «материка». В 1930-х годах сбор яиц в птичьих колониях длился более месяца, и только с острова Карагинского бригады заготовителей за одну поездку вывозили свыше 60 тысяч яиц кайры и тихоокеанской чайки. Сколько яиц дикой птицы съедалось за год по всей Камчатке, подсчитать трудно даже приблизительно. Но уверенно можно сказать, что дикая «птицефабрика» по объёмам выдаваемой продукции имела совершенно исключительное значение для жителей Камчатки.

Не менее интенсивно осваивались ресурсы морских колониальных птиц в годы Великой Отечественной войны. Однако наряду с активным опромышлением птичьих колоний, сбор яиц в них и отстрел самих птиц строго лимитировался. Так, в 1944 году за браконьерский отстрел гусей или лебедей с нарушителей взывался штраф 500, за сбор птичьих яиц – 250 рублей. Не ограничивался только сбор яиц на удалённых от полуострова Командорах.

Издавна на Камчатке практиковался и массовый отлов линных утиных птиц. Значительное

развитие этот вид промысла получил в долине реки Камчатки. Примечательно, что объёмы заготовок дичи контролировались не только уполномоченными на это органами власти, но ещё более строго – самими местными жителями.

Здесь, очевидно, мы должны вспомнить о так называемых «гоголиных гонах» – охотничьей отрасли, практиковавшейся в нашей стране ещё в период существования удельной Руси. Используя стремление уток гоголей селиться в дуплах деревьев, люди изготавливали и развешивали для них специальные дуплянки. Часть яиц из гнёзд уток отбиралась и использовалась в пищу, а после ухода из дуплянок утят забирался и гнездовой пух. Как следует из древних летописей, гоголиные уголья были настолько важны, что иногда из-за них между удельными князьями возникали серьёзные распри. На Камчатке, приречные уголья которой были исключительно богаты гоголем, такой вид промысла места в жизни аборигенов не нашёл.

В недавнее, уже наше время вести промысловую добычу белой куропатки на севере Камчатки обязывались государственные охотничьи хозяйства. От охотников посёлка Ключи в государственные заготовки иногда поступало по нескольку сотен уток. Однако в 1970–1980-е годы заготовки нескольких тысяч боровой и сотен штук водоплавающей дичи заметной экономической значимости как для госпромхозов, так и для преобладающей части жителей Камчатки представлять уже не могли.

Из книги профессора Г. П. Дементьева «Птицы нашей страны» мы узнаём, что до войны 1914 года только по железной дороге России перевозилось до 3 тысяч тонн, или 4 миллионов штук, пернатой дичи: рябчиков, тетеревов, куропаток, глухарей. По определению другого корифея российской орнитологической науки С. А. Бутурлина, в начале 20-го столетия общая годовая добыча россиян составляла от 15 до 20 миллионов штук боровой дичи и от 30 до 40 миллионов водоплавающих птиц.

А теперь рассмотрим, что дают нам так называемые охотничьи птицы. Какова их роль в нашей жизни сейчас? Можно ли их ценность рассматривать в практическом аспекте?

Трофеи любительской охоты, иногда её называют спортивной, в наше время вряд ли можно отнести к экономически значимым для нас. В конце 1980 – начале 1990-х годов из анкет, собранных с охотников-любителей Камчатки, следовало, что за год ими добывалось около 250 тысяч уток и гусей. Если бы их добыча поровну делилась на всех жителей полуострова, каждому из нас на год пришлось бы кому половинка гуся, кому, а это чаще, – целый чирок. Уточка чирок весит около 200 граммов. И рассматривать диких охотничьих птиц Камчатки как трофеи любительской охоты с точки зрения их утилитарной значимости для нас, очевидно, не следует. И вот здесь мы должны вспомнить о так называемой рекреационной значимости птиц. Поскольку в словаре русского языка слово рекреация отсутствует, поясню: интересовать нас будет значение охотничьих птиц для восстановления сил человека, потраченных в результате физического труда, либо при его моральной усталости.

Мне кажется, я уже слышу чей-то голос:

– А вот я не охотник! И что может значить лично для меня отдых на охоте какой-то там одной сотой части всего населения Камчатки?

Я, автор, сейчас тоже не охочусь. Мало того, я последовательно и жёстко выступаю против весенней охоты на птиц. Но давайте посмотрим на это глазами наших оппонентов. Тех, кто не мыслит своей жизни без охоты на птицу. Давайте подумаем о том, как устают рабочие механических цехов, грузчики-стропальщики морских портов, строители, водители автобусов, как накапливается физическая и душевная усталость в течение долгой, для многих тяжёлой камчатской зимы. Поверьте, я это знаю, многие охотники-любители после трудного рабочего дня, уже в феврале, засыпая, грезят будущими майскими охотничьими зорями. И вот эти люди получают возможность вырваться на Природу. Да, они едут с ружьями, но для большинства из них важны совсем не будущие трофеи. А столь желанно и важно для них свидание с Природой, с её утренними морозцами, дымными кострами, встречи со своими, такими же уставшими за зиму и такими же сейчас счастливыми, товарищами по охотничьей страсти.

Добыл ли такой охотник птицу, нет ли – это сущие пустяки. И, возвратившись в цех, рабочий будет с настроением трудиться за токарным станком; отдохнувший душой водитель автобуса, который повёзёт нас, не охотников, на работу, будет более приветлив и внимателен к нам, и этим незаметно поднимет настроение всем пассажирам. Кого-то приятно удивит небывалая готовность помочь вам обычно хмурого чиновника. Вы же не знаете, какой замечательный вчера ему удался выстрел по «трудно» летящей утке! И у всех нас, не охотников, после встречи с такими приветливыми людьми тоже поднимется настроение. А это значит, что и мы придём на работу с улыбкой, что и нам захочется кому-то помочь, сделать приятное. Вот с какой неожиданной стороны могут коснуться любого из нас прилетевшие с дальней зимовки птицы.

При первом посещении Японии я, предельно уставший после трёх, следующих один за другим, научных докладов, был извещён о том, что «завтра рано-рано утром мы поедем на озеро Изунума смотреть гусей». Но я этих гусей уже несколько лет подряд в немалом количестве вижу на Камчатке! И как же мне хотелось от этой поездки отказаться! Но посчитал это неудобным.

К озеру мы подъехали в самые предрассветные минуты. На значительном расстоянии от берега, ближе к центру водоёма, сидят тысячные стаи белолобых гусей. А меня поражает другое: сколько можно видеть в раннеутренних сумерках, вправо и влево от нас по берегу озера с биноклями, специальными трубами, видео – и фотокамерами стоят бабушки и дедушки с внуками, ученики с ранцами, рабочий люд. И я понимаю: все они, сократив так нужные им для отдыха минуты сна, пришли сюда лишь для того, чтобы увидеть этих вольных птиц. Одни просто тихо стоят и смотрят, другие, будто боясь нашуметь, внести диссонанс в эти, как казалось, святые для всех присутствующих минуты, так же тихо щёлкают затворами аппаратуры. Постепенно светает, я могу видеть дальше, и всюду люди, люди. Но вот по какой-то команде с гвалтом гуси, стоя за стаями, поднимаются с воды. Они летят кормиться на поля. Пока я провожал взглядом улетающую по-

следней стаю гусей, как-то неожиданно вдруг обезлюдели берега озера. Ясно, что дети заторопились в школы, едва ли не большая часть только что стоявших здесь людей поспешила на работу, последними от озера уходили пенсионеры с внуками. И я думаю: эта удивительная страна, существующая в условиях небывалой концентрации всех физических и душевных человеческих сил, выживает, сохраняет здоровье нации лишь благодаря теснейшему слиянию души народа с Природой. Слиянию со всеми её составляющими и, в значительной мере – с птицами. А как бы много сегодня потерял я, оставшись на лишний час в гостинице. И дело совсем не в увиденных мной гусиных стаях.

И ещё один пример. В авиакомпании, соседствующей с питомником диких гусей нашего института, в один из дней задерживалась отправка в Долину гейзеров группы гостей Камчатки – туристов. Люди не понимали, что даже при чистом небе над головой полёт их может быть опасным по причине серьёзной облачности над горным перевалом. Они нервничали, некоторые откровенно скандалили. И раздражённых туристов попросили пока пойти «посмотреть гусей». Будучи явно «не в духе», они и появились в нашем питомнике. Я подвёл группу к вольерам, в каждом из которых находились семьи птиц с разновозрастными гусятами. Рассказывая о задачах учёных института по выращиванию и выпускам в дикую природу замечательных птиц – алеутских казарок, я видел, как с лиц гостей быстро исчезало напряжение, и вот уже с искренним удивлением, улыбаясь, они смотрели на малышей-гусят. И уходя из питомника на вертолётную площадку, гости от души благодарили за нашу заботу о птицах. А я понимал, что неосознанно, возможно, люди были благодарны за возвращённое им хорошее настроение.

Шилохвость (самец)

Свиязь (самец)

Хохлатая чернеть (самец)

«МЕЖДУ НЕБОМ И ЗЕМЛЁЙ ПЕСНЯ РАЗДАЁТСЯ...»

Захватив в XV веке Канарские острова, испанцы обратили внимание на невзрачных серовато-зелёного цвета мелких птиц, певческие способности которых показались завоевателям волшебными. Это были канарейки. Их стали содержать в неволе и обнаружили, что поют у канареек только самцы. Птиц этих, но только самцов, стали вывозить на продажу в Европу, и ценились канарейки в те времена очень-очень дорого. Но однажды парусник, вёзший канареек на продажу, недалеко от итальянского порта потерпел крушение. Кенари смогли вылететь на свободу и уже в Италии стали скрещиваться с другими близкими им видами. Итальянцы отлавливали птиц-метисов и, скрещивая их с закупленными в Испании чистокровными самцами канареек, вели целенаправленную селекционную работу, «очищали» вид от чуждой ему крови. Выводимые в неволе птицы отбирались по благозвучию их песен. В результате возникшей, уже в Англии, цветовой мутации селекционеры получили в своё распоряжение канареек жёлтого цвета. Сейчас же, как мы с вами знаем, можно увидеть этих птиц белого, красного, коричневого и других цветов. И в наше время во всём мире канарейка является, наверное, самой популярной декоративной птицей, радуя своими прекрасными вокальными данными миллионы людей.

Начало июля 1966 года. Мы с товарищем Юрием находимся на севере Карагинского острова, впервые в бухте Северной. Юра уже спит в старой землянке оленеводов, а я спрятался от только-только появившихся, но уже таких злых комаров под марлевый полог. День сегодня был очень насыщенным, и завтра будет таким же. Солнце уже давно утонуло в море, и, боясь, что скоро стемнеет, я хочу успеть перенести на бумагу свои впечатления от замечательного нынешнего дня. Я ещё не знаю, что настоящих ночей здесь в это время не бывает. Вечерняя заря, спустившись к морю, так и не захочет уйти за горизонт, а уверенно заскользит по воде на восток, чтобы возродиться зарёй утренней. Но, повторяю,

я об этом пока не знаю и торопливо пишу.

Как вдруг на противоположном от нас берегу реки Акановаям запел дрозд. Да, это был бурый дрозд Науманна, слышать которого мне уже приходилось не раз. Но такой песни где-то в других уголках нашей Камчатки я не слышал никогда. В удивительно красивой, громкой и в то же время меланхолически печальной его песне мне явно слышалась необъяснимая неизбывная грусть. Было трудно поверить, что птица поёт просто так, бездумно, ни о чём не переживая. Дрозд пел, а я сожалел, что его не слышит мой спящий сейчас в землянке товарищ, что эту чудную песню не могут слышать многие мои знакомые и незнакомые люди. Мне казалось, что я нахожусь в огромном зале, и почему-то этот выдающийся певец выступает лишь для меня одного. Не с кем было поделиться счастьем присутствия здесь, и это казалось неправильным. Вот когда мне едва ли не впервые пришла мысль об эстетической значимости для нас птиц.

А дрозд пел! Я и потом неоднократно слышал, как поёт бурый дрозд, но это были другие песни. И они никогда так глубоко не проникали в мою душу. Через два года мы, опять же вдвоём с Юрием, и также в первых числах июля были в бухте Северной. И мой знакомый дрозд пел так же громко, красиво и печально. Я опять слушал и вдруг, как тогда мне показалось, понял, о чём так печалилась эта птица. Она грустила о том, что навсегда уходит ещё один, такой удивительный и неповторимый день. Конечно же, эта мысль была созвучна с тем, что пряталось в глубине моей души, в подсознании. В полной мере осознавать это начинаешь только потом, особенно сегодня, когда понимаешь, насколько прекрасны и как безвозвратно далеки те дни.

Вы заметили: говоря о песне птицы, я будто забыл о том, что как биолог смог бы более сухо научно объяснить смысл птичьего песнопения как средства межвидового и внутривидового общения. Но уж точно не научное объяснение, слушая песни птиц, искали наши

Бурый дрозд

выдающиеся композиторы и исполнители, создавая музыкальные шедевры. Вспомните: «Между небом и землёй песня раздаётся...» – чудесный романс Михаила Глинки о жаворонке. Вспомните «Соловья» Алябьева. Немного таких людей, которых эти произведения, как и песня настоящего соловья, жаворонка, оставляют равнодушными. А «Вы слышали, как поют дрозды?...» – сколько любви вложено авторами в эту песню, в самих птиц. И пусть у нас, орнитологов, вызывает лёгкую усмешку упоминание о несуществующих в нашей природе дроздах полевых, но и поётся-то в ней о песенном чуде дроздов настоящих.

Вот как в «Оде жаворонку» говорит поэт Шелли: «Ты здесь, весёлый гений! / Ты реешь в блеске дня / не птицею весенней, / а облачком огня...» А с какой любовью к птицам создавали свои произведения поэты Н. Заболоцкий, А. Фет, И. Никитин, учёный и путешественник П. Дравер. Да разве можно сейчас вспомнить и перечислить всех творческих людей, так или иначе выказавших свою любовь к нашим пернатым соседям по планете Зем-

ля. И всё же о «Лебедином озере» П. Чайковского, об «Умирающем лебеде» К. Сен-Санса не напомнить сейчас просто нельзя.

Впрочем, есть, оказывается, и ценители пения петухов. Конкурсы на лучшего певца-петуха регулярно проводятся в американском штате Висконсин. И побеждает в этом соревновании петух-вокалист не за благозвучность или громкость пения, а всего лишь за большее число раз его исполнения в течение определённого отрезка времени.

А сейчас я хочу напомнить жителям Камчатки о замечательном человеке – заслуженном лесоводе СССР Павле Николаевиче Дьяконове. Прирождённый полевик – эколог, тонкий наблюдатель, очень добрый, искренне любивший нашу Природу и особенно птиц, писал о них прекрасные стихи. Судите сами:

Сбив с ветвей пушистую куржу,
Алые, как праздничные розы,
Обменявшись вежливым «Жу-жу»,
Снегири уселись на берёзы.
Завели степенный разговор:
«Ягод нет, шиповника не стало...»
На ветвях – серебряный убор,
На земле – сплошное покрывало.
Но хорош малиновый наряд
С тёмно-серой пепельной каймою,
И недаром люди говорят:
«Нет красивей снегиря зимою»...

Мне кажется, что лучше в стихах сказать о снегирях не мог никто. Ещё больше, как я считаю, обнажена поэтическая душа этого человека в стихотворении о глухаре.

Снегирь (Ю. Артюхин)

Рассвет мышонком серым меж берёз
Запутался в ветвистые тенёта.
Тускнеют звёзды. Утренний мороз
Росу сковал до льдистого налёта.
Всё спит ещё... Но ловит вдалеке
Привычное, внимательное ухо

Такое тихое, неясное: «Тэ-кэ...
Тэкэ, тэкэ...» – отрывисто и сухо.
Певец совсем не будит тишину,
Над сонной далью песня не ликует.
Но сразу в ней почувствуешь весну –
Глухарь токует!

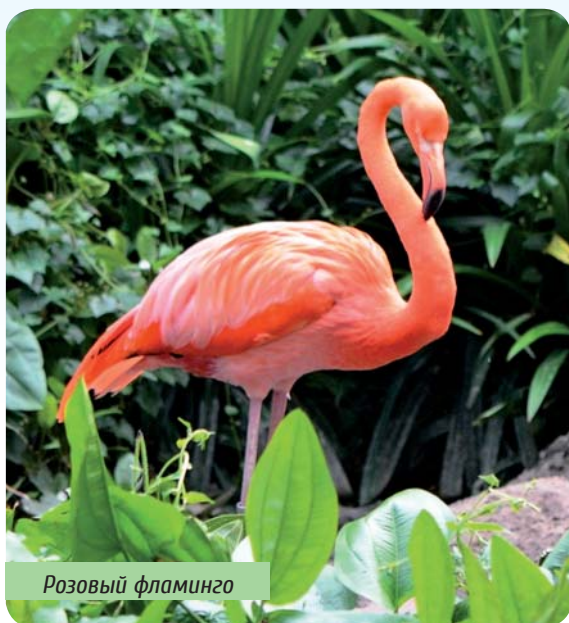
КРАСОТА И СОВЕРШЕНСТВО

Радуют нас, доставляют удовольствие не только песни, но и физическое совершенство птиц, красота их оперения, полёта. А наши обращения к любимым женщинам со словами «ласточка», «голубка моя», сравнение мужественных людей с орлами, пилотов с соколами, маленьких детей с птенчиками? Разве не говорит нам это о невольном отождествлении любимых нами близких с любимыми же птицами, о желании, чтобы родные нам люди были такими же сильными, красивыми, так же восхищали окружающих. Не в этом ли также эстетическая ценность для нас птиц.

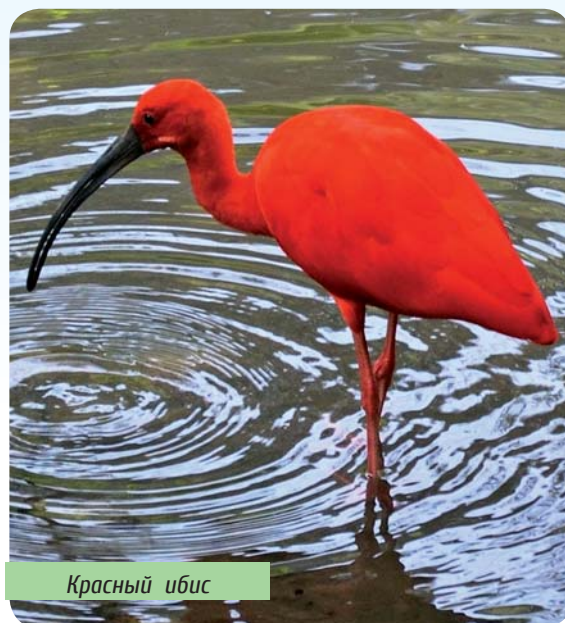
Несколько лет назад сотрудники газеты «Вести» попросили меня высказаться по уже опубликованной заметке одного из камчатских охотников, предлагающих узаконить охоту на лебедей. Тогда я не мог припомнить случая, чтобы вот так быть обескураженным какой-ли-

бо другой публикацией. Убивать лебедей? Ради чего? Нечто подобное мы уже пережили в середине 20-го столетия, когда людей убедили в никчёмности и вредоносности многих, а фактически всех, хищных птиц, совершеннейших созданий Природы. И вот опять.

На самом деле трудно найти другой объект дикого птичьего мира, который бы притянул к себе так много внимания, породил такое число обрядов, традиций и примет у народов разных стран, различных вероисповеданий. Почитание лебедей извечно проходит через быт и культуру бурятских родов, тюркоязычных народов: башкир, казахов, туркмен, киргизов. Народы Прибайкалья считали, что белая птица-лебедь является их прародителем. Культурой птиц лебедь был и есть у эвенков, других северян. Лебедь очень почитаем в Литве. А с каким благоговением, с какой любовью

Розовый фламинго

Красный ибис

Венценосный журавль

относится к этой птице народ древнейшей и самобытнейшей культуры – японцы.

Неизменно любим лебедь у русского, белорусского, украинского народов. Лебедушкой называли мужчины своих любимых. Лебедь всегда оставался для нас символом верности, чистоты и красоты. И пускай всё, что связано

у народа с представлением об этой птице, шло не от холодного разума, а от сердца, от души, от высоких, светлых эмоций. Неужели этого так мало? И убивать лебедей, значит, убивать в душах людей веру в светлую, чистую любовь. Вспомните: «Над землёй летели лебеди...», – песню, слушая которую, многие люди плачут.

МОЖНО С ПТИЦАМИ ДРУЖИТЬ

Я думаю, на памяти многих из нас есть ни один пример проявления со стороны людей сострадания к животным, находящимся в бедственном положении. И чем беспомощней они, тем большее желание возникает у нас помочь им преодолеть беду. Я напому о нескольких не всем из нас известных подобных случаях.

Осенью 1974 года из-за крайне неблагоприятных погодных условий в Швейцарии скопились сотни тысяч ласточек. Начиналась зима, и птиц ожидала голодная смерть. По тревожному набату «Общества охраны птиц» в спасательную кампанию включились многие жители этой страны. Ласточек в массе отлавливали и отправляли в южном направлении на автомобилях, поездах и даже самолётах. И, если не все, то, по крайней мере, многие тысячи птиц были спасены.

В Кении на озере Магади находится крупная колония красных фламинго. Однажды по причине исключительной жары вода на мелководном участке озера, где жили птицы, превратилась в концентрированный содовый раствор. Сода осаживалась на ногах ещё не летающих птенцов фламинго, и 400 тысяч их приобрели тяжёлые солевые «кандалы». Птицы стали гибнуть. О необходимости помощи им люди узнали из сообщений газет и радио, и тотчас на этот призыв откликнулись местные жители из племени кикуйю, рабочие ближайшего завода, студенты, дети-школьники. Птенцов отлавливали, отмачивали их ноги в пресной воде, обивали соляные оковы молотками. За месяц удалось помочь 20 тысячам птиц; другие, испугавшись людей, ушли из смертельного рассола, и начавшиеся вскоре дожди помогли им спастись от гибели.

Весной 1980 года в Украине снежный буран заставил приземлиться стаи летящих с юга гусей. Только в Черкасской области на снежных обледеневших сугробах сидели около 20 тысяч обессиленных птиц. На помощь бедствующим гусям поднялась вся республика: бульдозеры расчищали от снега площадки, на поля вывозились тонны зерновых отходов, люди варили для птиц картошку, милиционеры, колхозники сутками охраняли птиц от собак и браконьеров. В результате, как потом сообщили СМИ, были спасены и отправлены дальше на север все до единой птицы.

В небывало суровое зимнее время 1985 года в Причерноморье попали в беду зимующие водоплавающие птицы, в том числе 5 тысяч лебедей. Птиц собирали и вертолётами перевозили к незамерзающим участкам моря, а истощённых, предельно ослабевших лебедей жители нескольких сёл разобрали по домам, лечили и выхаживали до первого весеннего тепла.

При первом посещении Японии я очень удивился, увидев, как под ногами гуляющих вдоль берега озера Хёко людей практически безбоязненно ходили самые настоящие дикие утки. Они казались более ручными, чем наши городские голуби. Правда, и в этот раз, и приезжая в Японию потом, я видел, что особенно доверчивыми к человеку были только шилохвости. Эти птицы, да ещё лебеди, брали корм из рук людей. А криквы, свиязи, чирки, косатки в 2-3 метрах от прогуливающихся людей спокойно сидели на обрамляющем берега озера гранитном парапете. И среди этих птиц были те, что прилетели сюда на зимовку с Камчатки.

В тот же свой первый приезд в Японию в городе Киото я был счастлив знакомством

Отски-сан и озёрные чайки (Х. Сугава)

Лебедь-шипун

Лебеди-кликун

с очень хорошим, добрым человеком. Отски-сан не был биологом, но он очень любил прилетающих на зимовку наших озёрных, в Японии их называют черноголовыми, чаек. Каждый день после работы Отски-сан заходил в магазины, где его хорошо знали и бесплатно давали не проданный за день белый хлеб. Всю зиму, пока чайки жили в Киото, каждый день утром и вечером этот человек выходил на берег реки Кава с мешками нарезанного на кусочки хлеба. Чайки тотчас летели к нему. Но были птицы, ещё не успевшие заметить его появления. Тогда Отски-сан доставал медный свисток, дул в него, и скоро над человеком кружило крикливое белое облако из нескольких сотен птиц. Отски-сан горстями бросал и бросал из мешка хлеб, чайки ловили его на лету, хватали с воды, подбирали с земли. Когда же он протягивал руку с кусочками хлеба на ладони, птицы подлетали и забирали их прямо с руки. Эта удивительная картина – любовь человека к птицам, узнавание его чайками, доверие птиц к этому человеку – поражала.

Отски-сан дружил с чайками, кормил их около 20 лет, и сначала знал только то, что прилетают они откуда-то с севера. Однажды он увидел, что у некоторых из них на ногах надеты колючки, и вскоре узнал, что многие любимые им птицы родились на Камчатке в заказнике «Хламовитское озеро». Кольцевали их на Камчатке мы, орнитологи, и наши помощники. И вот в 1989 году я кормлю своих чаек на реке Кава. Они от угощения не отказываются, но ни одна птица взять хлеб с моей руки так и не решается. Уверен, что не решилась бы и через неделю, так как дикие птицы не без основания видят в человеке прежде всего врага. И лишь Отски-сан смог убедить диких чаек в своей неопасности.

Отски-сан умер. При очередном посещении Японии я посетил его вдову, она передала тот медный свисточек мне. И сейчас он постоянно напоминает мне об удивительно добром, любившем диких птиц человеке из города Киото.

Летом 2007 года я имел удовольствие познакомиться с зашедшим в наш питомник замечательным человеком, жителем города

Балашиха Московской области В. В. Романовым. Он – бизнесмен «среднего достатка». А замечателен этот человек тем, что не забыл полученной в вузе специальности, создал на собственные средства госпиталь «Зелёный попугай». Владимир – наш современный настоящий Айболит. В свой госпиталь он безотказно принимает всех раненых, попавших в беду диких животных, оперирует, выхаживает и уже поправившимися возвращает в их естественную жизненную среду. Я спросил Владимира:

– Кто оплачивает операции, лечение, кормление, уход за вашими пациентами?

– Ну, чем, скажите, могут расплатиться со мной вылеченные дикие животные? Единственной и высшей платой для меня является вид поднявшегося в воздух после моей операции орла, убегающего в лес лисёнка. И этим я счастлив!

Недавно я узнал, что одна из старейших лечебниц для птиц была основана в Индии почти 350 лет назад, в 1665 году. Но слышал, что в Японии подобное специализирован-

ное учреждение, опять же для лечения птиц, в 1960-х годах организовал ветеринарный врач Т. Такахаси-сан.

Практически все те люди, которые бросались на помощь бедствующим птицам и другим страдающим животным, не задумывались о том, что значат такие понятия, как «экологическая этика», «экологическая нравственность». Не задумывались, но они были и яв-

ляются подлинными проводниками высоких моральных норм нашего отношения к живущим рядом с нами живым существам. И такие поступки не могут не найти самых добрых откликов в душах большинства людей. Особенно же благодатную почву для посева зёрен нравственного поведения в отношениях с природой наши добрые поступки находят в юных детских душах.

НЕЗАМЕНИМЫЕ ПОМОЩНИКИ

Несколько лет назад, пролетая на вертолёте вдоль юго-восточного побережья Камчатки, мы обратили внимание на то, что зелёные в других местах приречные леса здесь стоят без листьев. И такие ленты тёмных, будто кем-то обглоданных, пойменных насаждений тянулись вдоль речных русел на километры и километры. Выехав несколькими днями позже в низовья реки Авачи, мы поняли, что с юга, а она шла именно оттуда, беда пойменных лесов достигла уже окрестностей Петропавловска. Как оказалось, причиной этого стало небывалое за многие последние десятилетия размножение вредителя леса – какой-то бабочки-пяденицы. И это миллионы её личинок-гусениц съели всю зелень на многих десятках километров приречных ивовых лесов.

Но меня, орнитолога, во всём этом удивило другое. Я считаю чёрную ворону одним из страшнейших врагов едва ли не всего прочего пернатого населения Камчатки. И потому мне эта птица глубоко несимпатична. Так вот, здесь, на реке Аваче, я вынужден был признать, что мое отношение к ней не всегда было справедливым. Я увидел, как вороны, уподобившись вдруг колибри, часто-часто работая крыльями, зависали у самых верхушек деревьев (сесты на тоненькие ветки они просто не могли) и что-то с них склёвывали. Но многократно больше, чем ворон, здесь было озёрных чаек. Оказалось, что и они могут изображать из себя тех же колибри: так же трепеща крыльями, они облетали одну вершину дерева за другой и тоже что-то клевали. Оказалось, впервые наблюдаемые мной в столь необычной роли пти-

цы того и другого видов поедали зловредных гусениц пяденицы.

С удивлением наблюдая за столь необычной ролью известных мне птиц, я вспомнил о том, что в США, в столице штата Юта городе Солт-Лейк-Сити есть посвящённый чайке монумент. Там на 50-метровой высоте гранитную колонну венчает земной шар, на котором сидят две чайки. А воздвигнут памятник в честь чаек, спасших население города при небывалом нашествии саранчи.

О том, что значат для сохранения наших лесов птицы, каждый из нас имеет хоть какое-то представление. Больше знают орнитологи и лесоводы. Но, повторяю, для меня лично увиденное здесь, на Аваче, явилось удивительным открытием. И даже не одним. Первым было то, что ворона и озёрная чайка при определённых обстоятельствах могут вот так зависать в воздухе, вторым – что они могут активно включиться в борьбу с вредителями леса. И к тому же последнее хоть как-то реабилитировало в моих глазах чёрную ворону, которая, я повторяю, является одним из наиглавнейших врагов всех остальных наших птиц.

Исследования роли птиц в той или иной природной среде занимали весьма значительное место в деятельности орнитологов мира всё 20-е столетие, продолжают они и сейчас. Как правило, наиболее интересные выводы одних перепроверялись, подтверждались и дополнялись работами других. Так что приводимые ниже численные показатели, характеризующие значение птиц, говорящие об их пользе или вреде, должны приниматься как добросовестно и научно выверенные.

До 90 процентов всех живущих на Земле птиц употребляют в пищу насекомых и их личинок. А это большей частью вредители наших огородных и полевых культур, любых других зелёных насаждений. Уничтожение вредителей без помощи птиц просто-напросто невозможно.

В нашей стране ежегодные убытки от вредных лесных насекомых исчислялись миллионами кубометров древесины. И первые опыты по защите леса с помощью птиц начали проводиться с начала XX века. Специальные исследования показывали, что парочка поползней, выкармливающая своих птенцов, приносит им пищу, основу которой составляют насекомые-вредители леса, до 350, по подсчётам других наблюдателей до 380 раз в день. Наша соседка – белая трясогузка при собственном весе в 17 граммов съедает за день 21 грамм насекомых. До 345 раз за сутки эта птица прилетает к гнезду с птенцами. А вот наш камчатский белопопашничный стриж корм своим птенцам приносит не более 20 раз за день и в этом, казалось бы, значительно уступает птицам воробьиным. Но учёные выяснили, что его птенцы за сутки получают до 7 тысяч различных летающих насекомых.

Вес насекомых, съеденных за сутки синицей, равен весу этой птицы. И нам с вами может показаться, что известно о её пользе стало не так уж и давно. Но вот о чём сообщают древние рукописные источники. В Европе первый закон об охране птиц был издан ещё в XIII веке. Так вот, о синице, в частности, там говорилось, что поймавший её будет предан анафеме, то есть отлучён от церкви. Мы должны помнить, что случилось это в век разгула инквизиции. И значит, что кроме забот об очищении общества от множественных «колдунов», кого-то, имевшего неограниченную власть, волновали судьбы и самых маленьких птиц. А ещё через сто лет большой штраф за поимку синицы своим указом назначил Людовик Баварский. Следовательно, уже тогда было известно о несомненной пользе этой птицы. Так, может быть, совсем не современные нам учёные уточнили, сколько и каких насекомых способна уничтожить за сутки одна маленькая синичка?

Выкармливающая птенцов пара воро-

Полевой воробей (Ю. Артюхин)

бьёв за день отлавливает до 500 насекомых, и 400 из них мы относим к числу вредных. Правда, у китайцев есть и другие подсчёты: в сельской местности за год один воробей съедает до 600 граммов зерна. Это 50 лет назад и подвигло китайцев к войне против пернатых «воришек». Что из этого получилось, известно всему миру. И если бы после «победной войны» с птицами китайцы не завезли в свою страну уже «импортных» воробьёв, население Китая в настоящее время могло бы быть не столь многочисленным.

Ещё раз присмотримся к роли авифауны в лесных биоценозах. В моих прежних рассказах о зимующих птицах Камчатки я говорил о так называемых «синичьих стаях». Как правило, сложившиеся с осени, они имеют свой определённый «охотничий участок», по которому стайки пройдут за зиму и не один, и не два раза. И потому, появляясь здесь первый, а затем и второй раз, синицы, поползни, дятлы не будут выедать всё до последней личинки, последнего паучка или короеда. За один раз птицы в этой «своей кладовой» выбирают лишь часть насекомых и их личинок. В этом, конечно же, они не руководствуются «собственным раз-

умом», и, тем не менее, мы видим здесь очень мудрый биологический смысл. Но к этому вопросу я ещё вернусь чуть ниже.

Много лет проводя учёты зимующих лесных птиц, в иные годы камчатские орнитологи наблюдают исключительное обилие некоторых из них, например, буроголовых гаичек или, как их ещё называют, пухляков. Скорее всего, этому предшествует не один летний сезон с благоприятными температурными и кормовыми условиями. При обилии молодых особей осенью взрослые птицы, хорошо знающие местные условия, вытесняют «лишние рты» с собственных территорий, и тем приходится искать места, где бы они могли выжить зимой. Но в те же летние сезоны успех в размножении мог сопутствовать гаичкам, да и другим оседлым насекомоядным птицам по всей лесной зоне полуострова. И тогда мы наблюдаем массовую гибель птиц. С подобным, когда в лесной зоне Центральной Камчатки многими тысячами гибли пухляки и московки, мы столкнулись, например, в зимы 1977/78, затем 1981/82 годов. Не надо сразу же видеть в этом какой-то локальный «катаклизм», обычно так включаются и «работают» естественные регулирующие механизмы Природы. Но может случиться так, что и следующая зима окажется настолько суровой, что к весне в лесу останется необычно мало птиц. На это тотчас отреагируют популяции насекомых-фитофагов: их будет больше, значительно большим окажется и число поражённых вредителями деревьев и кустов. Но и оставшиеся птицы, получив более лёгкий доступ к обильному корму, смогут вырастить больше птенцов в гнёздах, а некоторые в данном сезоне смогут загнеститься повторно. Птиц в лесу опять будет больше, и к весне меньше останется вредителей леса. Так, с помощью насекомоядных птиц в лесном биоценозе восстанавливается сбалансированность отношений.

В той же ситуации, ведущей к необычно обильной численности и затем к гибели, могут оказаться и зерноядные птицы. При их возросшей численности случаются малокормные годы, когда в результате неурожая растительных кормов птицам становится трудно выжить зимой. Именно тогда в городах и по-

сёлках мы необычно часто видим гостей из леса: чечёток, снегирей, щуров, дубоносов. Осенью 2007 года, например, в нашем центре на окраине Елизова каждый день можно было видеть обычно редких для пригорода кедровок. Мы с вами хорошо знаем о роли нашей кедровки, ещё с августа закладывающей множественные «захоронки» орешков кедрового стланика и тем самым, кстати, способствующей его расселению. Вероятно, в последнее лето орешков на всех кедровках в лесу не хватило, и птицы вынуждены были искать возможность прокормиться около человека.

Если говорить о роли птиц в рассеивании растительных семян, то этому способствуют также другие наши птицы, и не только многие виды воробьиных, но и утиные, куриные, кулики, чайки. Пройдя через пищевой тракт птицы, семена большей части растений дают более жизнеспособные всходы.

Когда на юго-западе Австралии начали акклиматизировать сосну, её семена пришлось по вкусу белоухому какаду. И лесоводы стали уничтожать этих попугаев тысячами. Но при более внимательном рассмотрении «вредной» деятельности какаду оказалось, что, теряя часть шишек, эта птица, наоборот, способствует возрождению новых лесопосадок. Белоухий какаду реабилитирован и сейчас отнесён к исключительно полезным видам местной авифауны.

Сейчас давайте рассмотрим экологическую роль наших хищных птиц. Но для начала я расскажу о случае из моей инспекторской практики, которого я стыжусь до сих пор. Много лет назад я, молодой и горячий в ту пору охотничий инспектор, в Авачинской бухте остановил лодку «Казанку» с парнями-охотниками. Документы у них были в порядке. Попросил:

- Поднимите крышку багажника.
- Там ничего нет.
- Повторяю: откройте багажник!

Парень нехотя приподнял крышку. И я увидел там белого кречета, ещё живого, но с беспомощно висящими раздробленными выстрелом окровавленными крыльями. И это был шок: я мгновенно ощутил все страдания этой растерзанной птицы:

- Что же вы, негодяи, сделали! – выдохнул я.

– А он хищный! – с вызовом ответил один из парней.

И тут же получил сильный удар. Это был единственный более чем за двадцать лет моей инспекторской работы подобный поступок, оправдаться за который, повторяю, я не смог даже перед собой. И тогда всю свою неправоту я понял уже в следующую минуту. Что можно было спросить с молодого охотника, когда некоторые, считающие себя учёными, зоологи, не говоря уже о специалистах-практиках охотничьего хозяйства, были уверены в несомненной вредности всех птиц с кривыми клювами и когтями.

На Руси издавна и не одно столетие хищные птицы, а особенно соколы, были едва ли не самыми почитаемыми у людей представителями пернатого мира. Государям их преподносили в качестве самых ценных даров, за них выкупали знатных пленников, платили дань ханам. И никто даже помыслить не мог об убийстве сокола или ястреба.

На фото внизу мы видим молодую самку ястреба-тетеревятника. Она, как-то исхитрившись проникнуть в защищённый сеткой вольтер, убила одну из интереснейших казарок питомника – самца, который приступил к размножению, фактически не достигнув годовалого возраста. И это при твёрдом убеждении специалистов, что подобного просто не могло быть. Я ожидал удивительного результата. Но... Можете представить, как мне было обидно «вероломство» птицы, которую я защищал от браконьеров уже ни один десяток лет. Ястреба, пока ловил и потом взвешивал, я немного «помучил», отпуская же, пожелал ему больше в конфликт с нами, людьми, не вступать.

С годами люди считали себя всё более «просвещёнными». И вот в конце XIX века в Норвегии, для жителей которой немалое значение имел промысел белой куропатки, люди «обиделись» на хищных пернатых. Казалось, они убивают чрезмерно много куропаток. Началось безрассудное истребление хищных птиц. И сразу же стала видна польза от этой акции: численность куропаток быстро возросла, годовая их добыча поднялась до небывалых ранее сотен тысяч штук. А потом неожиданно количество добываемой дичи от года к году стало

снижаться настолько резко, что в 1918 году в Норвегии смогли добыть всего лишь около тысячи куропаток. Как оказалось, птицы гибли от возникающих в популяции эпизоотий.

И только тогда были услышаны голоса учёных-орнитологов. Практики охотничьего хозяйства убедились в том, что раньше от столь опустошающих эпидемических болезней популяцию куропаток спасали эти самые «вредные» хищники. Поняли, что хищные птицы, которым легче поймать ослабленную, плохо летающую особь, чем здоровую, прежде всего отбирают из стаи больных куропаток. Этим они предотвращают развитие массовых инфекционных заболеваний птиц, являются своего рода санитарами.

Но норвежский опыт не был принят в нашей стране. И в середине 20-го столетия биологи лысенковского «научного» толка поддерживали призыв безграмотных руководителей охотничьего хозяйства страны к избиению птиц-хищников. Безусловно вредными были объявлены филин, ястребы – тетеревятник и перепелятник, болотный лунь. Безнаказанно, а кое-где и за премии убивали орлов, канюков, соколов, сов. Спыхватились через годы, а избиение хищников всё продолжалось, перестали лишь платить премии.

Культура так называемой спортивной или любительской охоты на Камчатке в наше время предельно низка. Только в 2007 году ко мне в питомник диких гусей неоднократно обраща-

лись люди с просьбой принять то нелетающего после браконьерского выстрела орла-беркута, то покалеченных, опять же «охотниками-спортсменами», кречетов. А одного молодого мохноногого канюка с отстреленными кистевыми частями обоих крыльев просто привезли и оставили.

Мохноногий канюк, впрочем, как и наша болотная сова, ежедневно ловит более десяти полёвок. Учёные подсчитали, что одна полёвка за год съедает от 2 до 3 кг зерна. А от одной пары полёвок и её потомства за год рождаются до 500 этих грызунов. Кто-то может сказать, что для Камчатки, где посевы зерновых культур не так уж и развиты, помощь человеку от мохноногого канюка не столь и заметна. Как знать. Но этот хищник ещё и бесстрашный истребитель серых крыс, и это уже немаловажно.

Есть очень интересные исследования западноевропейских орнитологов по питанию гусей в приморских стациях. Одно из растений, насколько я помню – моряна, ко времени по-

явления гусиных стай вырастает до определённого состояния. Побег этого растения для гусей в общем съедобен целиком. Но птицы, кормясь, срывают лишь два верхних листочка и не трогают растений, на которых только что кормились другие гуси. И моряна успешно вегетирует дальше. Учёные оборвали сверху ещё часть побега, и рост растения резко замедлялся, а то и останавливался. В таких случаях мы с вами обычно говорим о «мудрости» Природы. Давайте вспомним о том, что механизмы взаимодействия гусей и других птиц со всем животным и растительным миром планеты складывались задолго, очень задолго до появления на земле людей. Вот почему Природа всегда оказывается значительно мудрее нас.

Кстати, когда в своих рассуждениях насекомых-фитофагов я называю вредителями, мне очень хочется взять слово «вредитель» в кавычки. Ибо этот самый «враг леса» столь же естествен в данном биоценозе, как и любимые нами птицы.

МНОГО ЛИ МЫ О НИХ ЗНАЕМ?

Известно, что птицы как объект исследования очень интересовали жившего ещё за 400 лет до нашей эры греческого философа и учёного-естествоиспытателя Аристотеля, оставившего нам описание 170 видов птиц. Конечно же, он во многом ещё ошибался, например, причисляя к птицам летучую мышь и будучи уверенным, что на зиму ласточки не улетают, а просто опускаются на дно водоёмов. Но об этом мы с вами ещё поговорим более подробно.

В начале XVIII века Карл Линней создал подлинно научную классификацию животных, он знал о 554 видах птиц. В 1760 году французский учёный Бриссон описал уже до 1500 птиц. Но ещё в конце этого столетия из только что изданных «научных» книг наши соотечественники могли узнать о якобы существующих в природе «райских птицах», которые не имеют ног и потому всю жизнь вынуждены находиться в воздухе, или о птице (ентиангия), которая, хоть и с ногами, но тотчас умрёт, едва коснувшись земли. Однако в эти годы уже занималась заря подлинной науки орнитологии. Настоящие исследователи,

всё более углублённо изучающие птиц, появились и в нашей стране. Период знакомства с птицами далёкой окраины России – Камчатки начался уже в первой половине XVIII века. После С. Крашенинникова и Г. Стеллера в следующем столетии с изучением птиц Камчатки связаны имена Ф. Киттлица, К. Мертенса, И. Вознесенского, Б. Дыбовского, Л. Стейнегера. Достаточно подробно об истории орнитологических исследований нашего региона рассказано в книгах орнитологов Ю. Аверина (1958), А. Кищинского (1980) и Е. Лобкова (1986), и повторять уже хорошо описанное этими учёными мы не будем. Сейчас я расскажу лишь о некоторых наших исследованиях последних лет.

Работы, целью которых является выявление и пополнение списка птиц региона, называются фаунистическими, а сама фаунистика кому-то может показаться как бы «наукой в себе». Тем не менее, именно с неё начиналось познание фауны любого региона, страны, континента.

В книге Ю. Аверина, опубликованной в 1948 году, а списке птиц Кроноцкого государ-

ственного заповедника мы видим 131 вид. В начале 1960-х годов орнитолог-любитель П. Дьяконов в фауне главным образом Центральной Камчатки насчитывал около 120 видов птиц. Чуть позже я, находясь в ту пору также в качестве непрофессионального орнитолога, знал о 180–190 видах. К настоящему времени совместными усилиями коллег в авифауну Камчатского края включены уже более 300 видов птиц. Правда, в их числе довольно много видов, наблюдавшихся у нас единично, что может говорить о случайности таких залётов.

А список птиц Камчатки будет ещё пополняться. Так, в октябре 2007 года от Р. Деколядо я узнал о наблюдении им в Мильковском районе китайской иволги (*Oriolus chinensis*). До последнего времени самые ближние к нам районы встреч этого вида были известны с острова Сахалина. Рональд Иванович, геолог по образованию, очень надёжен как корреспондент-наблюдатель, и данное сообщение о птице, которую на Камчатке спутать с какой-либо другой невозможно, мы, возможно, примем как факт.

И не удивительна ли поимка Ю. Герасимовым в нашем питомнике диких гусей белогрудого пастушка (*Amauornis phoenicurus*).

Вообще же к пополнению авифаунистического списка надо подходить очень внимательно, критично. Так, например, в моей

домашней картотеке отражены сообщения охотников о встречах на реках полуострова оляпки, в лесу – дятла желны, о добыче утки мандаринки. Но эти интересные «находки» неспециалистов так и останутся в «домашних» записях, пока вдруг не окажутся в наших руках или на достоверных фотографиях. Так, много лет назад мной была подтверждена возможность залёта на Камчатку чёрной кряквы (*Anas poecilorhyncha*).

Могут ли в определении вида птицы при полевом наблюдении и даже при её добыче ошибиться орнитологи? Могут. И ошибались. Как-то, уже много лет назад, специалисты Кроноцкого заповедника с восторгом сообщили о первой находке американской свиязи (*Anas americana*). Оказалось, что это была обычная у нас утка косатка (*Anas falkata*). А свиязь была найдена на Камчатке уже потом. Однажды удивительную находку – малую кукушку подарила мне ловчая сеть. Я был рад предъявить птицу всем камчатским орнитологам, они тоже увидели её впервые. Повезли птицу в Зоомузей МГУ, и... она оказалась обычной для Камчатки глухой кукушкой (*Cuculus saturatus*). Необычными были лишь её на удивление миниатюрные размеры.

Зато совсем недавно мы узнали о том, что на Камчатке живёт скрытный, активный преимущественно в сумерках, лесной кулик вальдшнеп (*Scolopax rusticola*). Добытого камчатского вальдшнепа я держал в руках.

Нередко наше стремление знать о птицах (и не только) как можно больше кому-то кажется нерациональным, не дающим пользы. Но вот пример. В конце 1960-х годов я более или менее серьёзно стал интересоваться многочисленными в дельте реки Авачи озёрными чайками (*Larus ridibundus*). Старался узнать о них как можно больше, но считал, что, кроме меня, на Камчатке мои наблюдения не интересны никому. Чайки эти достаточно хорошо изучены «на материке», у нас их не едят, и заметной пользы кому-то от моих знаний не так много. Но однажды ко мне обратились военные из штаба авиации с вопросами: в какое время суток, в какие месяцы и на какой высоте летают наши чайки, когда улетают на юг и возвраща-

Китайская иволга

ются весной. Я поинтересовался, зачем это надо военным, мне объяснили, что воздушное пространство над дельтой Авачи предполагается использовать для тренировочных полётов боевых самолётов. На все эти вопросы я уже имел готовые ответы и был рад, что они так неожиданно стали ценными для военных лётчиков. От тех специальных полётов над Авачей они отказались. Догадываетесь почему? Потому что птицы при столкновении с самолётом могли стать причиной гибели и машин, и людей.

Вы, наверное, слышали, знаете о том, что альтернативой Нобелевской премии является пародийная премия «Шнобелевская». Эта последняя присуждается исследователям, открытия которых признаются совершенно никчёмными. В 2006 году небывалой славы при получении Шнобелевской премии в номинации «орнитология» удостоился врач-офтальмолог И. Шваб. В своих исследованиях он задался целью выяснить, «почему у дятла не болит голова». Полученная им популярность повеселила очень-очень многих людей. Но вдруг эта «любопытность» врача заинтересовала серьёзных американских учёных из Лаборатории биоинженерии. И действительно, при частоте в 20 ударов по твёрдому дереву только за одну секунду, не менее 1200 ударов за день птица должна была бы приобрести не только головную боль. И вот эти исследования привели учёных к уже подлинным, действительно ценным, открытиям.

Надеюсь, мы с вами убедились, что жизнь на Земле без птиц немыслима. К сожалению, их соседство иногда бывает для нас нежелательным, а изредка и очень опасным. Птицы могут угрожать не только самолётам, они могут стать переносчиками опасных для человека болезней. Вот почему Юрий Герасимов, кольцуя последние годы птиц, попутно берёт у них и анализы на «птичий грипп».

Птицы рассматриваются учёными и как важнейшие «биологические индикаторы». Что это значит? Возьмём для объяснения конкретный пример. Однажды, в 1980-х годах, в дельте реки Авачи были обнаружены сотни погибших озёрных чаек. Они сплывали по течению ручья в реку со стороны Авачинского зверосовхоза. Наши расследования показали, что

Белогрудый пастушок

кто-то высыпал в ручей мешок хлорной извести. В отравленной воде погибли все живые организмы – мальки лососёвых рыб, колюшки, личинки насекомых, которые стали лёгкой, но смертельно ядовитой добычей для чаек. Тогда мы так и не смогли выявить виновника, совершившего это бессмысленное преступление, но и попыток повторить его больше не было.

В тот раз массовая гибель озёрных чаек указала на локальную экологическую катастрофу, не несущую, к счастью, угрозы здоровью людей. Но ведь и о появлении страшного вируса «птичьего гриппа» стало известно в результате гибели птиц.

Вот ещё пример. Несколько лет назад медицинские орнитологи Японии заинтересовались причиной гибели в их стране гусей гуменников. Специальные исследования показали наличие в организме погибших птиц запредельной концентрации так называемых «тяжёлых металлов». Но это говорило не только о смертельном поражении самих птиц. Гуси являются желанным объектом любительской охоты и, следовательно, содержащаяся в их мясе доза ядовитых включений могла стать опасной для жизни людей. К этому времени, опять же благодаря нашим исследованиям, было известно, что многие из зимующих в Японии гусей прилетают с нашего полуострова. И японские учёные попросили нас о помощи в отлове на Камчатке

нескольких десятков гуменников. Гуси были пойманы в период их линьки на озере Маковецком, японские коллеги взяли у птиц пробы крови, а потом нас известили, что здоровье гусей, живущих на юго-западе Камчатского полуострова, тревог не вызвало.

Иногда сигналом об угрожающем изменении экологической обстановки может стать постепенное снижение численности или исчезновение лишь некоторых видов птиц. И заметят это раньше всех, конечно же, орнитологи. Как правило, потребуются немедленные исследования, а при выяснении причин нежелательных изменений и меры по их устранению. Например, снижение численности речных уток, скорее всего, будет указывать на чрезмерный отстрел их охотниками. Если же упадёт численность птиц, зимующих в прибрежных морских водах у южной оконечности Камчатки, это может указать на систематический сброс льяльных вод с работающих рядом со стаями птиц морских судов. И в том и в другом случаях

Юлия Миникаева на учёте птиц (Ю. Герасимов)

Российско-японская группа орнитологов, Камчатка, 2008 г.

птицы выступают как индикаторы нежелательных изменений природной среды.

В целях слежения за благополучием популяций водных и околоводных видов камчатской авифауны весной 1975–1990 годов в разных пунктах полуострова проводились систематические учёты мигрирующих птиц. Подобные исследования (их сейчас называют мониторингом) сравнимы с рукой врача на пульсе человека, а чтобы быть более точным – с рукой человека на пульсе живой Природы. Ибо именно птицы, сокращение их численности тотчас укажут нам на сбой в отлаженной естественной системе нашей планеты.

Иногда может показаться, что некоторые работы учёных не оправдывают затраченных на них материальных ресурсов. Но проходит какое-то время, и результаты этих исследований возвращаются к человечеству с большими дивидендами. И орнитологи уверены, что бес-

плодными не остаются никакие полученные ими знания о птицах, пусть подчас кому-то они кажутся малозначащими. Изучение птиц уже дало человечеству массу научных открытий. Но по-прежнему как совершенные летательные аппараты они представляют исключительный интерес для физиков, теоретиков и конструкторов-практиков воздухоплавания. Есть вопросы к птицам у медицинской орнитологии и орнитологии авиационной (на этот раз уже работающей над проблемой разделения небесного пространства с летательными аппаратами). Подсказанные птицами идеи успешно использовались в архитектурных сооружениях. И не случайно совершенно особое место уделяется птицам в науке бионике. Эта наука изучает жизненные функции, физические возможности живых организмов для решения многих инженерных задач в создании многих технических систем.

ПОБЕДИТЬ ПРИРОДУ МОЖНО, ТОЛЬКО ЕЙ ПОВИНУЯСЬ

Мы с вами пока говорили о несомненной необходимости птиц для Природы нашей планеты и, следовательно, для всего человечества. И вот, я уже вижу, что кто-то хочет мне возразить. Да, я согласен с вами: птицы могут нести людям и беды.

Ещё раз вспомним, что не так давно все мы узнали о так называемом «птичьём гриппе». И страшно его испугались. Стали винить в этой беде птиц. Но орнитологи, вирусологи, некоторые другие специалисты знали, что грипп во все века был «птичьим». Мы знали, что вирус этого недуга всегда сохранялся, культивировался, мутировал в более или менее постоянных птичьих скоплениях, например, в гнездовых колониях морских птиц и даже в голубятнях. И передаётся он нам, предположительно, при контакте с пернатыми вирусоносителями. Как? Может быть, кто-то один из нас зашёл не в «ту» колонию чаек с целью сбора яиц. Кто-то, возможно, подстрелил больную утку. Или ребёнок пожалел бедного больного голубка и принёс его домой, чтобы вылечить. Так в наш дом, в наши организмы попадает болезнетворный вирус

и по планете начинает шествовать очередной вал гриппозной эпидемии. Нельзя исключать и того, что грипп уже давно живёт внутри нашего, человеческого, «общегития», на время замирает, не переставая при этом видоизменяться, и потом появляется среди нас штаммом с изменёнными болезнетворными качествами. Но, конечно же, и о сохранении его в массовых скоплениях птиц мы забывать не должны.

А вот проблема другая. В июне 1912 года в США произошло первое трагическое столкновение птицы и самолёта. Мне известно о случившейся лет около тридцати пяти назад встрече самолёта Як-40 и озёрной чайки над аэропортом посёлка Корф. Подобный случай якобы имел место и в Усть-Камчатске. К счастью, в обоих этих инцидентах люди не пострадали. Вообще же в мире таких нежелательных столкновений в воздухе, в том числе обернувшихся гибелью людей, было немало. Вот почему в поисках путей безопасного разделения воздушного пространства между птицами и самолётами авиаторы вынуждены были обратиться к учёным-орнитологам. И теми был предложен ряд

рациональных решений для избежания столь опасных воздушных происшествий.

Есть ещё одна, пока трудно разрешимая, проблема – уничтожение «неразумными» птицами в некоторых районах планеты урожая возделываемых людьми культур. Птиц там нередко расстреливают, взрывают, травят ядами. Но и столь радикальные меры часто не приносят людям победы, а могут (когда применяются яды) обернуться для них бедой. Значит, надо искать другие методы отпугивания птиц от полей и виноградников.

Да, наши отношения с миром птиц не всегда столь радужны. И всё-таки надеюсь, мне удалось объяснить, почему жизнь на Земле без птиц немыслима. И это давно известно не только учёным. Многие люди во всём мире стараются исключить антропогенные факторы, ведущие к массовой гибели птиц, к окончательной поте-

ре хотя бы некоторых их видов. Во многих странах, в отдельных регионах нашей страны учёные и специалисты-практики, обеспокоенные, например, гибелью птиц при посадках на линии электропередачи (ЛЭП), используют различные приспособления для избежания подобных потерь. И ежегодно реально спасают от гибели тысячи прежде всего хищных птиц. Таковы лишь некоторые печальные последствия столкновения человеческой цивилизации, научного прогресса с более древним диким животным миром Земли. И если наш разум создаёт машины, убивающие своих соседей по Планете, не имеющих разума и знаний, данных нам, значит, об их безопасности думать должны мы. В заглавие этого раздела нашей беседы я вынес слова одного из древних мыслителей. Я думаю, правильнее было бы сказать: **«Не вступать в конфликт с Природой можно, только ей повинаясь».**

НЕРАЗРЫВНА НАША СВЯЗЬ

Из рассмотренных в этой беседе примеров мы видим, что четко выделить какую-то определённую узкую роль в Природе, конкретную значимость для человека какого-то вида птиц бывает просто невозможно. Ласточка полезна не только тем, что ловит кусающих нас комаров. Предназначение жаворонка – не в услаждении нашего слуха красивыми песнями. Утки нужны в природе не потому, что обладают вкусным мясом. Значение птиц для Природы и для человечества исключительно многогранно.

Так, в 20-м столетии в экономически развитых странах зародился и получает всё большее развитие орнитологический вид туризма. Ежегодно миллионы человек отправляются в разные страны лишь ради того, чтобы вживую увидеть птиц, пока ещё известных им только по книгам. Даже ради одной ещё не встреченной птички эти люди могут отправиться в любую точку земного шара. Они ведут собственные списки наблюдаемых в природе птиц, соревнуются в этом с такими же любителями. Организуют международные конференции, на которых, выступая с докладами, иногда сообщают о своих любительских наблюдениях, являющихся

настоящими, подлинными орнитологическими сенсациями. И не случайно эти конференции неизменно пользуются большим интересом профессиональных орнитологов. В 1999 году я имел удовольствие участвовать в подобной конференции в Малайзии. В числе участников этого форума находилась супруга короля Иордании и многие именитые учёные.

Подобные увлечения любителей птиц прежде всего говорят о большом рекреационном и эстетическом значении пернатого населения нашей планеты. Но вокруг столь массового движения в преобладающем числе стран мира тотчас возникла мощная индустрия, ориентированная именно на этот специфический круг туристов. Для любителей птиц выпускаются специальное полевое оборудование, год от года совершенствующаяся оптика: фотоаппаратура, полевые трубы, бинокли. Издаётся множество специальной литературы, развивается сувенирное производство и т. д. Многие турфирмы стали специализироваться исключительно на орнитологических турах и экскурсиях. Туристов – любителей птиц с одного континента на другой доставляют огромные

Туристы и попугай ара: взаимный интерес

Фотоохотница Анна Афонина и один из её трофеев – самочка гокко (Коста-Рика)

морские лайнеры. Поступающая от туристов валюта поднимает благосостояние местного населения, экономику стран посещения. Так чисто эстетическое и рекреационное значение птиц дало мощный экономический эффект.

Местное население даже самых бедных стран, для которого птицы недавно являлись всего лишь охотничьей добычей, видя такой интерес к ним иностранных туристов, невольно проникается уважением к самим птицам. И в их сознании возникает стремление к сохранению редких птиц, формируются новые нравственные критерии.

Хотелось бы верить в то, что я убедил вас в главном: мы связаны с птицами, нашими экологическими партнёрами по планете Земля, с общей для них и для нас жизненной средой очень многими «нитями». От прочности,

неразрывности этих связей зависит наше физическое и психическое здоровье. А в конечном итоге и всё существование человечества.

Передо мной сейчас лежат две переведённые на русский язык книги: «Птицы», издательства «Мир» (1983 г.) и «Иллюстрированная энциклопедия птиц» издательства АСТ-Астрель (2004 г.). Обе написаны коллективами учёных-орнитологов с мировыми именами. Из первой книги мы узнаём, что на планете существуют около 8700 видов птиц, а более 150 из них находятся под угрозой вымирания. Энциклопедия сообщает о 9300 видах (обнаружены новые, «раздроблены» известные ранее виды) современных птиц и под угрозой скорого исчезновения с лица Земли находятся уже около 1000...

Мы пока ещё можем и обязаны помочь им. А, может быть, больше себе?

Белоплечий орлан (Ю. Герасимов)

БЕСЕДА ТРЕТЬЯ

Зимующие рядом с нами

Кто из нас знает зимующих птиц Камчатки? Хорошо, если на этот вопрос положительно ответят 5 человек. А нас, постоянных жителей края, – 350 тысяч. Посчитайте, какой процент от всего населения Камчатского края имеет представление о живущем рядом с ним пернатом «народе». В то же время птицы – одна из самых заметных составляющих дикого животного мира нашей Природы.

Вряд ли кто сейчас сомневается в необходимости воспитывать в детях, в подрастающем поколении любовь к Природе, стремление к бережному, доброму к ней отношению. Существовать отдельно от Природы, от её животного и растительного мира, от её так называемых абиотических составляющих человечество не может. Сейчас отношение людей к окружающей среде нашего с вами обитания часто заслуживает самого жёсткого, нелицеприятного осуждения. И перестраивать эти отношения, пока мы окончательно не опоздали, предстоит уже не внукам, а нам и нашим детям.

Чтобы любить Природу, надо о ней больше знать. Птицы – наши соседи по общежитию Земля, а знать тех, кто рядом с тобой, жизнен-

но необходимо. «Мы не можем любить то, что не знаем» – эти очень простые и в то же время мудрые слова я где-то недавно прочитал и теперь часто их повторяю.

Сейчас на основе личных наблюдений и впечатлений, наблюдений, переданных мне моими товарищами, егерями и охотниками, а также знаний, полученных из разных хороших книг я попытаюсь рассказать о тех пернатых соседях, которые не оставляют Камчатку, живут рядом с нами даже зимой. Сколько их, почему не улетают, чем питаются, как переносят многодневные пурги, а иногда морозы до пятидесяти градусов? Это далеко не все вопросы о наших экологических партнёрах, и на них не всегда мы можем уверенно ответить. Мир птиц во многом остаётся для нас загадочным. И познавать его не только очень интересно, но всё более для всех нас необходимо.

Пусть этот мой рассказ будет своего рода популярным введением в «полевую орнитологию» не только для учителей и учащихся школ, но и для сотрудников природных парков и заповедников, для охотоведов и егерей. И, конечно же, для всех любителей птиц.

МОЙ ПОМОЩНИК ЧИЖИК

В тот год свой отпуск я проводил в центре Камчатки, куда специально выехал, чтобы понаблюдать за птицами в зимнем лесу. Приехал не один, а с двумя очень ценными при моих задачах помощниками – манными птицами: чижом и горным вьюрком. Птицеловы называют этих птиц «манными» за то, что они подманивают к себе, к сетям и другим ловушкам птиц диких.

Чижик, которого я звал Петькой, когда-то был куплен моими друзьями на московском Птичьем рынке. Немного подержав птицу дома, ребята предоставили чижу выбор: открыли клетку и форточку на улицу. Посидев на открытой форточке, Петька посмотрел на зимнюю «волю» и вернулся в клетку. Друзья предложили мне взять чижа на Камчатку, и я был этому рад. Петька прожил у меня двенадцать лет, мы вместе летали на вертолётах, ездили на машинах, гусеничном тягаче и снегоходе. Но эта сегодняшняя наша с ним экспедиция была одной из первых.

В городе Петропавловске с помощью чижа Петьки я ловил птиц в целях кольцевания. К окну моего кабинета подвешена кормушка, на ней, кроме корма, стоят клетка с манной птицей и ловушка. Стекло со стороны комнаты затянуто марлей, таким образом, оставаясь невидимым для прилетающих птиц, я могу рассматривать их с кратчайшего расстояния. Однажды в стае сибирских горных вьюрков (о них я подробно расскажу ниже) я увидел явно нездоровую птицу и через некоторое время смог её поймать. Оказалось, что этот вьюрок слеп на один глаз. Птица была очень истощена, явно не могла существовать вне стаи, и до весны она бы не дожила. Я решил оставить её у себя. Вьюрок на удивление спокойно принял неволю, хоро-

Чиж (Ю. Герасимов)

шо ел и вскоре, совсем освоившись, стал мне замечательным помощником.

Таковы были мои помощники в этой поездке. На редкость приятный человек, кадровый охотник Иннокентий Иммануилович Красильников пригласил нас пожить в его зимовье. Землянка охотника была сделана очень просто: врезанная в склон увала, она имела единственное окошко над дверью, затянутое хлорвиниловой плёнкой. Вечера мы коротали с тусклой керосиновой лампой. Но, находившись с биноклем и дневником по лесу, я каждый раз торопился домой, где меня ждал долгий зимний вечер, скрашенный удивительными воспоминаниями старого охотника.

ПОПОЛЗЕНЬ КУЗЬМА

Наш поползень Кузьма

Он появился у зимовья чуть ли не на второй день после нашего там появления. Поползни зимой обычно встречаются парочками. Они очень привязаны друг к другу и страшно беспокоятся, громко кричат, если вдруг на время потеряют один другого из вида. Так вдвоём они обычно и кочуют по лесу, но чаще всего не одни, а в составе «синичьей стаи». Но о ней я расскажу чуть позже. Наш поползень, может быть, по молодости не успел завести себе партнёра, либо его потерял. К тому же мы сразу увидели, что он решил никуда отсюда не улетать, то есть стал нашим постоянным соседом. А у нас для него сразу нашлось имя – Кузьма, Кузька.

Сначала Кузька был не очень смелым: скрипнет дверь – поползень уже на дереве. Голова набок, и смотрит на нас будто бы с укоризной – мол, испугали.

Постепенно он осмелел настолько, что прыгал рядом с нами даже тогда, когда мы рубили

дрова. Боялись, как бы ненароком не зашибло нашего товарища отскочившей щепкой. Охотник, шутя, ворчал на Кузьку, что он де объедает нас, и что к Новому году из него получится приличное жаркое на троих здоровых мужиков. А поползня это не смущало, он деловито пробовал «на зуб» то одну, то другую щепочку. Они, вероятно, напоминали ему кусочки мороженой рыбы или мяса, которыми Кузьму подкармливали около зимовья.

К середине ноября морозы по ночам поджимали к тридцати. Вечерами мы часто вспоминали нашего пернатого товарища: где-то он, горемыка, дрожит сейчас, не замёрз ли совсем, не съел ли его горноста́й. Но ещё на рассвете слышалось Кузино чириканье, он будто бы извещал, что прилетел завтракать. Однажды, подлетев к плёнке нашего окошка, поползень почувствовал идущее от неё тепло. И с тех пор, глядя сквозь плёнку из землянки,

мы постоянно видели Кузьку, плотно прижимающегося к нашему окну.

Я, между тем, занимался наблюдением за птицами. Самыми обычными в лесу в этот год были «синичьи стаи». Что это такое? В зимнем лесу Центральной Камчатки можно встретить три вида синиц: буроголовую гаичку, москovicу и отличающуюся от первых двух синицу длиннохвостую. Если нам очень повезёт, их всех можно увидеть в одной объединённой стае. В этой группе почти обязательно будет находиться парочка поползней и, скорее всего, дятлы. Увидеть в синичьей стае всех их: большого и малого пёстрых, а с ними ещё и трёхпалого дятла лично мне не приходилось ни разу. Стайки лесных птиц, в которых собираются несколько названных видов, орнитологи и называют «синичьими». Все эти птицы, обыскивая деревья, питаются «заснувшими» на зиму насекомыми, их личинками, куколками, а также некоторыми семенами. Даже находясь при этом на одном дереве, разные виды один другому не мешают. Небольшие синицы в поисках пищи могут зависнуть вниз спинкой на самом кончике самой тонкой веточки. Дятел в это время простукивает кору ствола. На соседнем дереве поползень, перемещаясь маленькими прыжками, тщательно проверяет все трещинки в коре ствола.

Довольно многочисленную синичью стаю, думаю, что одну и ту же, в этот раз я встречал на своих ближних маршрутах трижды. В ней, кроме нескольких десятков пухляков, я точно увидел 6-8 очень любимых мной синичек-московок, по крайней мере двух поползней, парочку трёхпалых дятлов и парочку же дятлов малых пёстрых. У меня сложилось впечатление, что эта птичья когорта занимала какую-то определённую «охотничью» территорию и раз за разом, может быть – по частям, её исследовала. Но тогда сколько на ней должно быть насекомых, их куколок и яичек? И какая же действительно колоссальная санитарная роль возложена Природой на этих маленьких пернатых лесных тружеников – птиц!

Стайка длиннохвостых синиц числом в полтора-два десятка особей появилась у землянки через день после моей встречи с синичьей ста-

Малый пёстрый дятел

ей. Возможно, этих же ополовничков я видел недалеко в лесу по прошествии ещё нескольких дней.

А более удивительная, более интересная для меня встреча произошла в день первого знакомства с той самой синичьей стаей, о которой я только что рассказал. Едва синицы со своим сопровождением удалились в глубь леса, я вдруг увидел нечто, показавшееся мне птицей, встретить на Камчатке которую было практически невозможно. Удивительного открытия не случилось, но и эта встреча оказалась действительно очень и очень приятной: я увидел редкого зимнего гостя Камчатки – **серого сорокопута**. Гнездится ли серый сорокопуд на нашем полуострове, пока точно не известно. Мы, орнитологи, совсем не часто видим единичных особей этого вида только в зимнее и ранневесеннее время. А вот его родственник – сорокопуд-жулан летом у нас точно живёт.

Серый сорокопуд по величине близок к большому пёстрому дятлу, но относится он к отряду воробьиных птиц. В то же время это

птица-хищник. Зимой в стайках синиц, чечёток, снегирей он высматривает нездоровых птиц, убивает и питается их мясом. В иные годы при обилии мелких грызунов этот сорокопут с успехом охотится на полёвок, не преминет убить и представителя насекомоядных – землеройку.

В марте 1970 года две недели я изучал, ловил и кольцевал птиц в Соболевском районе. Помогал мне в работе, подманивая птиц, мой замечательный друг – чиж Петька. Да-да, этот самый чижики, которого и сейчас я привёз с собой. Однажды, уходя в короткий маршрут по лесу, клетку с чижом я оставил под сетью-тайником. А когда вернулся, обнаружил дрожащего, вероятно, от боли и ужаса чижики сидящим на дне клетки. Вместо правого крыла у него была окровавленная культя. Косточки крыла, правда, были целы, но первостепенные маховые перья отсутствовали полностью. Рядом с бедным чижики на полу лежало красивое с бирюзовым отливом покровное пёрышко серого сорокопута. Очевидно, поймав перепуганного Петьку за перья крыла, разбойник пытался вытащить его из клетки, но остался лишь с бесполезной для себя добычей. Во время борьбы он и потерял эту улику.

Я собирал птиц для коллекции Зоологического музея МГУ и решил добыть разбойника-сорокопута, как только он появится. Он прилетел, я вышел с ружьём, в бинокль рассмотрел действительно красивого сорокопута-самца, а вот выстрелить в него так и не решился. Вечером пожалел: добыть в коллекцию такой замечательный, необычно для этого вида ярко окрашенный экспонат вряд ли ещё удастся. Буду ждать следующего раза. В моих ловушках всегда находились птицы, это привлекало сорокопута, и он прилетал ещё дважды. Я опять выходил с ружьём, опять любовался разбойником и опять же не мог стрелять. А в один из ярких солнечных дней только что пришедшего на Камчатку марта (назавтра мы уже ждали вертолёт) я вдруг услышал песню совершенно незнакомой мне птицы и увидел её сидящей на самой верхушке старого тополя. Взял ружье, но уже на полдороге в бинокль рассмотрел восторженно распевającego обидчика моего чижа – серого сорокопута и вернулся

назад. В моём полевом дневнике много лет так и хранится то пёрышко сорокопута, а я, на самом деле, рад, что не смог заставить себя выстрелить в этого замечательного и редкого разбойника наших зимних лесов.

В природе серый сорокопут не столько хищник, сколько птица-санитар, которая избавляет лес от больных особей, предупреждая тем самым возможное развитие эпизоотий. Так что польза его безусловна.

Об очередном страшном приключении в жизни Петьки, случившемся уже здесь, я расскажу чуть позже. Не хочу, чтобы два этих жутких для моего чижики события соседствовали на одной странице.

А у Кузьмы, между тем, довольно скоро появились соседи: стайка из пяти синичек-пухляков, похоже, решила задержаться около землянки надолго. Их, очевидно, привлекли выложенные у нашей двери на снегу куски заячьего мяса и висящий на дереве замороженный зимний кижуч. По крайней мере, наш попользоваться этим дармовым угощением был совсем не против.

Иннокентий Иммануилович сказал, что не возражает против появления и этих «нахлебников», что их он тоже «откормит», а потом вслед за Кузьмой «зарезет и съест». На самом деле охотник с удовольствием подкармливал птичек и очень радовался, что может сделать для них что-то хорошее, помочь им пережить морозную зиму. И поэтому настала его пора два вечера подряд слушать меня: я рассказал этому замечательному человеку о своих специальных исследованиях.

Как известно, в лесах Камчатки находятся сотни временных жилищ: зимовий охотников, пунктов линейно-телефонной связи, экспедиционных и других построек, в которых иногда, а то и постоянно, живут люди. Зимой около них почти всегда обитают какие-то птицы. В южных районах Камчатки ими обычно становятся пернатые обитатели леса, на севере полуострова к жилищу человека тяготеют гости из тундры, а то и с ещё более далёкого севера. Все эти прибившиеся к жилью птицы, получая около него пищу, пытаются пережить очень трудную для них зимнюю пору.

Люди, часто живущие в это время без другого общения, рады их прилёту, рады постепенному возникновению доверия между ними и дикими птицами. Охотники зимой добывают соболей, выдр, других животных, ободранные их тушки выкладывают около зимовья, давая тем самым птицам очень калорийную пищу. Однажды за такими, проживавшими с охотником-промысловиком, птицами всю вторую половину марта я наблюдал в Соболевском районе. Зимовье – такая же, как у нас сейчас, землянка, ко времени нашего появления было оставлено человеком всего лишь несколько дней назад. Нас здесь довольно спокойно встретили восемь пухляков, парочка поползней и самка большого пёстрого дятла. Все они питались мясом оставленных около избушки соболиных тушек. Вид птиц, особенно пухляков, был нездоровым, перо неопрятным, взъерошенным. Ночевали синички здесь же рядом – под берегом оврага за козырьком снега. По утрам, их перья оказывались запачканными ещё более, чем вчера, и чуть очищались лишь ближе к вечеру. Пухляки держались около зимовья весь день и только в редкие солнечные дни улетали куда-то в лес на 30–40 минут. В пасмурные, со снегопадом дни эти же птицы становились на удивление неосторожны: до кормившейся мясом гаечки иногда я дотрагивался пальцем. Как же плохо выглядели они в сравнении с время от времени пролетающими мимо нас вольно живущими синичками, не ищущими для себя выгоды рядом с человеком.

Ближе к концу марта около нас оставались пять, затем четыре пухляка. Остальные синички, без сомнения, погибли, одну из них я нашёл замёрзшей недалеко от нашего зимовья.

Столь же зависимыми от «бесплатной» мясной подкормки были поползни и дятел. Поползни, правда, каждый день не менее двух-трёх часов проводили в лесу. Самка же дятла, спугнутая от мяса, взлетала на ближнее дерево и, дожидаясь нашего ухода, лишь имитировала долбление ствола, после чего тотчас возвращалась к тушкам животных.

Сомнений в том, что после нашего отъезда погибнут и остальные четыре пухляка и дятел, не было. Может быть, до настоящей весны до-

живут только поползни. Такова была цена, отданная птицами за «благодетельства» человека.

Рассказал я и о своих специальных, более детальных исследованиях, проведённых в других районах Камчатки, когда пытался соизмерить пользу и вред подкормки для наших зимующих насекомоядных птиц – синиц, поползней, дятлов.

– Так что же, мы сейчас делаем недоброе дело?

– Если мы будем брать поселившихся рядом с нами птиц на полное иждивение, вскоре после нашего отъезда они неминуемо погибнут, не доживут до тепла. За два-три месяца такого вот тесного общения с человеком птицы, без труда получая «дармовой», очень калорийный, но нехарактерный для вида корм, «теряют форму», выпадают из естественной для них жизненной среды. И наше, казалось бы, доброе дело может принести птицам несомненный вред.

– Что же делать, когда у зимовья появляются птицы? Совсем не кормить их?

– Их можно подкармливать. Прежде всего, птицы не должны иметь доступа к тушкам животных. Утром для Кузьмы мы будем выставять совсем немного крошек мороженой рыбы или мяса. Но столько, чтобы поползень вынужден был улетать в лес искать привычный для него корм. Вечером мы подкормим его опять. Но всё это, повторяю, относится к птицам, основную пищу которых составляют насекомые.

Люди, живущие в стороне от населённых пунктов, при желании привлечь к своему дому снегирей, чечёток, дубоносов и других зерноядных птиц, должны позаботиться об этом заранее: с осени засушить прямо в гроздьях рябины, заготовить ягод брусники, семечек, пшеничной крупы. На кормушку для птиц можно выкладывать самые разные семена и крошки со своего стола. Нельзя давать птицам чёрный хлеб, жареные семечки, рис.

Этот год, как я сразу же понял, не был «урожайным» на некоторых обычных в другие годы птиц. Лишь на третий день своего пребывания здесь я издали заметил вдруг на невысоком деревце красное-красное яблоко, и, конечно же, это был красавец-снегирь. В зимнем лесу яблоки, к сожалению, не растут, но

Снегирь

Так выглядит самочка снегиря (А. Афонина)

с яркой рубиновой гроздью снегиря-самца спутать издали можно. В бинокль я рассмотрел и сидевшую с ним рядом неяркую самочку.

Дня через два небольшую, в пять особей, стайку снегирей, в числе которых было два красивых самца, я встретил на приречных кустах шиповника. Тихо о чём-то переговариваясь, они неторопливо и обстоятельно объедали кое-где ещё сохранявшиеся подсохшие плоды этого кустарника. Было хорошо видно, как из их клювов вниз высыпались, очевидно, совсем непривлекательные для птиц шиповниковые семена. Интересно: ведь я читал, что в плодах разных кустарников и деревьев снегири выедают именно семена, а мякоть «выплёвывают». Надо хорошенько просмотреть литературу по питанию этого вида. А снегири так вот и будут всю зиму перемещаться по лесу, перелетая с шиповника на хоремник (хоремом миловские старожилы называют боярышник), потом на берёзы. Где поедят плодов, где почек – так и доживут до весны. В годы, не урожайные на плоды, а прожить всю зиму на одних древесных почках трудно, эти птицы появляются в населённых пунктах. Здесь они охотно будут посещать специально выставленные для лесных гостей кормушки. А иногда они могут изрядно пообъесть сохранившиеся плоды и даже почки с веток растущих рядом с нашими домами черёмух.

На другой день после встречи со стайкой снегирей в долине одного из притоков реки Камчатки, выйдя к группе старых тополей, я сначала услышал, а потом на самом верхнем древесном «этаже» с помощью бинокля смог рассмотреть нескольких **дубоносов**. Это была удача, так как зимой увидеть эту осторожную птицу мне до этих дней удавалось не часто.

Зимнее питание дубоноса в лесу мало чем отличается от питания снегиря. Если он вдруг появится в посёлке и будет посещать птичью кормушку, на неё можно будет подсыпать зёрна пшеницы, ячменя, овса, подсолнечника и кедровые орешки.

В этот заезд в лес первые два дня мне не удавалось ни услышать, ни увидеть чечёток. И это при всех вокальных стараниях моего чижа. Обычно подлетать к моим ловушкам

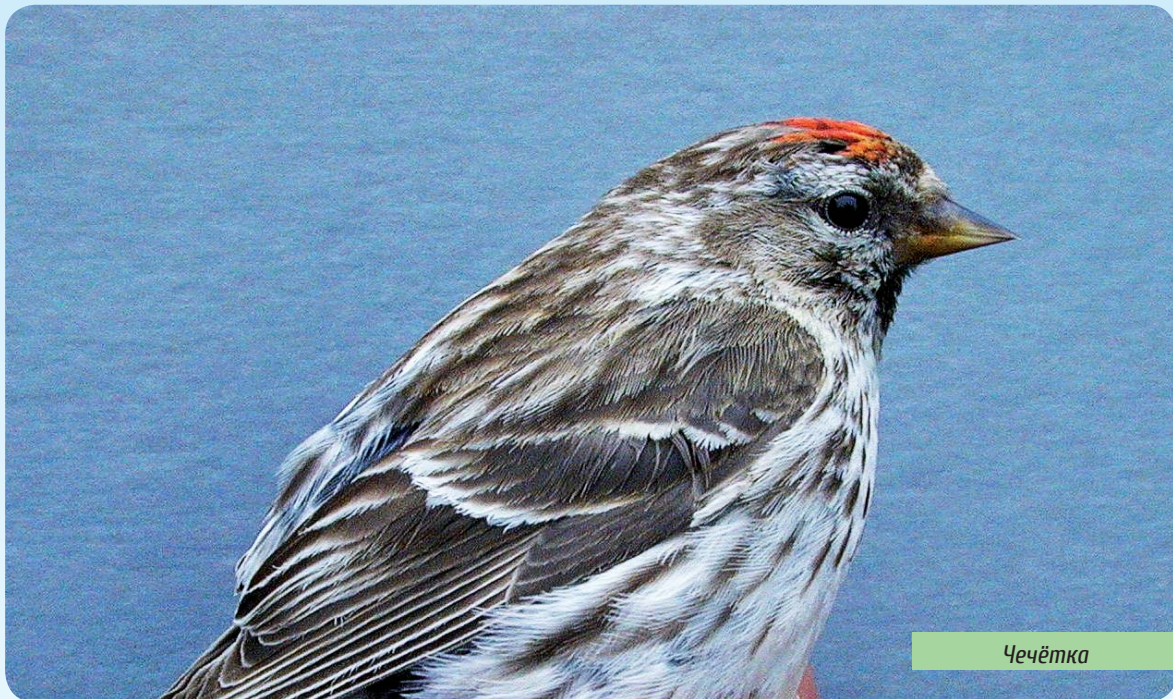
чечёток он уговаривал довольно легко. Такие вот бедные на самых характерных птиц наших лесов годы иногда, а лучше сказать – периодически, случаются. Но всё равно это казалось непривычным, и чувствовал я себя будто бы обделённым. Мои детские годы и юность прошли в тесном общении с лесными птицами. Чечёток я покупал на рынке, ловил их сам, и эти на удивление милые, серенькие, в красных «чепчиках» птички сопровождали меня по жизни постоянно.

Чечётки всегда, или почти всегда, летают в стайках, в стаях нередко больших. «Чи-чи-чи!.. че-че-че!.. чи-чи-чи! Трррррр...» – несутся откуда-то сверху непрекращающиеся ни на мгновение задорные голоса – это летят чечётки. А вот чечётку-одиночку увидеть удаётся очень редко. Но увидеть такую малёху в небе было бы трудно, если бы не льющийся сверху ручеек её – «Чи-чи, чи-чи, чи-чи-чи!..». Это значит, что чечёточка почему-то осталась одна и очень-очень хочет быстрее отыскать своих подруг. Как-то я прочитал, что при содержании этой птицы в клетке в одиночестве она может быстро погибнуть.

Бывают годы, когда чечёток в природе очень много. И тогда они в массе появляются в городах и посёлках Камчатки. За всю свою жизнь только однажды я видел стаю чечёток числом в несколько тысяч птиц. Издаваемый их голосами шум был способен заглушить грохот идущего железнодорожного состава. Но было это не на Камчатке. О том, почему образуются такие скопления некоторых птиц и чем это кончается, я расскажу ниже. В природе зимой основным кормом чечёток являются семена берёзы, выпавшие из шишек семена ольхи, хвойных деревьев. На обнажениях почвы птицы находят семена различных трав. В населённых пунктах они обследуют торчащие из-под снега веточки сорных трав и охотно, если находят, посещают кормушки. Немного различных семян, проса, раздавленных семечек или кедровых орешков зимой могут спасти немало этих замечательных пичуг от голодной смерти.

В Петропавловске, на четвёртом этаже дома, против окна моего кабинета стояла

кормушка, на ней в течение нескольких зим я поймал для кольцевания около пятисот разных воробьиных птиц. Отловленная особь сразу взвешивалась, с неё брались некоторые промеры, после кольцевания она выпускалась. Одна из чечёток, имевшая при поимке 7 января неплохой для этого вида зимний вес – 14 граммов, опять оказалась в ловушке через сутки. Выпущенная, она вновь попала. Так было несколько раз, и тогда на день-два я стал оставлять её в клетке. Кормил естественными для чечёток семенами лебеды и берёзы, лишь немного добавляя проса. Ещё одна чечётка, получившая при первой поимке колечко ХВ 512102, за 37 дней декабря и января побывала в моей ловушке пятнадцать раз, и я, наконец, решил оставить её у себя. Месяца через два мне предстоял вылет на «материк», и с нелёгким сердцем я выпустил пленницу на свободу. А когда почти через три недели вернулся (в конце марта у нас стоит ещё настоящая зима), первой в ловушке оказалась чечётка ХВ 512102. Следом за ней на кормушке, на которой в моё отсутствие корма не было, появились ещё несколько птиц с моими колечками.

Петька всё-таки подозвал к землянке небольшую стайку чечёток, в которой оказались два ярко-красногрудых самца. И потом нет-нет, да и присаживались к приготовленным мной угощениям стайки по пять-семь этих птиц. А мне всё больше хотелось увидеть **чижа**. И хорошо было бы поймать парочку этих камчатских птиц, которых раньше я пока встречал только в смешанных хвойно-лиственных лесах центральной части полуострова. Мой Петька, как я уже сказал, был москвичом.

Первых в этот раз **щуров** я увидел в камменноберезнике. В иные годы этих очень милых моему сердцу птиц бывает не так много. А в этом же самом центральном районе Камчатки, но уже в другой год, мне приходилось встречать их стаи числом до полусотни особей. Года два назад недалеко от места, где мы находились сейчас, щуров я увидел в перестойном ельнике, в нескольких километрах от села Долиновка. Там, тихо пересвистываясь, эти птицы неторопливо перелетали с вершины одной ели на макушку другой. Я знаю, что они равнодушны к семенам этих деревьев, но как добывают их из шишек, не видел ни разу.

Щур объедает засохшую рябину

В этот раз на берёзе, опять же тихо переговариваясь, как-то «по-домашнему» неторопливо, кормились два розового цвета красавца-самца и несколько птиц, окрашенных в желтовато-серые цвета. Здесь они явно довольствовались тем, что было близко: скусывали с веток почки берёзы. И всё-таки любимым кормом щуров зимой являются плоды рябины, черёмухи, боярышника. Впрочем, так думаю я.

Щуры – самые доверчивые к человеку из всех наших диких лесных птиц. Иногда они не улетают даже после выстрелов около них их ружья. На Карагинском острове мне пришлось видеть, правда, это было летом, как щуры, будто домашние, спокойно что-то выискивали у порога дома в четырёх-пяти метрах от играющих детей. Если же щуры вдруг появятся зимой в ваших населённых пунктах, на птичьи кормушки для них вы можете насыпать по горстке овса, овсянки, сырых (не жареных!) семечек и (лучше – чуть раздавленных) орешков кедрового стланика. И прислушайтесь к песенке этой птицы. Её на удивление мелодичную, негромкую и, как мне кажется, печальную, я, кажется, мог бы слушать беспрестанно.

А прямо сейчас, любуясь щурами, я решил и в этот раз обязательно побывать в том па-

мятном старом ельнике. Меня туда на два-три дня может отвезти здешний охотовед.

Как-то, вернувшись с путика, охотник сказал мне, что слышал голоса **кедровок**. А я почему-то совсем забыл про этих птиц. Вообще кедровка – одна из характерных зимующих птиц Камчатки. Бывают годы, они обычно совпадают с чередой лет более или менее урожайных на орехи кедрового стланика, когда эти птицы в лесу очень заметны. В августе и сентябре на склонах сопки кедровки собирают урожай семян стланика: набив орешками подъязычные мешки, спускаются с гор и прячут их в лесной подстилке. Зимой же безошибочно свои «захоронки» находят. В неурожайные годы кедровки могут совершать далёкие кочёвки; залетают в населённые пункты. А вот увидеть эту птицу на центральных улицах Петропавловска вряд ли удастся. Впрочем, вдруг кому-то из вас повезёт?..

В один из наших вечеров напарник посоветовал мне сходить к незамерзающим ключикам, рассказал, где их найти. Там, сказал он, я найду куликов, а, может быть, и уток. Зимующие на воде птицы мне были всегда очень интересны. Засыпая, я с нетерпением ждал утра следующего дня и уже в ранних рассветных сумерках шёл к ключам.

ПТИЦЫ НЕЗАМЕРЗАЮЩИХ ВОДОЁМОВ

Могучие тополя издали указали мне пойму одного из притоков реки Камчатки, куда я и направлялся. Сама речка журчала где-то подо льдом, а у подножий стоявших группами исполинов-тополей и «частоколья» чозениевых насаждений по долине реки расползалась целая сеть мелководных проточек. Они, конечно же, прогревались теплом земли и не замерзали, как сказал охотник, даже при морозах далеко за тридцать градусов.

Такие мелководные проточки являются зимней стацией обитания одной из самых загадочных птиц Камчатки – **горного дупеля**. Я постоянно встречаю этих куликов по таким же незамерзающим ключикам в любой своей зимней поездке по полуострову, и за многие годы только один раз видел одновременно взлетевшими двух горных дупелей. Обычно с одного места взлетает только единственная птица. Именно за это горный дупель и получил своё второе, вполне официальное название – **бекас-отшельник**. Этот кулик, мы уверены, гнездится на Камчатке, но найти его кладку орнитологам пока не удалось. Камчатские охотники хорошо знают **бекаса обыкновенного** и зимой за него часто принимают бекаса-отшельника. Эти виды несколько похожи внешне, при взлёте и тот и другой издают похожий вскрик «Крек!». На окраине посёлка Козыревск был, а, может быть, есть и сейчас, незамерзающий зимой ключик. У местных жителей он получил название «Крекалка». Догадались почему?

Я снял лыжи и в резиновых сапогах медленно пошёл по воде, стараясь, может быть, в этот раз увидеть отшельника до его взлёта. Никогда ещё мне это не удавалось. И вдруг от самого уреза воды, совсем близко от меня, взлетела и тут же села на куст, как мне показалось, какая-то овсянка. Мелькнула мысль, что птица, по-видимому, была нездорова, осенью не смогла улететь на юг и зимует здесь около тёплых ключиков. Но бинокль показал мне, что я ошибаюсь: на кусте сидел самец **сибирского горного выюрка**. Но этому-то что здесь делать?

Впрочем, и он мог оказаться на этой проточке по нездоровью. Через несколько десятков метров с берега ключика взлетел ещё один, явно не тот первый, горный выюрок, потом был ещё один. Я уже стал подумывать: а не образуется ли в зимних условиях Камчатки нечто вроде новой внутривидовой формы «горного выюрка-отшельника». Однако уже скоро мои интересные предположения развеяли сразу три рядом сидящих на кустике сибирских горных выюрка. Но, значит, встреча этих птиц в стации горного дупеля не случайна. Тогда я должен пока отвлечься от поисков горного дупеля и более подробно рассказать о не менее интересной, недавно ещё не менее загадочной зимующей птице Камчатки – сибирском горном выюрке.

В первую мою зиму жизни на Камчатке несколько человек уверяли меня, что видят в городе воробьёв. Мы тогда, конечно же, не могли предположить, что настоящих воробьёв нашему полуострову предстояло ждать ещё полных двадцать пять лет, а что их не было тогда, я знал точно. А вдруг появились? И при очередном сообщении о воробьях на улицах я сразу же вышел их искать. На расчищенном после пурги тротуаре увидел стайку птиц, действительно издали очень даже похожих на воробьёв. Они мало опасались людей и, подойдя поближе, я узнал в них сибирских горных выюрков, знакомых мне тогда только по рисункам в определителях. Издали эти птицы кажутся почти чёрными, но вблизи видим, что они, если не считать рыжевато-зашейка, больше тёмно-розовые.

Летом горные выюрки живут высоко в горах, гнездясь иногда выше границы кустарниковой растительности. Долгое время учёным была известна лишь одна находка гнезда этого вида с яйцами. Первое и пока единственное гнездо этого вида с птенцами мне удалось найти в горах на Карагинском острове. Питаются эти птицы семенами различных трав, зёрнами орешков кедрового стланика, летом в их рационе встречаются и насекомые. Поздней

Полевой воробей (Ю. Артюхин)

Домовый воробей

осенью, когда в горах выпадает снег, горные вьюрки откочёвывают в южном направлении, некоторые долетают до Японии. Значительное же число этих птиц при доступности корма успешно зимуют на Камчатке. Их «нормальной» зимней стацией считались морские побережья, где в трещинах скальных обнажений и на выдувах почвы горные вьюрки отыскивают семена растений.

А однажды стаю горных вьюрков числом до двухсот особей мне довелось встретить в каменноберёзовом лесу в ста километрах от морского побережья. Тогда птицы, подобно

чечёткам, кормились берёзовыми семенами в кронах деревьев, либо собирали их на снегу.

До конца 60 – начала 70-х годов прошлого столетия в Петропавловске-Камчатском горные вьюрки, как правило, появлялись не ранее конца января и обычными становились в феврале. Их залёту в города и другие населённые пункты практически всегда предшествовал сильный снегопад. Но около человека эти птицы обычно не задерживались. Оттепели и сильные ветры освобождали от снега участки почвы, и уже в марте вьюрки возвращались на морские побережья. Затем в городах Камчатки было развёрнуто жилищное строительство. За лето на местах строек в массе разрастались сорняки. Зимой же обширные территории подолгу оставались свободными от снега. От года к году число горных вьюрков в городах росло. Вскоре, уже в ноябре, в районе строек отдельные их стаи насчитывали до двухсот особей, а последних этих птиц в Петропавловске мы встречали в первых числах мая. Это изменяло наше представление о жизненных потребностях данного вида, и я ждал сообщений о находках гнёзд горных вьюрков в городе.

Но в конце 1970-х годов в Петропавловске появились первые **полевые воробьи**, численность их быстро росла. Затем на Камчатку завезли **домовых воробьёв**. Возникла конкуренция за места зимнего обитания, и горные вьюрки очень скоро были вытеснены более агрессивными воробьями в их прежние места обитания.

И вот сейчас для меня появился новый интересный штрих в познании биологии этой пока ещё малоизвестной зимующей птицы Камчатки. Кстати, впоследствии таких вот зимующих на незамерзающих ключиках «вьюрков-отшельников» я найду и в Соболевском, и в Елизовском районах. Но, оказалось, что и сейчас я узнал о зимней жизни этой птицы не всё.

Через два дня после сегодняшнего похода (он пока ещё не завершён) я попрошу приехавшего навестить нас охотоведа Володю отвезти меня на несколько дней в тот нетронутый ещё лесорубами еловый лес. И уже ночью останусь один в нескольких километрах от села Доли-

новка в добротной рубленой охотничьей избушке на краю густого перезрелого ельника.

Птиц в зимнем ельнике оказалось не так уж и мало, но все виды, которые меня интересовали, обитали в самом «поднебесье»: перемещались по верхушкам высоких елей. Их я пытался рассмотреть в бинокль, а больше всего мне хотелось обнаружить **клёста-еловика**. На Камчатке к тому времени клёста мне довелось увидеть только однажды. И наша встреча состоялась, кстати, совсем недалеко от этого места. Клёсты у нас живут и даже изредка появляются у населённых пунктов. Мой сын Юрий здесь же слышал и видел их неоднократно. Но в этот раз мне не повезло.

Пока я бродил по лесу, мои манные птицы старались подманить к ловушкам диких местных птиц. И вот, увидев, наконец, в западне первую нашу добычу, я буквально обалдел: в ловушке бился... сибирский горный вьюрок. Это был самец, потом попалась самка, затем ещё один самец. А один выпущенный мной после взвешивания и кольцевания вьюрок тотчас сел на замеченную им семенную корзинку княжика охотского и в течение нескольких минут питался семенами этой лианы. Подкрепившись, вьюрок взвился на верхушку ели. Так, значит, эти птицы зимой живут и тут!

На следующее не очень раннее утро ещё одна долгожданная встреча: рядом с клеткой Петьки я увидел самочку **чижа**. Она почему-то была одна. В ожидании захода птицы в западок

Клёст-еловик (Ю. Артюхин)

я замер. Но вольной птице что-то не понравилось, и, не внимая всем страстным Петькиным призывам, она поднялась к вершинам деревьев и там исчезла.

В ельнике ничего интересного за следующие три дня мне больше увидеть не пришлось. Но даже одна находка в этой станции сибирского горного вьюрка стала для меня ни с чем не сравнимым сюрпризом.

В биологии есть понятия о stenotopных (живущих в строго определённых условиях) и эвритопных (способных существовать в широком диапазоне экологических условий) организмах. Как сказано выше, у горных вьюрков, по сложившимся представлениям, довольно строгие требования к местам гнездования. Неудавшаяся в результате конкуренции с воробьями попытка освоения более комфортной зимней станции тоже, казалось бы, это подтверждала. Но наши находки зимующих горных вьюрков в совершенно разнообразных местах обитания: на морских побережьях, в населённых пунктах, в каменноберёзовом лесу, на незамерзающих ключах и в верхнем ярусе хвойного леса в корне меняли наши представления об их требованиях к местам обитания. И, не появившись на Камчатке воробьи, как знать, что бы ещё нам стало известно об этой замечательной птице – сибирском горном вьюрке.

...Владимир забрал меня из ельника, мы с ним подъезжали к Долиновке, как вдруг он указал мне на стайку как-то безразлично спокойно сидящих на дереве рядом с дорогой птиц. Да это же **свиристели**! Об этих наших зимующих птицах я в этот раз почему-то не вспоминал. До сего времени свиристелей в лесу я видел считанное число раз. Мне кажется, чаще встречал их в городах Петропавловске и Елизово. Однажды на берегу Авачинской бухты два свиристеля, с трудом, как мне показалось, целиком заглатывая плоды шиповника, позволили мне подойти к ним метра на четыре.

И вот сейчас я вышел из машины с биноклем и стал рассматривать птиц, будто настоящую для себя диковинку. Издали эта не очень подвижная птица сразу узнаётся по тор-

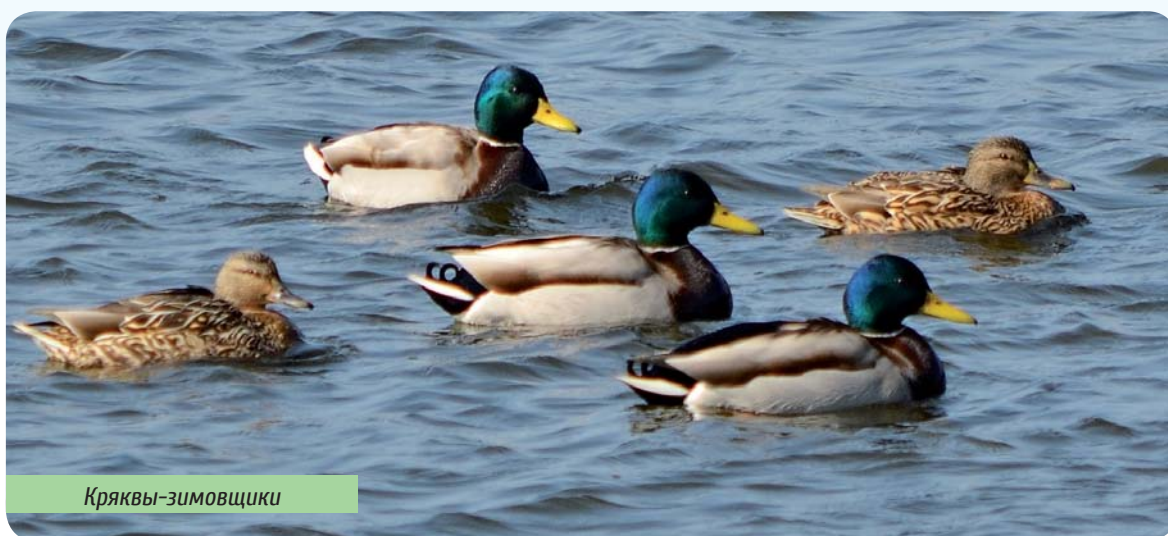
чащему на голове острому хохолку. Кажется она невзрачно бурой. Но каким свиристель кажется мне красавцем, когда видишь его вблизи. Лоб и щёки птицы красновато-коричневые, такой же, но более бледный, и цвет спины и груди. Наружные опахала чёрных первостепенных маховых перьев и концы рулевых перьев лимонно-жёлтые. Но особенно поразительными видятся мне пёрышки-капельки кроваво-красного цвета, как бы висящие на кончиках каждого второстепенного махового пера. Зимой стайки свиристелей широко кочуют в поисках ягодных кормов по всей Камчатке. Растительные семена в их желудках не перевариваются, выбрасываются с экскрементами, таким образом свиристели являются активными «сеятелями» рябины, черёмухи и шиповника. А имя своё эти птицы получили за голос, который только и можно назвать свиристым.

А теперь вернёмся на незамерзающие протоки, с которых я «ушёл», желая сделать более целостным рассказ о сибирском горном व्यорке. Двух горных дупелей в этот раз я всё-таки нашёл. Опять они взлетели совсем рядом со мной и опять до того, как я смог их увидеть на берегу.

Время было возвращаться в наше зимовье и, решив спрямить дорогу, я вышел опять же к незамерзающему ключику. Это была даже

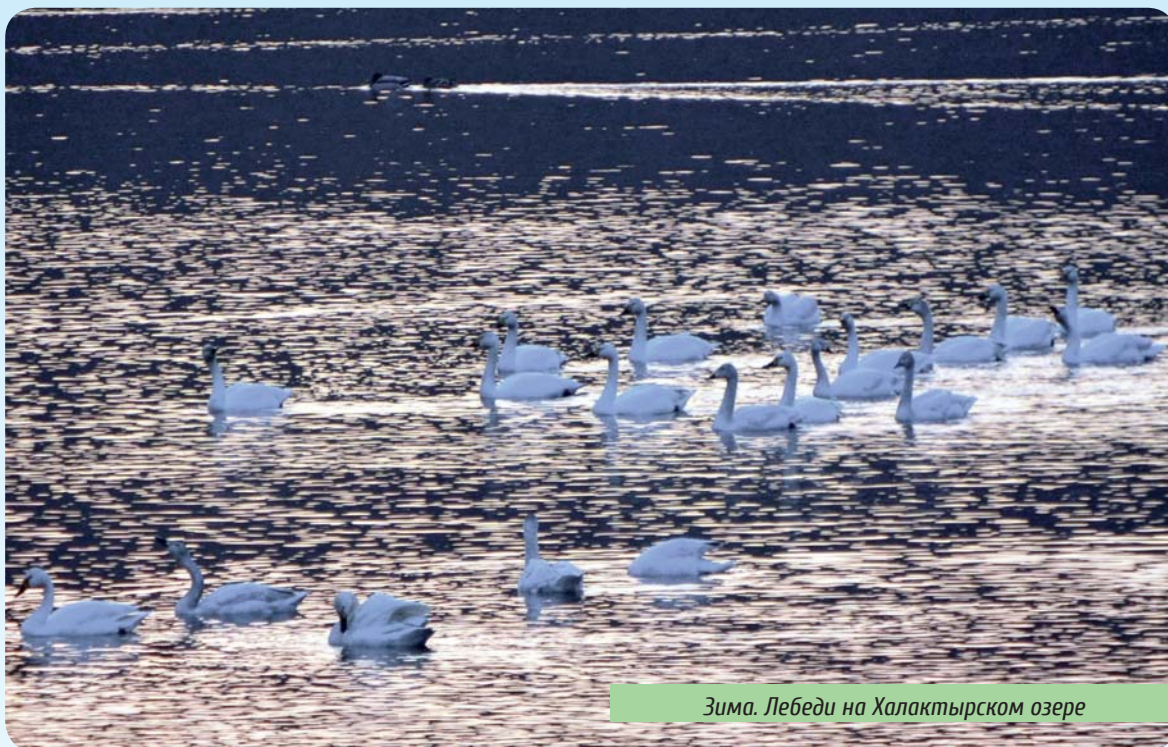
не проточка, а провал в снежном покрове свободного от леса пространства. По краям образовавшегося таким образом мелководного водоёма свисали снежные козырьки. Я стукнул по козырьку лыжей, и тотчас из-под него взметнулась вверх пара **кряковых уток**, затем взлетели три кряковых селезня и ещё парочка этих птиц. Каким же интересным для меня оказался сегодняшний поход!

Мы с вами уже знаем, что осенью на юг некоторые птицы улетают совсем не из-за наступающих холодов. Важнейшим фактором, заставляющим их стремиться в тёплые края, является отсутствие зимой необходимого набора кормов. Камчатка обладает многими тысячами рек и ручьёв. Гидрологи выяснили, что до 60 процентов водотоков питаются за счёт подземных источников. А так как наша Камчатка является территорией активного вулканизма, многие из этих источников поднимаются на поверхность земли подогретыми. Горные реки Камчатки чисты и быстротечны. Если не говорить о центральной части полуострова, где я нахожусь сейчас, и о самых северных окраинах нашего края, климат значительной части полуострова можно назвать относительно мягким. Способствует этому и утепляющее влияние Тихого океана. И благодаря всем этим природно-климатическим факторам Камчатка обладает в общей сложности десятками тысяч

Кряквы-зимовщики

Зима. Лебеди на Халактырском озере

километров незамерзающих водотоков, в чистой, богато аэрируемой воде которых круглый год вегетирует водная растительность. Богаты незамерзающие воды полуострова и животной жизнью.

Эти природные характеристики создали исключительно благоприятные условия для успешной зимовки на Камчатке **лебедя-кликун**, **кряквы**, **гоголя**, **большого и длинноногого (среднего) крохалей**. Иногда в стае зимующих крякв единично встречаются другие речные утки.

Первый всеобщий учёт зимующих лебедей-кликунов на Камчатке был организован мной во второй половине 1960-х годов. Проведён он так называемым методом опроса. По сообщениям охотников-промысловиков и охотоведов тогда численность зимующих лебедей на Камчатке была определена минимум в пять с половиной тысяч особей. В начале зимы 1980 и в декабре 1984 годов учёт зимующих лебедей мы провели с применением самолёта Ан-2. Обследование с воздуха четырёх с половиной тысяч километров незамерзающих русел рек и опрос десятков охотников во всех, кроме

двух северных, районах Камчатской области позволили определить численность зимующих на Камчатке лебедей, как минимум, в семь с половиной тысяч особей.

Основу питания лебедей-кликунов зимой составляет водная растительность, а однажды, вскрывая доставленную мне погибшую от браконьера птицу, в её пищевом тракте я обнаружил икру лососёвой рыбы.

Самым многочисленным видом зимующих гусеобразных птиц внутренних водоёмов нашего полуострова является кряква. На Камчатке этот вид представлен как бы двумя популяциями: мигрирующей и оседлой. Птицы, предпочитающие мигрировать к югу, в массе покидают полуостров в октябре. По крайней мере, часть камчатских птиц проводит зиму на Японских островах. Наши многолетние наблюдения за весенней миграцией уток говорят о малочисленности мигрирующих крякв. В то же время в 1970–1980-х годах на осеннем пролёте в долине реки Камчатки кряква была в числе наиболее многочисленных видов утиных птиц. С начала 2000-х годов численность этого вида здесь постоянно снижается.

В значительно более выгодном положении находятся кряквы оседлой популяции. Они не подвергаются опасности быть убитыми охотниками или пернатыми хищниками на миграционных маршрутах и избавлены от траты энергетических запасов на дальние перелёты. В течение всего периода зимовки эти птицы в избытке снабжены растительными и животными кормами. Интересно, что зимой, имея возможность жить на каком-то одном водоёме, кряквы, тем не менее, ежедневно совершают вечерние перелёты на кормёжку и ранним утром возвращаются обратно в места днёвок. Вероятно, эти местные перемещения позволяют птицам сохранять физическую форму. Это ли не пример для нас, иногда на целые недели прилипающих к креслам около компьютеров и не желающих выйти из дома даже перед сном. А хорошо знакомые с районом обитания, зимующие утки ко времени возвращения крякв-мигрантов уже сидят на кладках и успевают вывести птенцов до начала половодья. По сообщениям охотников-промысловиков, мясо иногда добываемых ими зимой кряковых уток нередко имеет сильный «рыбный» запах. Это указывает на то, что птицы стали употреблять в пищу плоть погибших после нереста лососей. И многие охотники-промысловики потеряли интерес к крякве как к объекту питания.

Несколько лет назад очень интересным для меня стало сообщение о гнездовании отдельных пар кряковых уток на Култучном озере. Я специально прошёл и осмотрел берега «домашнего» водоёма. Убедился: здесь, в центре города легко может расти утят и большее число птиц, пожелавших выбрать наше озеро своим домом.

Уверен, стаи кряковых уток в центре Петропавловска радуют очень и очень многих неравнодушных людей. А ведь это «ниточка» между нами и птицами, которых совсем недавно мы считали всего лишь объектом охоты, желанной добавкой к нашему столу.

Впрочем, увлечшись рассказом об утках, я забыл о том, где нахожусь сейчас. Уверенный в том, что видел здесь уже всех возможных птиц, я как-то решил сходить ещё на один ключик, о ко-

тором мне рассказал мой напарник. Надеяться на встречу в этих местах зимующих лебедей, конечно же, не приходилось. А вот ещё раз увидеть бекасов-отшельников хотелось бы очень.

Перевалив через два небольших увала и поднявшись на третий, по пологому распадку я стал спускаться в долину небольшой, сейчас полностью скрытой льдом и снегом речки. Она, о чём не трудно было догадаться, была притоком второго порядка реки Камчатки. В поисках русла ключа я медленно шёл по пойменному лесу. Сегодня в ночь выпал снежок, и вот на свежей пороше я увидел чётко пропечатавшиеся следы двух недавно прошедших самочек камчатских **каменных глухарей**. В надежде увидеть птиц, я шёл тихо-тихо. Как вдруг одна за другой обе капалухи (так их нередко называют охотники) вылезли из-под снега. И это явилось для меня настоящим сюрпризом. Почему? Сейчас объясню. Вот запись в моей картотеке, сделанная (опять же недалеко отсюда) двумя годами раньше: «...На маршруте по камменно-березнику между паадьми Кувыгдыч и Халмина мой глаз вдруг уловил движение, будто только что вынырнувшего из снега древесного сучка. Конечно же, это был всего лишь обломок валявшейся под снегом ветки. И всё же он, казалось мне, на меня смотрит. Я взялся за бинокль, но “сучок” вдруг стал вырастать из снега, и через мгновения на меня уже вопросительно смотрела некрупная самочка исконного обитателя наших лесов – каменного глухаря. Закрывшись от птицы деревом, я попытался подойти поближе, но она сразу улетела. Уже далеко отойдя от места нашей встречи, я пожалел, что не рассмотрел само место появления птицы. Как она заходит в снег? Очевидно, как тетерева на материке или наши белые куропатки, падая в сугроб слёту».

И вот сегодня я сделал для себя маленькое, но очень интересное открытие: по-видимому, заслышав или увидев меня, глухарки, в надежде остаться незамеченными, просто-напросто закопались в снег. И вообще, вряд ли значительно более крупные и тяжёлые в сравнении с куропатками и тетеревами глухари, ночующие зимой под снегом, когда-либо рискуют падать в него слёту.

Глухарка (Ю. Герасимов)

Специально интересуясь биологией наших камчатских глухарей, я просил охотников передавать мне зобы и желудки отстрелянных птиц. Так, в октябре пищевой тракт глухаря-самца был заполнен плодами шиповника. В зобу другого самца, добытого на реке Еловке, содержались 280 «ягод» (ботаники называют их семенными шишками) можжевельника и фрагменты хвоща. В зобах других птиц мы обнаруживали плоды, почки, веточки черёмухи, боярышника, стланиковой рябины, тальника, белой и каменной берёзы. И при этом иногда охотники сообщали о необычно высокой упитанности добываемых ими глухарей.

В моей картотеке есть интересное сообщение В. Самарского: 30 ноября 1977 года в Милюковском районе Владимир видел самку глухаря-альбиноса, птица была чисто белой.

Во второй половине прошлого столетия охота на глухарей на Камчатке долгое время

была под запретом. Объяснялось это периодическим падением их численности. И всё же мы должны признать, что мало знакомы с биологией этого замечательного вида нашей фауны. Вряд ли динамика численности каменных глухарей столь радикально зависела от числа добытых людьми птиц. Тем не менее, расстрел на лесных дорогах глухарей из машин преступен, и за это браконьеры наказывались, в том числе лично мной, госохотинспектором, очень жёстко.

Время моего пребывания в лесу, между тем, истекало. И я задумался над судьбой нашего друга Кузьмы. Как он, бедный, будет переносить 40-градусные морозы в декабре? Как сможет жить потом, когда из зимовья уйдёт охотник? Наша временная «дружба» с ним, скорее всего, обратится для Кузьмы непоправимой бедой: вряд ли он доживёт до весны. Я очень не хотел лишать его свободы, но ещё

меньше желал нашему другу гибели. Поймать его какого-либо труда для меня не составило. Попав в клетку, Кузька не очень расстроился, благо здесь его ожидали кедровые орешки. Уже потом, в Петропавловске, в большом вольере вместе с другими моими птицами он провёл остаток зимы. Весной мы вывезли Кузьму за город и выпустили в берёзовом лесу.

Нам, орнитологам, иногда приходится отлавливать лесных птиц и какое-то время наблюдать за ними дома. Так мы их изучаем, так учёные узнают у Природы некоторые секре-

ты птиц. В моей вольере, например, вывели птенцов две пары сибирских горных вьюрков, и так впервые были описаны некоторые неизвестные ранее науке элементы брачного и гнездостроительного поведения, описан пуховой наряд птенцов этого вида.

Но я не советую так поступать с вольными птицами детям. В их руках лесная вольная птица очень быстро погибнет. А для содержания в клетках есть сейчас уже ставшие по-настоящему домашними птицы – канарейки, рисовки, попугайчики.

КОМАНДИРОВКА НА СЕВЕР

В начале марта одного из 1970-х годов я получил возможность выехать в орнитологический заказник на реку Морошечную, охватившую своим бассейном юг Тигильского района. Охотник Анатолий из села Усть-Хайрюзово доставил меня на «Буране» к моим замечательным друзьям – семейной чете егерей Николаю Павловичу и Вере Мироновым.

Март – месяц весенний только по календарю. На Камчатке, тем более на севере нашего края, это ещё зима, правда, зима с ярчайшим в отдельные дни солнцем. До прилёта настоящих пернатых вестников весны было ещё больше месяца. Но меня в этот раз интересовали птицы, здесь зимующие.

И первых из них я увидел из окна егерского дома едва ли не сразу же. Это была стайка тогда ещё мало знакомых лично мне **пуночек**. На Камчатке летом эти птицы живут высоко в горах. На низинных околополярных тундрах они живут уже далеко на Севере. За преобладание в их окраске белых цветов на севере пуночек иногда называют снежными или полярными воробьями. На самом деле эта небольшая, с нашего домового воробья, птица является единственным у нас постоянно зимующим представителем семейства Овсянковых.

В северных посёлках пуночки к человеку значительно ближе. В Петропавловске и других населённых пунктах южной половины Камчатки их можно увидеть с конца ноября, но здесь они

малочисленны. Правда, со второй половины 1970-х и в начале 1980-х годов при застройке новых микрорайонов Петропавловска вслед за вьюрками всё в большем числе в городе стали появляться и эти северные гости. Естественной же зимней средой обитания пуночки надо считать камчатские побережья и прибрежные тундры, где сдувающие снег ветры дают возможность этим неприхотливым птицам найти семена растений, ягоды брусники и шикши.

Здесь же, у кордона на реке Морошечной, пуночки не считали зазорным проверять то, что хозяйка Вера Григорьевна выносила со своего стола. Как потом оказалось, она их подкармливала, чем могла. А пуночки одинаково охотно клевали разную крупу, каши, крошки хлеба, остатки рыбы и мяса. С первых дней я старался переловить возможно больше этих очень симпатичных мне птиц, со всех взял некоторые промеры, всех окольцевал и после этой «церемонии» всем сразу же возвращал свободу. Через несколько дней под нашими окнами я постоянно видел нескольких пуночек, на чёрных лапках которых тускло светились «сувениры» от московского Центра кольцевания птиц.

Однажды утром, выглянув в окно, неожиданно для себя на хозяйских «выбросах» я увидел некрупную белую в редких черноватых пестринах чайку. Она довольно шустро передвигалась на своих нехарактерных для других чаек низеньких чёрных ножках. Конечно же,

эта была гостя с самых-самых далёких «северов» – белая чайка. Схватив фотоаппарат и боясь спугнуть эту интереснейшую, увиденную мной впервые, птицу, я потихонечку выглянул из двери. А чайке хоть бы что: она тоже нашла, что поклевать у егерского дома, а меня для неё будто бы и не было. На другой день рядом с кордоном гуляли уже две белые чайки, утром следующего дня появилась новая птица. Различать их было легко: по общему белому окрасу оперения чаек тёмные пятна-пёрышки у разных птиц были разбросаны в разных местах. Кстати, эти самые тёмные перья говорили о том, что нас посетили птицы, родившиеся прошедшим летом. Так состоялась моя первая встреча с этим очень интересным для меня видом семейства чаек. А несколькими годами позднее белых чаек на берегу нашей Авачинской бухты увидел и сфотографировал наш товарищ Эдуард Малиновский.

В один из замечательных, с чистейшим голубым небом солнечных дней я выехал на снегоходе к устью Морошечной. Там стояла старая землянка Мироновых и специально построенная егерем для нас, орнитологов, «гостиница». В ней я со своими помощниками, а потом с сыном Юрием провёл и надеялся ещё провести несколько прекраснейших весенних сезонов на учёте мигрирующих птиц. Сейчас же, подойдя к землянке, я увидел, что её крытая рубероидом крыша не только давно освободилась от снега, но и изрядно прогрета солнцем. При ярком солнце и отсутствии даже слабого ветерка, постелив на крышу куртку, я разделся до пояса, решил немного позагорать. Лежал, слушал доносящиеся с устья голоса чаек и, как мне казалось, морянок, а какое-то время спустя увидел летящего со стороны дальнего леса в сторону моря крупного **ворона**. Я не шевелился, а птица, поворачивая туда-сюда голову, спокойно осма-

Ворон (Ю. Артюхин)

тривала окрестности. И вдруг, увидев меня, ворон издал громкий возглас совершенно искреннего, я в этом уверен, изумления. Часто-часто взмахивая крыльями, он развернулся почти на месте и быстро полетел обратно. Меня это заинтересовало, я почти знал, что будет дальше. И угадал. Ворон, очевидно, уверенный в том, что я «не совсем живой», решил показать удивительную находку своей самке, и сейчас от леса спешили уже две этих птицы. Я не шевелился. Как вдруг слева от меня раздался голос ещё одного ворона, летевшего вдоль морского побережья со стороны мыса Амбон. И уже вскоре я стал свидетелем настоящего воздушного поединка, сказать точнее – бескомпромиссного боя. Которые из птиц вторглись на чужую охотничью территорию, я сразу понять не мог. Но битва в воздухе, буквально над самой моей головой, была серьёзной. Пара воронов постоянно старалась быть выше ворона-одиночки. Они пикировали на него сверху, тот каждый раз переворачивался в воздухе спиной вниз и вытягивал лапы навстречу нападавшим. Раз он сцепился с одной из птиц когтями, и вместе они какое-то время падали вниз. То и дело слышались громкие

металлические щелчки клювов, и рядом со мной сверху падали кусочки маховых перьев, один из них имел длину в шесть-семь сантиметров. Преимущество двух птиц было явным, как вдруг я увидел спешащего со стороны мыса Амбон ещё одного ворона. Пара тотчас заторопилась в сторону леса, а это означало, что именно она вторглась на чужую охотничью территорию.

Когда я рассказал о своих наблюдениях егерям, в ответ узнал ещё нечто интересное. Оказывается, выходя весной охотиться на только что покинувшего берлогу медведя, местные жители ожидают встречи с вороном. Едва же птица увидит вооружённых охотников, она тотчас криком обращает на себя их внимание и поворачивает в сторону ближнего к людям медведя. За это «предательство» ворон всегда вознаграждается останками отстрелянного зверя.

И не могу не рассказать ещё об одном интереснейшем наблюдении, сделанном нами несколько лет назад на Толмачёвском долу. Я и мой коллега-охотовед Владимир Филь издали увидели лежащих на взгорке двух волков. Видно было, что волки сыты, а от съеденного ими дикого северного оленя сохранялись лишь кое-какие останки. А к остаткам волчьей трапезы потихонечку, бочком подходил ворон. Один волк лежал спокойно, а другому, похоже, не очень хотелось делиться добычей с птицей. Он метался то к оленьим останкам, то опять подбегал к лежащему напарнику. При этом не было ни единого выпада волка в сторону самой птицы, и та каждый раз лишь чуть отходила в сторону. Волку, наконец, надоело отгонять ворона, и тот уже спокойно отрывал от костей кусочки мяса.

Владимир решил скрасть волков. Над нами в это время пролетел ещё один ворон и спустился к первой птице. Волк начал отгонять от мяса уже двух «нахлебников». Опять те же метания к добыче и от неё, опять не принимающие это как серьёзную угрозу в свой адрес птицы. Володя был уже сравнительно недалеко от хищников. Но едва он чуть приподнял голову над краем скрывавшего его бугра, раздался какой-то особый крик ворона, я уверен, того,

что видел нас сверху. В то же мгновение волки, едва касаясь лапами снежного наста, не бежали, а скорее летели навстречу ветру.

Это было яркой иллюстрацией к тому, что в науке известно под названием симбиоза, взаимовыгодного сосуществования разных видов животного (и растительного тоже) мира. Волки в данной ситуации были своего рода кормильцами воронов и, как мы видели, может быть нехотя, но делились с ними какой-то частью своей добычи. В ответ зоркие птицы помогали хищникам уберечься от опасности. Взаимовыгодные отношения, кстати, существуют и между членами рассмотренной нами ранее «синичьей стаи». Этому многоглазому коллективу также очень важно своевременно заметить опасного для членов стаи хищника.

А два-три дня спустя мы были «вызваны» из палатки истошными криками, возможно, одного из наших знакомых воронов. Оказалось, что теперь уже к нашей добыче, отстрелянным оленям, подошла россомаха. С резкими вскриками ворон пикировал на хищницу, а та старалась в прыжке достать птицу. Между этими животными явно каких-либо симбиотических отношений не существовало.

Я думаю, мы вправе признать за вороном несомненные проявления совсем не примитивного интеллекта.

Я не был уверен, что тихоокеанские чайки живут в устьевой части Морошечной всю зиму. Всё-таки Охотское море действительно более холодное по сравнению с Беринговым. С восточной стороны Камчатки крупные морские чайки успешно зимуют, например, на побережьях Карагинского острова, а в начале марта много их я видел в самой северной части залива Корфа. Я уже не говорю о южной половине Камчатского полуострова, где тихоокеанских чаек можно встретить едва ли не на всех незамерзающих реках. Всю зиму этих птиц – молодых буровато-серых, взрослых белоснежных в шиферного цвета фраках, и чаек «средних» возрастов – мы можем видеть зимой в Петропавловске. Особенно же многочисленными они бывают на городской свалке.

Тихоокеанские чайки, р. Морошечная

Морянки, р. Морошечная (Ю. Герасимов)

И всё же мне лично более приятна встреча с чайками в их естественной среде обитания. И сейчас, когда здесь, по сути, ещё настоящая зима, понаблюдать за ними несравнимо интереснее, чем в населённом пункте. Поэтому сразу же после завершения битвы воронов я отправился к устью реки. Широченная устьевая часть русла Морошечной и прибрежная полоса моря к югу от реки были свободны ото льда, и, похоже, чайки здесь чувствовали себя очень привольно. Их было несколько сотен. Здесь же вместе с тихоокеанскими чайками я увидел, как минимум, десятка полтора **бургомистров**. Эти значительно более крупные, светлые, издали иногда кажущиеся чисто белыми, чайки гнездятся за Полярным кругом. На Камчатку прилетают зимовать, а неразмножающиеся в данном сезоне особи встречаются вдоль камчатских побережий всё лето.

Основным кормом тихоокеанской чайки и бургомистра везде является рыба. В Олюторском районе мне рассказывали, что в заливе Корфа во время отлива осевшими на грунт льдами давится довольно много камбалы, наваги и другой рыбы. Гибнет рыба, и попадая между льдин во время волнения моря в прилив. Кроме того, приливные волны выносят на литораль останки другой морской живности. Всё это и служит кормом для зимующих морских чаек. Если вес зимующей тихоокеанской чайки превышает полтора килограмма, а бургомистра – значительно больше, вопросов,

сытно ли этим птицам живётся в это время года, не возникает.

Уток, несколькими стайками сидящих на воде по всему всё более расширяющемуся, набирающему приливную воду руслу, я видел от двух до трёх сотен. В бинокль прекрасно были видны взрослые самцы, которые, кроме довольно яркой окраски обладали ещё и длинными, как спицы, хвостами. Но численно преобладали скромненько, серенько одетые птицы: самочки и рождённая прошлым летом молодёжь. Конечно же, это были обычные наши зимующие утки – **морянки**.

Впрочем, встретить их здесь в это время я, честно говоря, не ожидал. Они в очень даже значительном числе зимуют на море вдоль всего восточного побережья Камчатки, а в Петропавловске зимой почти всегда каждый из нас может увидеть морянок плавающими рядом с подножием Никольской сопки. Помешать нам в этом могут лишь сплошные ледяные поля в очень морозные дни. Сейчас, без особой надежды на успех, я внимательно осмотрел все утиные стайки: вдруг среди них «заблудилась», например, обычная, зимующая на море с восточной стороны Камчатки **сибирская (малая) гага**. Нет, не заблудилась больше ни одна уточка другого вида. Вернувшись, я расспросил Николая Павловича о морянках. «Да, – сказал он, – морянки здесь у нас зимой не всегда, но живут. Недавно, в феврале, я видел их на устьях не менее пятисот».

ЕЩЁ ДАЛЬШЕ В СЕВЕРНЫЕ ШИРОТЫ

Открываю дневник более чем двадцатилетней давности. Тогда в Олюторский район я вылетел сразу, как только получил сообщение о появлении в охотничьих угодьях сотенных стай **белой куропатки**. Динамика численности этого вида меня очень интересовала. Охотоведы северных районов уже несколько лет присылали мне подробные отчёты о своих наблюдениях за куропаткой, но хотелось увидеть что-то и своими глазами. А за три года до этой командировки в редакции областной газеты меня попросили ответить на взволнованное письмо из посёлка Пахачи. Автор его обвинял охотников в том, что они уничтожили всех недавно ещё очень многочисленных белых куропаток.

С молодым охотником олюторского госпромхоза Александром на его снегоходе мы направились вдоль побережья залива Корфа на север.

Первый пробный и потому коротенький учётный маршрут заложили на реке Восьмой, впадающей в залив километрах в пятидесяти севернее посёлка Корф. Ночью выпал снежок, и вся речная долина оказалась испещрённой свежими следами куропаток. Самих птиц ни на первых двухстах, ни на четырёхстах метрах пути мы не увидели. Здесь они кормились не-

давно и сейчас пешком направлялись вверх по долине. Первая, куропаток в двести, стоя, как обычно в таких случаях – внезапно, даже не с шумом, скорее с каким-то треском крыльев, вырвалась в небо из ближних тальников и улетела на увал в березняки. Не прошли мы и полусотни шагов, как опять белыми взрывами в нескольких местах разом взметнулись вверх не менее трёхсот птиц. А едва тот же лес скрыл от нас последнюю, отставшую от стремительно исчезнувшей стаи куропатку, приречные кусты вновь выстрелили несколькими залпами белоснежных птиц. На этот раз их было до полутысячи. Пройдя в общей сложности с километр, дальше мы не пошли.

По оценкам олюторских охотников и охотоведов, куропатки в угодьях пока мало, года через два-три этой птицы будет многократно больше. А если бы столько, как мы увидели сегодня, белых куропаток появилось на южной половине камчатского полуострова, наши охотники дали бы совсем другую оценку её численности. И были бы правы.

Саша – охотник совсем молодой и с жадностью принимает любую информацию о животных. И о белой куропатке он хотел знать по возможности больше. Рассказать ему у меня было что.

ВЕЛИКИЙ МАЯТНИК ПРИРОДЫ

Замечательный учёный, орнитолог Александр Кишинский, многие годы посвятивший изучению авифауны Северо-Востока нашей страны, белых куропаток Камчатки делил на две популяции: обитающую на полуострове – камчатскую горно-лесную и живущую в наших северных районах – корякско-анадырскую лесотундровую. Куропатки, живущие в границах полуострова, эволюционировали в условиях ограниченных и существенно разнящихся по экологическим характеристикам территорий

и, вероятно, поэтому не имеют предпосылок к единовременному увеличению численности особей во всем регионе. Их бывает больше или меньше, но стай с численностью, подобной встреченной нами сегодня, в южной половине Камчатки увидеть, пожалуй, не придётся.

Совершенно другую картину видим мы в корякско-анадырской популяции. Из века в век, из десятилетия в десятилетие качается великий маятник численности белой куропатки на обширнейших пространствах Севера.

Впрочем, сравнение этой динамики с амплитудой маятника можно принимать в достаточной мере условно. Возрастая в течение пяти-шести лет и достигнув своего максимума, численность птиц, как с водопада, сбрасывается вниз почти до нуля. Наступают годы депрессии, когда в первые год и два после обрушения численности парочку белых куропаток можно встретить далеко не на каждые десять километров маршрута.

Проходит ещё год или два и северная популяция белой куропатки начинает «оживать». Всплески её возрождающейся жизни наблюдаются в долине реки Пенжины, на Парпольском доле, в Корякском нагорье. Где-то на Чукотских тундрах тоже появляются очаги с возрастающей плотностью населения куропаток, птицы оттуда всё шире расселяются на другие территории. Поначалу разрозненные очаги год от года разрастаются, сливаются и, наконец, птицей заполняется всё пригодное для их жизни пространство.

Зимой с выпадением снега поочерёдно скрываются тундровые ягоды, потом низкорослые, а затем и более высокие кусты ивы и карликовых берёзок. И тогда на зиму основным, если не единственным, кормом белой куропатки являются почки и молодые побеги ивняков. В поисках пищи птицы с окрестных угодий «стекаются» к ивовым насаждениям в речные долины. С этим явлением мы и встретились сегодня. Не имея представления о данной стороне жизни белой куропатки, я бы поразился привередливости местных охотников, заявляющих о малой пока ещё численности этой птицы.

Процесс накопления куропаток в долинах рек на следующую зиму будет более внушительным. Ещё через год всё в большем числе начнут прибывать куропатки с Чукотки. Сильно возросшие в численности северные птицы с началом зимы и выевшие все пригодные для них веточные корма, гонимые голодом, движутся к югу. Здесь их стаи сливаются с куропатками Пенжинского и Олюторского районов, и уже вся эта «лавина» птиц, которая скоро будет сравнима с потоком горной реки после дождя, начинает движение в глубь полуострова Камчатка.

Однако где-то между 59 и 58-й параллелями при встрече с всё выше поднимающимися горами северной оконечности Центрально-Камчатского горного хребта движение стай замедляется, волна птичьего «цунами» раскалывается надвое и, вероятно, более мощный поток куропаток поворачивает на восток к побережью Берингова моря. Из писем коллег-охотоведов более или менее полное представление я имею именно об этом направлении движения куропаток. Другая, предположительно меньшая, часть куропаток-мигрантов уходит в сторону охотоморского побережья Камчатки. Далее в глубь полуострова, если и прорываются, то лишь небольшие стаи птиц. Почему белые куропатки прекращают полёт в глубь полуострова, не ясно. В 1969–1971 годах, при следующей вспышке численности в конце 1970-х годов, остановившись у побережья в северной части Карагинского района, масса птиц всё более уплотнялась за счёт подлетающих с севера стай. Затем куропатки, преимущественно пешком, уже шли в северном направлении. Толчком для начала обратной миграции для многих сотен тысяч птиц в названные годы служили пришедшие с юга тёплые циклоны. И тогда куропатки, будто в испуге, начинали лететь вдоль побережья на север. По присланному мне описанию охотоведа Олюторского района Михаила Останина, в 1968 году во время такого возвратного «вала» белой куропатки с 19 января по 6 февраля только через посёлок Корф пролетели сотни тысяч этих птиц. Все ивовые кустарники в округе были объедены птицами до самых толстых ветвей. Сбившись в плотные массы на морских мысах, стаи куропаток, тысяча за тысячей, улетали в сторону моря, трупы их потом во множестве выбрасывались на берег морскими волнами. Весной останки птиц пастухи-оленьеводы в массе находили меж тундровых кочек. Численность куропаток впадала в очередную депрессию. Я повторяю – в очередную, так как всё, что было, обязательно повторится вновь, а затем опять и опять.

У человека нет возможностей для управления движением этого могучего маятника Природы. Внеурочно срезать верхушку пика чис-

ленности белой куропатки, возможно, под силу стечению каких-то крайне трагических для птиц обстоятельств. Мы же можем и должны научиться использовать подобные явления, развивающиеся по объективным законам природы. Охраняя природу, человечество вынуждено рационально использовать её богатства. Применительно к белой куропатке в годы её массового размножения понятия «рационально» и «максимально» становятся синонимами.

На Камчатке есть ещё один, близкий к рассмотренному нами сейчас, вид – **куропатка тундряная**. Зимой взрослые самцы этого вида от белой куропатки хорошо отличимы идущей от клюва к глазу и несколько за глаз «уздечкой» из чёрных перьев. Разнится и биология этих видов. Если белая куропатка весь год обитает на тундрах и высоко по склонам сопок не поднимается, тундряная куропатка предпочитает местообитания не ниже самого верхнего предела зоны субальпийских кустарников. Поэтому охотники Камчатки называют её горной куропаткой. Зимой птицы этого вида спускаются ниже, тяготея к зарослям ольхового стланика, кончиками веточек, почками и серёжками которого, равно как побегами ив и почками карликовых берёзок, они питаются.

Меня интересовал вопрос, встречаются ли и как часто в массах белой куропатки

птицы другого вида. «Да, горные куропатки среди белых иногда попадаются, но их немного», – отвечали мне. Я считаю, что ответа на свои вопросы так и не получил. И насколько популяция тундряной куропатки Камчатки подвержена столь же резким перепадам численности, мы пока не знаем. Но известно, что на островах, расположенных лишь в нескольких десятках километров от материкового берега, образуются хорошо отличающиеся островные подвиды. Обращаясь же к нашим представлениям об образовании островных подвидов тундряной куропатки, можем предположить, что тяги к дальним миграциям этот вид не имеет.

Рост численности белых куропаток в северных районах неизбежно влечёт за собой и значительное увеличение числа охотящихся на них пернатых хищников. Стремительно летящего над долиной реки **кречета** я увидел уже на второй день после нашей остановки в вершине залива Корфа. И вечером я попросил Александра возможно больше рассказать мне, что знает об этой птице он. Саша рассказал, что в Олюторском районе кречеты в изобилии появляются вместе с куропатками. Кстати, здесь, как и в других северных районах Камчатки – Пенжинском, Карагинском и Тигильском, многие охотники этого хищ-

Белая куропатка (Ю. Артюхин)

ника так и зовут «куропатником». У многих из нас бытует мнение, что другой всем нам известный (в незначительном числе также зимующий) сокол – **сапсан** убивает и сразу же подхватывает добычу только на лету. Не успел подхватить – оставляет. Возможно, что чаще это так и случается. Кречет же с успехом ловит куропаток, бегущих по снегу. Так, впрочем, он охотится и на зайцев; а при изобилии в тундре сусликов и даже леммингов в пропитании этого хищника значительную часть могут составлять и эти мелкие млекопитающие.

Самую первую для себя охоту кречета я увидел зимой одного из 1960-х годов. На реке Кахтан, притоке реки Камчатки, я «поднял» с воды крякового селезня. Он, что называется, свечой пошёл вверх, как вдруг с верхушки лиственницы под крякву стремительно бросилась хищная светло-серая птица. Спутать её с кем-то было невозможно: конечно же, это был кречет. Почему хищник бросился «под», а не прямо на жертву? Всё дело в том, что соколам, особенно в охоте на водных птиц, в воздухе нужен простор для нападения. И чем выше поднята над сушей, над водой намеченная жертва, тем больше у хищника возможности для маневра, для успешного завершения атаки. Сейчас же ещё более напуганный крякаш (так самцов кряквы повсеместно называют охотники) стал подниматься выше, и вот уже сокол, как мне показалось, ускорившись ещё больше, пошёл на завершающий удар. Уже зная, что свершится через какие-то мгновения, предвидя более чем скорый конец бедной кряквы, буквально замороженный этой картиной, я застыл на месте. Но неожиданно стал свидетелем совершенно удивившего меня зрелища: кряква, мгновенно перевернувшись в воздухе вниз головой, не падала, а именно летела к воде. Я повторяю, она камнем летела вниз, резко взмахивая крыльями. И кречет, я в этом был уверен, удивлённый не меньше меня, «растерялся» и резко взмыл вверх, а крякаш рядом вошёл в воду. И как утонул: исходив довольно чистые берега реки, я так и не смог его найти. В этот раз кречету встретился действительно достойный противник.

Сокол кречет

Впоследствии охоту кречетов на уток мне приходилось видеть много раз в заказнике на Хламовитском озере, но это было осенью. В один из дней я специально многократно спугивал уток с воды в то время, когда здесь одновременно охотились не менее пяти кречетов. Однажды ровно двадцать раз я «подставлял» уток под атаки кречета, и они, когда сокол был на виду, ни разу не поднялись высоко над водой. Все двадцать атак хищника оказались безуспешными. Но здесь же на озере охотились и не менее трёх **ястребов-тетеревятников**. И утки на удивление хорошо отличали их от соколов. Я несколько раз видел, как их стаи буквально пропускали сквозь себя ястребов, а те даже не пытались поймать пролетающих рядом птиц.

Если нам показать сидящих рядом кречета и камчатского тетеревятника, многие из нас, взрослых, не смогут их отличить, настолько та и другая птицы внешне бывают похожи. Зато почти все наши юннаты сразу же постараются рассмотреть, какой у птицы глаз: если полностью тёмный – это кречет, если с яркой жёлтой радужиной – это ястреб. Различаются и клювы этих хищников: по обеим сторонам над-

клювья сокола имеются ярко выраженные острые зубцы, но рассмотреть это издали практически невозможно.

Отличаются и места обитания этих внешне малоразличимых птиц. Если кречету с его «сверхскоростным» полётом необходим воздушный простор, тетеревятник – хищник больше лесной. Полёт его не так стремителен, как у сокола, но зато более маневрен. Эта способность даёт ястребу возможность успешно охотиться в лесу, например, за зайцем-беляком, следуя за всеми его «скидками».

Хочу поделиться ещё одним личным и очень, как мне кажется, интересным наблюдением. Я заметил, что ястреб-тетеревятник, поймав жертву, ест свою добычу, не заботясь о предварительном её умерщвлении. Кречет же прежде всего убивает свой «охотничий трофей», обрывая шейные позвонки жертвы в районе их сочленения с головой.

Очень похож на тетеревятника и его «меньший брат» – **перепелятник**. Однажды тёмно окрашенная птица этого вида облюбовала для себя территорию нашего гусяного питомника и ближайших к нему окрестностей. Поначалу нашего хищника я, было, принял за **дербника**. Этот небольшой соколог также остаётся зимовать на Камчатке, но лично я видел его в разных районах полуострова только в бесснежные периоды года. В этот раз правильно определить вид поселившегося рядом с нами хищника мне помог бинокль: расчерченная под «тельняшку» грудь птицы сказала, что мы имеем дело с перепелятником.

От стайки полевых воробьёв, остававшихся около нас на зиму, трудную пору пережили только две птахи. Следы же разбойничьих «подвигов» перепелятника – перья съеденных воробьёв и самца-снегиря – много дней переносились ветром по нашей территории.

– А как у вас обстоит дело с ястребами? – спросил я Александра.

Ястреб-тетеревятник

– С появлением куропатки у нас здесь хватает и тетеревятников. Я помню годы, когда в пойме, где скапливались куропатки, на деревьях можно было насчитать до полутора десятков тетеревятников сразу. Охотники рассказывают, что за день видят до двадцати и более этих птиц, притом ястребы очень осторожны, опасаются людей.

– И насколько хорошо охотники отличают их от соколов?

– Я думаю, что их различают далеко не все. Кстати, один очень светлый и крупный тетеревятник сейчас живёт у Валентина. Мы вернёмся в Корф и зайдём к нему. А кроме соколов и ястребов с севера вслед за куропаткой налетает много **белых сов**.

– Да, об этом я знаю из дневников нашего егеря с Карагинского озера Александра Кузнецова. В 1970 году, при одной из вспышек численности куропатки, первых сов он отмечал на острове во второй половине октября. А в один из первых дней ноября того же года на 15 километров маршрута по тундре учёл десять этих птиц. Наблюдал он и сов, летящих со стороны Камчатки на остров через пролив Литке.

Во время зимних кочёвок полярные совы нередко долетают до самого юга Камчатки. Иногда, при обилии корма, эта полярная гостья на олюторских и пенжинских тундрах остаётся для гнездования. Гнездится и зимует белая полярная сова и на Командорских островах.

Охотники сообщали, что видели охоту этих сов на белых куропаток. Исследования канадских учёных показали, что суточная потребность белой совы в пище составляет не более 10 процентов от её веса. Вес одной из самок белой совы, убитой браконьером на севере полуострова, лишь чуть-чуть не «дотянул» до двух килограммов. И мы можем рассчитать, что такая птица во время массового появления белых куропаток будет сыта, добыв за день одну особь. Таким образом, сколько-нибудь существенного вреда размножившейся стае белой куропатки этот хищник нанести не может.

К числу обычных зимующих птиц Камчатки, особенно в годы, богатые полёвками и землеройками, мы должны отнести и **ястребиную сову**. За что её так называли? Вероятно, за поперечно-полосатую раскраску груди, довольно быстрый полёт и охоту днём. Видя эту птицу летящей, я неоднократно поначалу принимал её за ястреба. Часто она бывает довольно любопытной и, увидев человека, садится рядом на дерево. И тогда её сразу же выдаёт чисто совиная, несравнимая с маленькой ястребиной, голова.

Как я сказал, основной пищей ястребиной совы являются самые мелкие наши млекопитающие. Но в моей картотеке есть интересное наблюдение охотника в Усть-Камчатском районе, когда эта хищница с криком напала на сидящую в развилке дерева белку. При попытке в 1970-х годах акклиматизации на Камчатке тетеревов ястребиная сова напала на только что выпущенную из клетки самку тетерева. Очевидно, хищница рассмотрела, что её потенциальная жертва не совсем здорова.

Интересны исследования финских учёных: как оказалось, вполне обычной добычей ястребиной совы иногда, вероятно, в годы тех же массовых всплесков численности, могут быть и белые куропатки.

В число редких зимующих птиц нашего края мы, очевидно, должны включить и **сову болотную**. Одна такая птица в январе 1965 года отстрелена охотником на берегу Авачинской бухты, птицу передали мне. Дважды совы этого вида в декабре 1970 года отмечались на Карагинском острове. А недалеко от места моего, с Александром нынешнего нахождения, правда, уже весной, я наблюдал болотную сову альбиноса. По крайней мере, издали она казалась мне чисто белой.

Летом болотная сова на Камчатке довольно обычна. Однажды в октябре, когда эти птицы мигрируют на юг, на озере Хламовитском в вечерних сумерках надо мной и моим товарищем кружили сразу одиннадцать болотных сов.

И завершая рассказ о камчатских совах, чуть-чуть забегаю вперёд, мы поговорим ещё об одной нашей оседлой, а, следовательно, и зимующей птице этого семейства – **мохноногом сыче**. Это самая маленькая на Камчатке сова весом 130 (самцы) – 180 (самки) граммов.

Надо сказать, что для меня лично мохноногий сыч остаётся одной из наиболее загадочных птиц. Повторяю, загадочен он только для меня: видеть сыча в природе мне удавалось единичное число раз. В то же время у нас бывают зимы, когда мохноногие сычи в лесу, возможно, за счёт птиц, подкочевавших из более северных районов, очень многочисленны. Один из охотников сообщил мне о том, что в зиму 1987/88 годов в его выставленные на соболей капканы попались около сорока этих птиц. Так же много сычей в лесу Центральной Камчатки было в зиму 1995/96 годов. Тогда капканы только одного охотника поймали до полутора десятка мохноногих сычей. И это при исключительном обилии землеройки-бурузбеки. Землеройки, полёвки и мелкие лесные птицы являются основой питания этой маленькой совы. Когда сыч может поймать их больше, чем съедает, он складывает добычу в дупла, затем, как пишут учёные, перед употреблением разогревает её в лапах.

Уже в посёлке Корф, когда мы возвратились туда с Александром, охотник Валентин рассказал мне, что в марте в Олюторском рай-

Мохноногий сыч (Ю. Герасимов)

оне – а это ещё лютый зимний месяц – он нашёл на тундре погибшего мохноногого сына. А зашёл я к Валентину потому, что решил выяснить причину содержания в неволе ястреба. Оказалась, что у него действительно живёт прекрасный представитель этого вида – крупная, очень светлая молодая самка тетеревятника. Родилась она, вероятно, где-то в пойме реки Пенжины. Эту замечательную птицу подстрелил, очевидно, не очень умный охотник, Валентин её выхаживал и готов был скоро выпустить на свободу. И это было прекрасно.

Я вспомнил и рассказал охотникам ещё об одном интересном наблюдении, о котором узнал от охотоведа Сергея Алексеева. В течение нескольких дней он наблюдал за охотой крупного (значит, это была самка) ястреба-тетеревятника, терроризировавшего стаю чёрных ворон, зимовавших на территории посёлка Крутоберёгово в Усть-Камчатском районе. Обычно поутру ястреб появлялся над стаей ворон и летал над ними большими, диаметром в сотни метров, кругами, постепенно поднимаясь всё выше. Так он провоцировал ворон к нападению. И те, сбившись в плотную стаю, отзывались на провокацию, бросались к хищнику. Ястреб поднимался всё выше и выше, оставляя ворон внизу. Когда же тетеревятник находился метрах в двухстах над землёй, а стая ворон кружила в десятках метрах ниже, хищник пикировал сверху прямо в скопление птиц. Вороны бросались врассыпную, но некоторые из них начинали падать вниз. Вот из этих последних ястреб и выбирал себе жертву: стремительным манёвренным полётом он, как правило уже над самой землёй, схватывал её сверху когтями, относил недалеко и сразу же начинал есть. Охотовед рассказал, что до появления ястреба 800-900 ворон на ночь собирались одной стаей и ночевали на деревьях все вместе. Уже через несколько дней «террора» на ночёвку они разлетались группами по 20-30 птиц в разные стороны. Утром собирались вместе, и тетеревятник выхватывал из стаи очередную жертву. На ограниченной территории, практически на одном месте, Сергей потом обнаружил останки 18 чёрных ворон.

Тетеревятник с убитой вороной

А вот случай, свидетелем которого поздней осенью 2009 года был я сам.

Люди вышли из автобуса около девятиэтажки на Звёздной, спустились по лестнице вниз. Вдруг что-то крупное серое стремительным комком упало с неба на голубя, который только что, явно нездоровый, склёвывал с земли крошки. И уже через мгновение это «что-то», оказавшееся крупной серой птицей, с голубем в когтях заторопилось скрыться за домами. Зашумели женщины, какой-то парень успел даже схватить с земли и запустить вдогонку хищнику камень. А я услышал удивлённый возглас пяти-шестилетнего малыша:

– Ой, мама! Что это?!

– Это, сынок, плохая птица – ястреб, он убил бедного голубка.

– Зачем он его убил?!

– Потому что ястреб плохой!

Это был «заблудившийся» на окраине города типично лесной хищник – ястреб-тетеревятник. Он не такой уж и частый на Камчатке в подобной ситуации гость, где в любое время года «правит бал» ещё более хищное вороньё.

Но сейчас главным было не это. А то, что в жизни малыша свершилось нечто такое, что, возможно, останется в его сознании навсегда. Если ему не повезёт с учителями в школе, если до сути природных явлений никогда не доведётся, не захочется дознаться самому. И ещё я заметил, другие люди, взрослые, наблюдавшие эту вполне естественную для природы «маленькую трагедию», кто в душе, кто вслух согласились с мамой мальчика: «ястреб – птица плохая».

Жизнь большинства птиц в природе, как правило, очень коротка. Непогода с её простудами, пурги с бескормицей, собираемая на наших отбросах (скопище всякой заразы) пища. Организм птицы постепенно ослабевает, и вот он уже превращается в инкубатор неимоверного числа паразитов, болезнетворных бактерий, вирусов. И глядя с искренним сочувствием на больного голубя, людям даже представить себе трудно, насколько он может быть опасен для нашего с вами здоровья, для наших детей.

Людям действительно жалко, что голубка убил «плохой» ястреб, и жалость, сочувствие – это естественные, замечательные качества нашей души. Когда же мы кидаем в хищника камнем, когда хотим убить уже его, это другое – озлоблённость, рождённая элементарным бескультурьем, незнанием не нами «придуманных» законов Природы.

Таким образом, мы можем говорить о специализации отдельных особей хищных птиц на добыче какого-то определённого вида

животных: белых куропаток, ворон, зайцев в периоды их массового размножения. Некоторые кречеты зимой в качестве главной своей жертвы выбирают голубей, тетереваты, также отдельные особи, в лесу охотятся на глухарей, в населённых пунктах – на домашних кур. Голод, как мы только что увидели, может загнать ястреба даже в чуждый ему город. Птицы, покушающиеся на домашнюю живность, нередко отстреливаются, и винить за это людей трудно.

Хищные птицы совершенны в своём физическом развитии. К их всемерному сохранению людей должны подвигать не только эстетические порывы. В процессе многовековой совместной жизни хищные птицы и их жертвы находятся в постоянном взаимном совершенствовании. Преследующий и преследуемый живут в условиях непрерывной борьбы за существование. И в этом «соревновании» прежде всего гибнет слабый: физически неполноценный, больной, подраненный, менее сильный, менее быстрый. Именно этих птиц в первую очередь отбирает из выводка, из стаи, из популяции хищник. Хищная птица – санитар, изымающий неполноценную особь и тем самым спасающий от распространения болезни выводок, стаю, от деградации – популяцию. Заметим, что в том же положении находится и сам хищник: не обладающий здоровьем, силой, ловкостью сокол или ястреб погибнет раньше других. Таков один из механизмов борьбы за существование, механизм естественного отбора, эволюции живой природы планеты.

ГОРОДСКИЕ ОБИТАТЕЛИ

И, наконец, пришло время рассказать, пожалуй, о самой заметной для всех нас птице – **чёрной вороне**. Сказать, что я люблю всех птиц, у меня просто не повернётся язык. Одну из них я действительно не могу любить. И отнюдь не потому, что она чёрная, что видим мы её чаще всего у мусорных ящиков и на свалках. Вот здесь-то она и в самом деле может показаться нам чем-то полезной. Мы же с вами

не хотим убирать за собой, а тут как раз есть кому это сделать.

Если говорить о вороне просто как о зимующей птице Камчатки, наших городов и посёлков, то вред её не всегда будто бы и заметен. Да, их чёрные тучи числом в тысячи особей создают в наших душах некоторый дискомфорт. Да, вороны нагледят: нападают не только на детей, но теперь уже и на взрослых,

Чёрная ворона

выбирая при этом физически слабых людей, отбирают у них булку или колбасу. Но это случается не так часто. Пока не так часто. Да, говорят, что они могут стать разносчиками всякой заразы, но вроде бы ещё не стали.

Мы должны, я бы сказал – вынуждены, согласиться: чёрная ворона, действительно, птица замечательная. Совсем недавно признав за некоторыми животными интеллектуальные способности, многие учёные считают, что из птиц первенство в этом принадлежит таким из числа живущих у нас видам семейства Врановых, как чёрная ворона и ворон.

Но в то, что «умной» может быть другой представитель этого семейства – **сорока**, верить мне как-то не хочется. Во время первой своей поездки в Пенжинский район я попал туда в 50-градусные морозы, да ещё и с ветром. В селе Каменском жил дома у охотоведа. Как-то он попросил меня помочь распилить промёрзшую до звона тушу домашнего северного оленя. Пилили обычной двуручной пилой, после чего на снегу осталась небольшая кучка мясных опилок. И, едва мы зашли в дом, на это место слетелись сороки. Я насчитал их двадцать пять особей. И сразу возник-

ло несколько вопросов. Как они узнали, что здесь есть хоть какая-то для них пища? Может быть, у них хорошо развито обоняние? Как они выдерживают здесь такой дикий мороз? Где проводят длиннющие январские ночи? А охотоведу, помню, сказал, что считаю сорок очень неумными, так как, имея крылья, оставаться зимовать в таких кошмарных условиях – это ли не глупость. Но, конечно же, в отличие от возникших вопросов, последнее моё заключение было несерьёзным. Но вернёмся к нелюбимой многими и, тем не менее, выдающейся птице – вороне.

Посмотрим на Камчатку глазами людей, живших на полуострове сто лет назад. В те времена естественное лимитирование численности чёрной вороны осуществлялось через ограниченность пищевых ресурсов в зимний период. Зимой основным источником питания ворон, вероятно, могла быть только снулая лососёвая рыба. Но то, что не скрывали глубокие снега, активно поглощалось пищевыми конкурентами вороны – млекопитающими и пернатыми хищниками. У ворон в значительно большем, чем сейчас, числе были и очень серьёзные враги – кречеты и те-

теревятники. В посёлках же серьёзными пищевыми конкурентами являлись собаки. Из статьи П. Пашинского мы узнаём, что в конце 1920-х годов на Камчатке содержалось не менее 45 тысяч ездовых собак, и численность их продолжала расти. Естественно, что, не в пример нам, на выброс в отходы у жителей тех лет не попадало ничего съестного. И всё же, как писал орнитолог Ю. Аверин, уже в 40-х годах прошлого столетия в селе Жупаново рядом с усадьбой Кроноцкого заповедника зимой обитали до трёхсот ворон. В 1960-х годах нартовое собаководство Камчатки пришло в упадок, разрастались областной и районные административные центры, всё более ускорялся процесс урбанизации недавно ещё естественных ландшафтов. С ростом населения всё большее количество пищевых остатков стало попадать в мусорные ящики и на свалки. Воронам была обеспечена постоянная кормовая база, и тем самым устранялся важнейший – кормовой – фактор, регулирующий их численность в естественных условиях. Так в отношениях с вороной человек смог «сломать» особо жёстко действовавший в зимний период природный механизм естественного отбора.

Те же 1960–1970-е годы характеризуются всё большим развитием промысловой и любительской охоты, что отразилось на численности хищных зверей и птиц, врагов и пищевых конкурентов вороны. В годы упоминаемых выше поездок в лес чёрных ворон зимой я стал встречать вдали от населённых пунктов в поймах незамерзающих рек. Пищей им служила сохранявшаяся с осени снулая рыба. Таким образом, наблюдался вторичный возврат вороны в дику зимнюю природу.

Но и это ещё не всё. Для нас с вами всё более притягательной становится естественная для всего живого среда – лес, луг, берега рек. Современная техническая оснащённость даёт нам возможность проникать в эту среду всё глубже. И следом за нами устремляется самый страшный пернатый хищник – ворона. В июле 1976 года в заказнике «Харчинское озеро» мы наблюдали за охотничьими полётами пары во-

рон. Медленно летая над хвощами, с высоты полутора-двух метров эти хищники осматривали, очевидно, хорошо известные им гнёзда серощёких поганок. При отсутствии хозяев ворона мгновенно падала вниз и тотчас взлетала с яйцом в клюве. У гнезда этой пары ворон, в котором находились три птенца, мы собрали скорлупу сорока четырёх яиц уток и серощёких поганок, одного яйца озёрной чайки и одного – обыкновенной крачки. Отстрелянные здесь же взрослые птицы имели в желудках перья воробьиных птиц, грудную кость утёнка-пуховичка и фрагменты насекомых. Желудки ещё нескольких отстрелянных в этом заказнике ворон, кроме следов хищничества на мелких воробьиных птицах, содержали остатки рыбы, серых полёвок и насекомых.

Однажды в Хламовитском орнитологическом заказнике юннаты, найдя гнездо шилохвости с яйцами, пометили его палкой с листиком бумаги. Кладка незамедлительно была уничтожена вороной. Способности этой птицы таковы, что и без оставленной человеком метки, лишь по спугнутым нами утке, бекасу или овсянке, ворона, сидящая на вершине дерева за сто и более метров, очень точно определит место возможного нахождения гнезда и не замедлит его разорить.

Таким образом, поломав естественный механизм зимнего регулирования численности самого страшного нашего пернатого хищника и помогая всё возрастающей его стае прокормиться летом, мы, сами того не желая, всё стремительнее обедняем фауну певчих, водоплавающих и околоводных птиц своего края. В нашем питомнике диких гусей проходила «реабилитацию» молодая, сильная самка кречета, отбитая в городе случайным прохожим у стаи черных ворон. Посадив к соколу в вольер подраненную ворону и ожидая, что хищник тотчас на неё нападёт, я стал свидетелем поразившей меня сцены: агрессию сразу же проявила ворона. Прошло часа три: голодный кречет так и не рискнул напасть на ворону, а сравнив клювы той и другой птицы, я понял, что сокол опасается не напрасно. Будь он на свободе, вороне бы, скорее всего, не поздоровилось.

Белоплечий орлан (Ю. Герасимов)

Символом Камчатского края мог бы стать **белоплечий**, или **тихоокеанский орлан**. Это действительно один из красивейших представителей нашей авифауны.

Часть наших крупных хищников уже в октябре откочёвывает в южном направлении, это очень хорошо видно на самой южной оконечности Камчатского полуострова – мысе Лопатка. Тем не менее, много этих птиц остаётся на зиму и в границах нашего края. Единичных белоплечих орланов мы можем видеть в Петропавловске-Камчатском в любой из зимних месяцев. Но несравнимо больше их зимует в естественной для диких птиц природной среде. В моей картотеке есть запись о том, что в январе 1966 года на одном из незамерзающих ключей, впадающих в Семячикский лиман, жили восемь этих орланов. Однако наиболее известным в настоящее время районом зимнего массового скопления птиц данного вида, конечно же, является Курильское озеро. В летописи природы Южно-Камчатского федерального заказника есть записи, говорящие о том, что в феврале 1986 года на Курильском озере, где в это время ещё шёл нерест нерки,

сконцентрировались до пятисот белоплечих и **белохвостых орланов**. Обычны оба этих орлана на зимовке и на Карагинском острове.

Основную пищу белоплечевого и белохвостого орланов составляет живая рыба, однако летом они с успехом ловят зайцев, уток, гусей, чаек и их птенцов. Зимой на побережье находят выброшенные морем туши погибших животных. На Карагинском острове, где отдельные особи этих видов также проводят всю зиму, они ловят или находят погибших белых куропаток. В районах промысловой охоты некоторые птицы, чаще это бывает при недостатке корма в природе, начинают «проверять» охотничьи капканы, съедать попавших в них пушных животных. И скоро гибнут: их отстреливают охотники.

А вот ещё одна любопытная запись из моей картотеки, сделанная в конце февраля 1982 года со слов рыбака: «На реке Хомутина (Усть-Большерецкий район) взрослый белоплечий орлан так наелся оставленной рыбаками у проруби части улова (наваги или корюшки), что не смог подняться со льда. Вокруг него собрались не менее двадцати сорок (в таком количестве их здесь не видели никогда) и стали бить клювами хищника сразу со всех сторон. На другой день орлан был найден у проруби мёртвым, его крылья в суставах оказались разбитыми до крови».

Беркут зимой на Камчатке более редок, чем орланы. И связано это, конечно, с ограниченными в этот период года кормовыми ресурсами орла. При высокой численности белой куропатки в зимы 1971/72 и 1978/79 годов единичные беркуты жили на Карагинском острове. Егерь заказника сообщал о находках останков многих убитых беркутом куропаток.

Иногда зимой беркуты, как и орланы, начинали искать для себя пищу на охотничьих путях. Птицы либо попадали в капканы сами, либо отстреливались охотниками-промысловиками. Ставить это людям в вину мне, охотинспектору, всегда было трудно. Вот конкретный пример. Однажды в «неурожайный» на пушного зверя год беркут съел четырёх из пяти соболей, попавших в капканы охотника за весь зимний сезон. Охотоведы видели воз-

возможность сохранения редких хищных птиц от отстрела через возмещение охотнику материальных потерь в результате хищничества крупных орлиных птиц. Поддержки на более высоком природоохранном уровне эти предложения не нашли.

В 1977 году мне передали двух отстреленных браконьерами беркутов. Самец, убитый в Елизовском районе в январе, имел вес 4600 граммов, «зимняя» же масса тела самки из Усть-Большерецкого района составила 6600 граммов. Упитанность той и другой птицы указывала на то, что от недостатка пищи в ту зиму орлы не страдали.

Оба вида наших орланов и беркут как особо охраняемые включены в Красную книгу Российской Федерации, а белоплечий орлан – ещё и в международную Красную книгу птиц Азии. Постоянные в течение последних десятилетий разъяснительные действия орнитологов, активистов различных природоохранных объединений дают желанный результат: численность этих прекрасных хищных птиц, по крайней мере, не снижается.

В своём рассказе о зимующих птицах Камчатки я назвал лишь наиболее обычных, узнаваемых представителей «наземной» авифауны и внутренних водоёмов нашего края. Специалист-орнитолог недосчитается в приведённом здесь перечне некоторых узко ареальных постоянных «зимовщиков», таких, например, живущих только на Командорских островах, как берингийский песочник, крапивник и американский вьюрок. Нет здесь и единично залетавших на Камчатку видов. Так, зимой 1978 года Юрий Герасимов увидел в Петропавловске больших синиц. И жили они в нашем городе по крайней мере до 1982 года, а вот насовсем закрепиться на полуострове так и не смогли.

В завершающем этот рассказ списке мы увидим ещё около двух десятков видов птиц, зимующих в камчатских морских водах. Как правило, они «плавают» или летают в недосягаемости для наблюдений за ними с берега.

Вероятно, у многих, кто познакомится с этим небольшим рассказом о зимующих птицах, возникнет вопрос: можем ли, должны

Малая или Стеллерова гага тоже зимует в наших водах (Ю. Герасимов)

ли мы чем-то помогать им в трудную зимнюю пору? Можем! Прежде всего, многим из названных птиц мы поможем... невмешательством в их естественное существование.

Но вот многих лесных птиц, о чём мы с вами уже подробно говорили, подкармливать зимой желательно. Этим мы не только поможем птицам. Подкармливая их, наблюдая

за ними, персонал заповедников, парка сможет постоянно приобретать для себя новые, всё более интересные знания. И не только приобретать, но и делиться ими с посетителями особо охраняемых природных территорий. И это, безусловно, будет способствовать росту экологической культуры населения Камчатского края.

ЗИМУЮЩИЕ ПТИЦЫ КАМЧАТСКОГО КРАЯ

ОБИТАТЕЛИ ВНУТРЕННИХ РАЙОНОВ

43. Полевой
воробей

44. Чиж

45. Обыкновенная
чечётка

46. Сибирский
горный вьюрок

47. Щур

48. Клёт-еловик

49. Снегирь

50. Дубонос

51. Пуночка

ОБИТАТЕЛИ ПРИБРЕЖНЫХ МОРСКИХ ВОД

1. Краснозобая гагара

2. Чернозобая гагара

3. Белоклювая гагара

4. Краснолицый баклан

5. Каменушка

6. Обыкновенная гага

7. Гага-ребенушка

8. Американская синьга

9. Серебристая чайка

10. Серокрылая чайка

11. Моевка

12. Розовая чайка

13. Тонкоклювая кайра

14. Толстоклювая кайра

15. Чистик

16. Короткоклювый пыжик

17. Большая конюга

18. Конюга-крошка

19. Ипатка

20. Топорок

Зимующие рядом с нами

Белолобые гуси

БЕСЕДА ЧЕТВЁРТАЯ

Птицам визы не нужны

В июне видовой «набор» птиц на территории нашего Центра совсем невелик. Правда, мне весной 2011 года он кажется ещё и заметно, по сравнению с прошлыми годами, обедневшим. Не считая воробьёв, недалеко загнездилась пара камчатских белых трясогузок и парочка же очень скрытных малых мухоловок. Совсем близко к нам, но уже за забором, живут по паре соловьёв-красношеек, чечевиц, двух видов овсянок, и, в дупле старого тополя, – малых пёстрых дятлов.

И каждый год со второй половины августа мне начинает казаться, что время бежит всё быстрее и быстрее. Приближается печально-красивый и светлый сентябрь, грустная для меня лично пора. Но поддаваться грусти в это время бывает некогда: на нашей территории, кроме малых мухоловок, соловьёв-красношеек и овсянок-ремезов, всё более обычными, а то и многочисленными становятся таловки, зелёные коньки, охотские сверчки, сизые овсянки, чечевицы, а позднее и юрки. Залетают и очень (некоторые – очень-очень)

редкие, а потому особенно желанные гости: варакушка, соловей-свистун, синехвостка, бурая пеночка, овсянка-крошка. Всего же за годы у нас здесь состоялась встреча более чем с тридцатью видами только воробьиных птиц.

Куда же исчезли многие сотни ещё недавно перелетающих по нашей территории мухоловок, овсянок, соловьёв, коньков? Если спросить об этом учеников пятого и даже четвёртого класса, надеюсь, что объяснить нам это захотят все до единого. Дети знают, что большинство камчатских птиц осенью улетает на юг. И случается это обязательно каждый год и всегда осенью.

Современные дети, как бы мы сказали, «развиты не по годам». А не так давно один из подростков, чуть ли не всё лето пропадающих за нашим забором на берегу реки Авачи, увидев, что меня заинтересовала севшая на дерево кукушка, спросил: правда ли то, что на зиму эта птица превращается в ястреба. Мальчишка в школе явно не преуспевал. Но его вопрос поразил меня не этим. Ведь и я, будучи в его,

наверное, в возрасте, слышал от взрослых об осеннем «перерождении» кукушки в хищную птицу. Потом, годы спустя, в книге зоолога Клаудсли-Томпсона «Миграции животных» прочитал: «Этот миф дожил до наших дней в некоторых сельских районах Англии... будто кукушки

в конце лета превращаются в соколов, а весной принимают своё привычное обличье». Вероятно, нам здесь к месту вспомнить и бытовавшую в русском народе пословицу – «поменял кукушку на ястреба», явно говорящую о никчёмности обмена чего-то на то же самое.

НЕМНОГО ИСТОРИИ

На то, что птицы регулярно перемещаются в пространстве, то появляясь, то исчезая, обращали внимание и очень далёкие наши предки. И указания на эти знания, почерпнутые из Ветхого Завета, мы с вами можем увидеть в книгах современных зоологов. Оказывается, празднества в честь массового прилёта птиц ещё задолго до библейских времён устраивались в Персии и Аравии. Упоминания о сезонных миграциях птиц есть в старых литературных источниках греческих и римских авторов. Однако первым, кто всерьёз заинтересовался регулярными, связанными с сезонами года массовыми перемещениями птиц, был живший почти два с половиной тысячелетия назад великий мыслитель своего времени Аристотель. Свои взгляды на это явление Аристотель изложил в одном из прославивших его трудов – знаменитой книге «История животных». В ней, в частности, учёный говорит о птицах, остающихся в местах летнего обитания на зиму, и о тех, которые после осеннего равноденствия улетают в более тёплые страны.

Далеко не всё, о чём нам стало известно из трудов великого Аристотеля, признаётся за истину и сейчас. От ошибок и заблуждений не застрахованы даже современные корифеи науки, не говоря уже об учёном, жившем столь немислимо давно. К числу заблуждений Аристотеля относятся и его убеждения о впадении на зимнее время в спячку таких птиц, как ласточки, жаворонки, дрозды, совы, голуби и даже аисты. И именно Аристотелю принадлежала фантастическая гипотеза «трансмутаций», из которой следовало, что некоторые птицы осенью не улетают куда-то, а всего лишь до весны перерождаются в другие виды.

Заблуждения учёного столь давних времён простительны. Но какими путями через тысячелетия его убеждённости достигла сознания современного мальчишки? И можем ли мы винить в ошибочной уверенности какого-то одного из современных ребят, когда из хороших, умных книг мы узнаём, что в сезонные перевоплощения видов, как в несомненную истину, верили многие учёные на протяжении ещё двух после Аристотеля тысячелетий.

Некоторые более поздние исследователи научного наследия Аристотеля считали, что именно этот учёный первым сообщил и о ласточках, отправляющихся осенью не на юг, а на дно водоёмов, в спячку. Но на первенство в этом «открытии» всерьёз заявил претензии шведский священнослужитель Олаус Магнус, издавший в 1555 году книгу «Истории народов и природы Севера». Однако этот автор оставил после себя в орнитологии и действительно добрый след: современные учёные сейчас знают точные, четырёхсотлетней давности, даты прилёта в Швецию журавлей, аистов, гусей, кукушек и некоторых других птиц.

Кажется, что именно ласточки породили большую часть споров относительно их «миграционного статуса». Так, через сто лет после Магнуса английский натуралист Ф. Уиллоби предполагал, что ласточки и те же кукушки, скорее всего, зимуют в Эфиопии и Египте. Наступил следующий век, и доктор Самуэл Джонсон вновь сообщал, что осенью ласточки собираются в большие стаи, кружатся над водой, пока не собьются в тесный ком, и только тогда опускаются на дно водоёма, где засыпают. Но самым удивительным для нас, наверное, покажется то,

что с Магнусом и своим ровесником Джонсоном был согласен даже создатель современной системы растений и животных, истинно великий учёный Карл Линней. Из его известного труда «Системы природы» можно было узнать, что «деревенские и городские ласточки зимой погружаются на дно, а весной всплывают». Абсурдность убеждённости Линнея доказывал живший с ним в одно время французский учёный Бюффон, тем не менее, и ему до конца XVIII века не удалось переубедить некоторых коллег. В результате, этот затянувшийся на многие века спор учёных умов привёл к тому, что в середине XIX века Шведская академия наук обещала вознаграждение тому, кто предоставит неопровержимое доказательство зимовки ласточек в воде. Как мы с вами можем догадаться, эту «премию» не получил никто.

В те же годы встречались и ещё «большие» естествоиспытатели-оригиналы: в 1703 году один из них уверял, будто осенью птицы улетают на Луну, где и живут, а если не находят корма, то всю зиму там спят.

Но, уделив столько внимания учёным спорам об одном виде птиц, мы чуть было не забыли о поистине крупном учёном Средневековья,

Деревенская ласточка на зимовке, о. Борнео

Мигрирующие гуси в вечернем небе

жившем в 1194–1250 годах, императоре Священной Римской империи Фридрихе II Гогенштауфене. В одиннадцати главах его монументального труда «Искусство соколиной охоты» можно почерпнуть много действительно интересных сведений о миграциях птиц.

Подробно рассказывая о заблуждениях естествоиспытателей названных веков, я хочу лишь показать, что интерес к исчезновению и появлению птиц в разные сезоны года всерьёз интересовал и волновал людские умы всегда.

И ещё. Птицы, впадающие в зимнюю спячку, всё-таки в природе существуют. В 1946 году доктор Э. Джегер и два его сотрудника в одном из ущелий гор Чакавалла на юго-востоке Калифорнии обнаружили птицу из семейства козодоев. Казавшаяся мёртвой, она на самом деле находилась в спячке. Находя её здесь же, учёные наблюдали за птицей четыре зимы: весной, по прошествии трёх месяцев летаргии, она «оживала». Оказалось, что эта птица известна индейцам, и они называют её «спящей».

СКОЛЬКО ВСЕГО ПЕРНАТЫХ

Я думаю, всем нам хотелось бы знать, сколько всего птиц живёт на Земле. И мы можем представить, насколько трудно сделать такой подсчёт. Эту нелёгкую задачу десятилетия назад взялся решить известный учёный-орнитолог Дж. Фишер. Привлекая к расчётам все известные ему, собранные многими коллегами

данные, общую численность мировой популяции птиц он определил в 100 000 000 000. Цифра в 100 миллиардов кажется невыносимой, если, например, не знать, что:

– по данным сотрудницы Канадского орнитологического центра М. Хейман, каждую осень из бореальных (северных) лесов Канады и США

Наши озёрные чайки в Японии (Х. Сугава)

на юг направляются около 5 миллиардов перелётных птиц;

- из Западной Европы только в Африку прилетают 2 миллиарда пернатых путешественников;

- в Бассовом проливе на юге Австралии только в одной колонии тонкоклювого буревестника вычислительная машина насчитала 150 миллионов птиц;

- до 1 миллиона бурых крачек вмещают в себя отдельные колонии в Индийском океане;

- на острове Святого Георгия (группа островов Прибылова) находится самый большой в Северной Америке птичий базар с общим числом в несколько миллионов морских птиц.

Можно приводить не менее потрясающие цифры по численности птиц в «зарубежье», но давайте ещё раз вспомним о нашей, камчатской, колонии озёрной чайки Хламовитского заказника. Не менее 25 тысяч пар птиц данного вида насчитывалось здесь в начале 1980-х го-

дов. Летом из Хламовитской колонии вылетали до 80 и более тысяч молодых чаек. Основная масса озёрных чаек дельты реки Авачи на зиму летит в Японию, всего же, по данным японских коллег, осенью 1981 года в их страну прилетели сотни тысяч птиц этого вида. О том, где проводит зиму большая часть чайчье Хламовитской стаи, стало известно благодаря их массовому кольцеванию и наблюдательности японских любителей птиц.

Вы хотите знать, сколько всего птиц живёт на Камчатке? Хотелось бы надеяться, что ориентировочную цифру в ближайшее время сообщит Юрий Герасимов. Начиная много лет назад вместе со мной считать мигрирующих гусей, уток и куликов и уже определившийся с их численностью, сейчас значительную часть своего «полевого» времени он использует на учётах лесных воробьиных птиц. Материалы по численности береговых морских колониальных птиц Камчатки собрал Пётр Вяткин.

КТО УЛЕТАЕТ И КТО ОСТАЁТСЯ

Птиц, живущих на Камчатке круглый год, мы называем оседлыми. Название это явно произошло от слова «сидеть», то есть «находиться на одном месте». Птицы, покидающие осенью места гнездования, называются мигрирующими.

В какие месяцы и дни покидают они наш край, конечно же, лучше других знают профессиональные орнитологи и любители птиц. Но если по весне прилетевшие на родину птицы извещают о себе торжествующими песнями, то уже к концу августа для нетренированного уха слышно только охотского сверчка да неугомонную пеночку-таловку. А это значит, что точные даты отлёта некоторых лесных птиц специалистам отметить трудно.

Несмотря на то, что периодические перелёты, миграции птиц, как мы уже знаем, интересуют людей давно, вопросов, на которые хотелось бы получить ответ, остаётся ещё немало. И давайте с помощью учёных и собственных наблюдений попробуем ответить хотя бы на некоторые из них.

Так, почему осенью многие виды птиц стремятся покинуть место своего рождения? Многие из нас, даже дети, скажут: они улетают из-за наступающих холодов. И спорить с ними мы не будем. Но внимательнее посмотрим, насколько абсолютны эти понятия для птиц Камчатки. Мы уже знаем, что многие виды камчатских птиц, остающихся с нами на зиму, относятся к группе так называемых зерноядных. Зато почти все наши пернатые соседи, отлетающие на юг, являются насекомоядными: питаются насекомыми, их личинками и куколками, пауками.

На моём застеклённом, защищённом от ветра и снега (но не от морозов) балконе в вольтере всю зиму жили две овсянки – ремез и японская. Овсянку японскую ещё называют сизой или аспидной. Они должны были улететь на юг. У меня же при обилии зернового корма, с редким добавлением мучных червей (боюсь, их всех успевала съесть охочая до этого лакомства овсянка сизая) и при постоянном на-

личии воды эти наши обычные мигрирующие птицы всю зиму чувствовали себя достаточно хорошо.

Правда, единичные овсянки-ремезы иногда и «сами» остаются зимовать на нашем полуострове. Первая моя встреча с вполне благополучным, как я тогда отметил, самцом данного вида состоялась на берегу Авачинской бухты в конце ноября 1965 года. Впоследствии одиночных овсянок-ремезов в Петропавловске и на его окраинах мы с сыном Юрием наблюдали и в ноябре, и в декабре, и в январе, то есть тогда, когда все их «соплеменники» зимовали в более комфортных условиях не столь холодных стран.

А однажды, это случилось 22 февраля 1968 года, на скальных обнажениях, спускающихся от посёлка Авача к береговой полосе Авачинской губы, я долго наблюдал за белой трясогузкой. Птица исследовала выступы скал, щели между камнями и выглядела весьма благополучной. Даже сейчас, по прошествии стольких лет, эту встречу с «вестницей весны» – белой трясогузкой я вспоминаю с радостным волнением, как встречу с самой, так любимой мной, Весной.

Улетают осенью размножающиеся на Камчатке водные и околотоводные птицы: гуменники, утки, поганки, гагары, кулики, поморники, чайки. Причина для большинства видов та же – недоступность или нехватка привычных для птиц кормов.

Мы привыкли считать, что все наши гуси и утки птицы мигрирующие. Пока я обращаю ваше внимание на один из самых обычных не только на Камчатке, но и во всей нашей стра-

Овсянка-ремез (Ю. Герасимов)

Камчатская белая трясогузка (Ю. Герасимов)

Аспидная овсянка (Ю. Герасимов)

Кряквы на озере Култучном. Петропавловск-Камчатский, октябрь 2012 г.

не вид уток – крякву. Живя в юности в городе Иваново, учась в институте в Иркутске и будучи страстным «утиным» охотником, я бы посчитал для себя за счастье встретить в природе дикую крякву зимой. А на Камчатке множество, а, может быть, и большинство птиц этого вида предпочитает проводить зиму в границах своего родного полуострова. Есть подозрения, что зимовать на наш полуостров прилетают даже кряквы из дальневосточных материковых районов Сибири. Причина – обилие незамерзающих рек, речек и совсем мелких ключей с богатой водной растительностью и другой живностью. С кряковыми утками, предпочитающими оставаться на зиму на Камчатке, мы с вами уже знакомы. Сейчас я хочу лишь напомнить, что от этого птицы только выигрывают. Во время перелётов их могут убить охотники, им надо будет бороться с непогодой, уберечься при многих встречах с хищниками. При возвращении им не всегда найдутся достаточно комфортные и безопасные места для гнездования.

А теперь мы внимательно взглянем в зимнее птичье население прибрежных вод Камчатки. И увидим немало видов, которые, как могло бы показаться, улетали от нас в «заграницу» до весны. Так, краснозобая и чернозобая гагары зимой обитают не только в прибрежных акваториях Японии и Корейского полуострова, но встреча с ними очень даже возможна и в со-

лёных водах Камчатского полуострова. То же можно сказать о серощёкой поганке, берингийском баклане, чистике.

Гнездящиеся по всему Камчатскому краю большой и средний (длинноносый) крохали частично остаются зимовать у себя дома, тогда как отдельные их стаи, вероятно, отлетают очень даже далеко к югу. Столь же непредсказуемы в части миграционных предпочтений едва ли не все наши чистиковые птицы и некоторые чайки. Специально считая на береговых стационарах мигрирующих птиц, мы видим, как много весной и осенью пролетает мимо нас, например, тихоокеанских чаек. Зимой же они встречаются от Олюторского побережья Камчатского края до Южно-Китайского моря.

Очковый чистик. Предзимье, у скал Три Брата

Но не будем всё упрощать. Я почему-то не могу себе представить беспечно сидящего на январском и даже на мартовском сугробе соловья-красношейку или радостно распевającego зелёного конька. Они вряд ли были бы счастливы при обилии не только корма, но и снега. И тот и другой виды, как и синехвостки, ласточки, пеночки, сверчки, кукушки и многие ещё, выжить зимой на Камчатке не могут. Так что согласимся и с теми, кто в число главных причин ежегодной миграции многих наших птиц на юг включает холод.

Мы с вами уже знаем, что осенью нас не покидают насекомоядные синички, поползни.

С утренних и до вечерних сумерек они обшаривают каждый древесный ствол, каждую веточку. И ведь находят для себя спрятавшихся в щелях насекомых, их куколки, яички, застывших пауков. На ночь забиваются в дупла, под снежные козырьки, в покинутые другими животными норы, переживают морозную, в 30 и более градусов холода, ночь и опять целый день, всю зиму ищут для себя пропитание. Зимой они не отказываются и от растительных кормов, например, лиственничных и еловых семян. У меня как-то целую зиму прекрасно жила в клетке буроголовая гаичка, полноценным кормом для которой были свежие кедровые (давленные) орешки.

КАК ДАЛЕКО УЛЕТАЮТ МИГРАНТЫ

«Веер» находок шилохвостей, окольцованных зимой на японском острове Хонсю, разворачивается от Камчатки до Западной Сибири, от Аляски до Калифорнии и от Китая до полуострова Малакка. Это говорит о действительных и возможных областях гнездования этих уток. Кстати, на Камчатке трофеями охотников стали далеко за тысячу шилохвостей с японскими кольцами. В значительно меньших количествах добывались у нас окольцованные утки других видов.

Как далеко на юг отлетают многие наши птицы, сказать сейчас мы бы не рискнули. А знать это интересно. Поэтому на Камчатке уже много лет орнитологи кольцуют птиц. И не только местные учёные: не раз с этой целью на полуострове высаживались «десанты» японских коллег. Около 15 лет мы отлавливали и кольцевали птичку «мелочь» на территории нашего гусяного питомника с надеждой, что когда-нибудь в одной из дальних южных стран вдруг найдут побывавших в наших руках соловья-свистуна или кукушку. Окольцованных мной в Тигильском районе кулика-красношейку и в питомнике – соловья-красношейку ещё раз ловили лишь в Японии.

Ежегодный улов в замкнутом пространстве нашей территории невелик – три-четыре

сотни птиц за сезон. И, тем не менее, за полтора десятка лет уже можно делать какие-то обобщения, но главное не это. Главное то, что год от года множатся вопросы, на которые надо искать ответ. В первые годы моей жизни на Камчатке встречу в лесу с дубоносом я считал редкой удачей. Осенью же 2011 года в питомнике поймал их не один десяток.

На Камчатке живут два вида кукушек: всем нам известная – обыкновенная с её звонким «ку-ку» и кукушка глухая, названная так за её непривычное для многих действительно «глухое» кукование, звучащее как «ду-ду... ду-ду...». По весне в районе Елизова кукушка обыкновенная

В сетке дубонос

венная появляется в числе наиболее поздних мигрантов, я, например, не помню, слышал ли её голос раньше 30-31 мая. Ещё позднее мы можем услышать «дудуканье» кукушки глухой. Мы считаем, что последние птицы этих видов отлетают на юг предположительно не позднее второй декады сентября.

На фото мы видим глухую кукушку, пойманную 25 августа 2009 года. Уже в скором времени ей предстояла дальняя дорога, и полетит она, скорее всего, не ближе, чем до зоны субтропиков. Известно, что наши дальневосточные кукушки улетают на юг до полуострова Малакка, обыкновенная кукушка, скорее всего, летит ещё дальше – в Африку. В наши сети ежегодно попадают единичные птицы этих видов. Надеяться, что какая-то из камчатских кукушек вдруг попадёт в руки человека, а её колечко увидит учёный, всё равно, что верить в сказку. Но каждый раз после записи всех необходимых нам данных по пойманной птице, отпуская её, мы не теряем надежды на чудо.

В сентябре того же 2009 года ловчая сетка порадовала, как я тогда решил, вообще удивительной находкой. В этот раз в ней запуталась кукушка заметно меньших размеров в сравнении со всеми побывавшими в наших руках птицами этого семейства. «Поймал малую кукушку!» – известил я своих коллег. Разочаровали ребята из Зоологического музея МГУ: моя «сенсационная находка» оказалась молодой глухой кукушкой, но с сильно недоросшими маховыми и рулевыми (хвостовыми) перьями. Вот почему мы всегда с недоверием относимся к сообщениям, например, о встрече на Камчатке утки-мандаринки или оляпки. Чтобы в фауне нашего края зафиксировать новый вид, обязательно нужна либо сама птица, либо её фото. Как-то сетка-паутинка «подарила» камчатской фауне американскую гостью – чернобровую овсянку. Потом своим появлением, и опять же в огороженном забором гусином питомнике, удивил южный «экзот» – белогрудый малый пастушок. А совсем недавно мы получили фактическое подтверждение того, что на Камчатке живут вальдшнепы. Так что мальчишки и девчонки должны знать: ни фауна, ни флора Камчатки

Глухая кукушка

не изучены до конца. Открытий хватит на всех.

А сейчас продолжим, мы с вами «поймали» ещё не всех наших птиц.

В отличие от дальних мигрантов – кукушек, пеночек, сверчков, некоторых куликов, китайская зеленушка с Камчатки вряд ли полетит зимовать дальше Китая и Японии. Эта небольшая, плотно сложенная птица, имеющая сильный клюв, как кажется, вполне могла бы перезимовать и на Камчатке, но в качестве зимующей орнитологами пока не отмечена.

Ю. Герасимов с пойманной глухой кукушкой

Удивительно, как с камчатской зимой мирится такое нежное создание, как длиннохвостая синица. Лично я не знаю примеров, чтобы этот вид, подобно зимующим в наших лесах синичкам – буроголовой гаечке и москвке, хоть когда-то давал массовые вспышки численности. Не говорит ли это о том, что «мирный договор» длиннохвостой синицы с камчатскими зимними холодами и пургами не так уж и надёжен. Эту синицу, как и пухляка – гаечку, как чечётку и снегиря, как почти всех наших оседлых птиц, мы не кольцуем.

Больше всего хлопот с выпутыванием из сетей нам доставляют пухляки, иногда влетающие в сетку до двадцати особей одновременно. Эта маленькая синичка буквально за минуту ухитряется просунуть голову, крылья, лапки с цепкими коготками в десятки ячеек сетки, до которых только она сможет дотянуться.

Таковыми же, если не более «зловредными», способностями отличаются и чечётки. К счастью, этих в питомнике за полтора десятка лет

мы ловили не часто. Колечки от нас получают и зимующие на Камчатке поползни: осенью некоторых из них видят на мысе Лопатка, возможно, готовыми лететь, думаю, не дальше Японии. Кольцуем также, правда, не знаю зачем, и всех дятлов. Впрочем, как это «зачем»: вдруг какая-то особь с колечком попадётся нам лет через десять, и тогда в научной «копилке» появится ещё одна запись о продолжительности жизни наших птиц в условиях камчатской непогоды.

Однажды, увидев зависнувших в наших сетях мелких птиц, профессиональный рыбак и охотник упрекнул меня:

– Как ты можешь из-за какой-то «науки» их так вот мучить? А ещё говоришь, что любишь птиц.

– Володя, мне было бы не удивительно услышать это от кого-то другого. А ты не считаешь, что многие тысячи лососей, которых ежегодно вылавливает твоя бригада, тоже живые существа? А соболя и лисицы? А глухари, утки, которых вы стреляете? Я этих птичек отпущу прямо сейчас, при тебе. А какова судьба «добычи», попавшей в твои руки?

Он так и ушёл убеждённым в своей правоте. И жаль, что я не догадался показать Владимиру, как только что вынутая из сетки птица берёт у меня из руки муху. В холодную или сырую погоду мне неоднократно приходилось так подкармливать японскую и камышовую овсянок, белую трясогузку. Правда, однажды, когда я хотел подкормить овсянку-ремеза, птица, казалось бы с явным негодованием, хватала предлагаемую ей «подачку» и отбрасывала прочь. Может быть, птицу возмутил сам факт её пленения? А сразу же после неё, держа в одной руке пойманного самца чечевицы, я увидел, что он очень заинтересовался пьющим кровь из другой моей руки комаром. Я поднёс к нему птицу, и комарик мгновенно был съеден. Потом отважная пичуга из моей руки приняла «в подарок» двух мучных червей.

Отлавливая мелких лесных птиц, мы, как я уже сказал, надеваем им на лапки лёгкие металлические колечки. На них нанесён не повторяющийся даже в других странах

Пойманная длиннохвостая синица

Пухляк в сетке-паутинке

код: буквы и номер, которые мы записываем в специальные ведомости. В них же отмечают место, дата поимки, вид особи, самка это или самец, насколько возможно определить – возраст, некоторые другие данные. Ведомости отправляются в Центр кольцевания животных. Туда же придут и сообщения, если окольцованные птицы попадут в руки человека ещё раз. И эти, уже вторичные, сообщения позволяют учёным получать сведения, например, о продолжительности жизни разных видов или особей, о сроках и путях их миграций, местах зимовок и так далее. Но для получения полной картины жизни той или другой птицы таких поимок с кольцами и другими метками нужно много. При работе с «мелочью» раньше считалось удачей, если из тысячи окольцованных птиц ещё раз в руки людей (где-то вдали от места мечения) попадала одна. Мы в таком же, наверное, соотношении имели единичные сообщения о повторно пойманных наших воробьиных птицах, но лишь из одной страны – Японии.

Заметно лучшие результаты дают работы с более крупными птицами. Закольцевав в Хламовитском заказнике свыше десяти тысяч озёрных чаек, мы смогли точно узнать, где зимует их большая часть.

Очень даже хорошая «отдача» получена нами в результате отлова более тысячи гусей-гуменников. В работе с ними, кроме металлических колец, использовались также цветные ножные и шейные метки. Изготовленные из лёгкого пластика, они также имели индивидуальный буквенно-цифровой код. Таких птиц в природе легко опознавать с помощью бинокля или полевой трубы. Сообщения о меченых гусях поступали более десяти лет. И опять же практически вся информация о чайках и гусях шла от японцев. Часть колец и меток передана нам охотниками.

Сейчас в мире ежегодно кольцуется уже точно более 2 миллионов птиц. В результате накопились ценнейшие данные по срокам и путям миграций многих видов, по скорости полёта и дальности беспосадочных маршру-

Автор и егерь А. Нарутдинов с сибирскими гуменниками, помеченными шейными кольцами

тов, по затратам и восстановлению птицами энергетических запасов. Когда ещё не было Интернета, не были известны многие современные методики исследований, уже тогда из публикаций коллег мы узнавали о кажущихся невероятными физических возможностях мигрирующих птиц. Сейчас же они удивляют нас ещё больше.

Вот что узнал я от московских коллег о кулике-камнешарке, многочисленном, кстати, в периоды весеннего и осеннего пролётов на Камчатке. К ноге пойманной в Австралии птицы, вес которой не всегда достигает 100-120 граммов, учёные с помощью колечка прикрепили геолокатор, весящий один грамм. Насколько интересными оказались полученные уже первые данные, судите сами. За шесть дней беспосадочного (!) полёта через Тихий океан с Аляски до Австралии этот куличок пролетел более семи с половиной тысяч километров. Средняя скорость его полёта превышала 50 километров в час. Живёт камнешарка в природе до 20 лет, а это значит, что за свою жизнь она может налетать более полумиллиона (!) километров.

А теперь рассказ ещё более удивительный. Весной и осенью на приустьевых отмелях

реки Морошечной можно видеть тысячные стаи крупных серых куликов с длинным прямым клювом. Это малый веретенник, живущий в основном в Заполярье, на Камчатке не гнездится. По величине он не отличается от столь же многочисленного здесь на осеннем пролёте среднего кроншнепа. Последнего местные жители, как и все камчатские охотники, называют «ягодником», а малого веретенника – «прямоклювым ягодником». В нашей фауне есть гнездящийся на Камчатке большой веретенник. Так вот, в названиях того и другого куликов нам видится некоторое несоответствие. Смотрите сами: в наших сборах вес десяти больших веретенников составил от 195 до 245 граммов, у стольких же малых веретенников он был от 250 до 380 граммов. Это так, для справки. Нам с вами более интересно другое. В 2007 году очередной выпуск журнала «MIRANDA NEWS Naturalists Trust» рассказал о миграционных «рекордах» четырёх помеченных спутниковыми передатчиками малых веретенников. Самый поразительный из рекордов получен от птицы, несущей передатчик с номером E07. Поднявшись 30 августа в воздух в дельте реки Юкон, этот кулик через восемь с половиной суток беспосадочного (!)

Камнешарка (Ю. Герасимов)

Полярная крачка идёт с подношением к партнёру (Ю. Герасимов)

полёта над Тихим океаном 7 сентября прибыл в новозеландскую Миранду. Средняя скорость его полёта составила несколько меньше 57 километров в час. Домой он отправился 17 марта, но летел уже другим маршрутом и с долгими остановками, на Юконе был 5 мая. Судя по приведённой в статье карте, на этом обратном пути он мог посетить и Камчатку. Общая протяжённость его годового миграционного маршрута составила 28 248 километров.

Одним из наиболее интересных для миграционных исследований видом долгое время оставалась полярная крачка. Интересна же она тем, что, размножаясь в Заполярье, от «нашей» зимы в лето южного полушария эта птица летит к антарктическим льдам. С такими способностями эта маленькая чаечка давно уже находится на первых страницах орнитологических «букварей». О том, что гнездящаяся, например, в Гренландии полярная крачка осенью вдоль атлантических побережий улетает в Антарктиду, мы знаем действительно давно.

На Камчатке известная нам южная граница распространения полярной крачки спускается до приустьевой части реки Большой. Осенние миграции наших птиц к югу предположительно проходят по западным побережьям

Северной, затем – Южной Америки. Как эта маленькая чайка, летящая с Камчатки, прокладывает свои миграционные маршруты через Берингово море, мы пока не знаем.

О том, что одна из окольцованных когда-то полярных крачек была вторично найдена в возрасте 34 лет, нам стало известно из публикаций американских коллег. И вот новое сообщение, подтверждающее долгожительство птиц этого вида, но уже из Великобритании. В 1980 году сотрудник национального парка Нортумберленд Д. Уолтон, ещё будучи студентом, кольцевал птенцов полярной крачки. И в 2010 году одна из этих птиц в возрасте 30 лет вновь найдена в той же гнездовой колонии.

Пока эта птица ещё летала неузнанной, возможности учёных в изучении миграций птиц шагнули далеко вперёд. И в 2007 году объединённая группа коллег Исландии, Великобритании, Дании, Польши получила возможность надевать на ноги крачек миниатюрные, до двух граммов весом, приборчики – геолокаторы. Помечены были 70 птиц, а через год повторно пойманные особи рассказали учёным много исключительно интересного и о маршрутах полёта, и о скорости передвижения, и о местах и времени их отдыха. От учёных мы узнали,

что путь отдельных птиц к кромке антарктических льдов занял чуть больше ста дней, зато на обратную дорогу к дому они тратили времени вдвое, некоторые – втрое меньше. И ещё: коллеги посчитали, что за 30 лет жизни полярная крачка смогла бы трижды слетать до Луны и обратно.

Наше внимание к миграционному подвигу полярной крачки несколько «затмили» известные данные о ещё более миниатюрной (длиной менее 20 сантиметров) морской путешественнице – качурке Вильсона. Учёные, в частности Клаудсли-Томпсон, сообщили, что эта птица, размножающаяся на мелких островках от Огненной Земли до побережий Антарктиды, имеет три основных миграционных маршрута. По одному из них часть популяции вида, улетающая от своей «южной зимы», в апреле объявляется у берегов Канады. Интерес учёных к вильсоновой качурке прикован ещё и тем, что вся многомиллионная стая этих птиц возвращается к своим норкам каждый год вечером одного и того же дня в конце ноября. Ежегодно, в один и тот же вечер, одного и того же ноябрьского дня, и все одновременно!

В наших водах качурка Вильсона «пока» не отмечалась. А вот гнездящегося в Новой Зеландии её «трубконосого» родственника – серого буревестника мы с вами при некоторой доле везения можем и увидеть. В конце октября 1970 года эта птица была добыта в водах Карагинского острова.

Изучением миграций куликов много лет занята международная группа учёных, работающая в Австралии. Россию в ней представляет Юрий Герасимов. По его приглашению, мы с вами об этом уже знаем, несколько учёных этой группы специально прилетали на Камчатку, чтобы во время пролёта куликов посетить заказник «Река Морошечная». И вот посмотрите на эти фотографии Юрия.

Вот так сейчас в районах гнездования и зимовок учёные метят отловленных птиц. Кроме металлических колечек их снабжают ещё и комбинацией цветных меток, флажков. С помощью полевых труб такие птицы легко высматриваются в стаях. Зная о том, какие виды, где и когда получили такой набор цветных меток,

Так метят куликов для их полевого наблюдения

орнитологи узнают о путях миграций, местах остановок, гнездования, зимовок исследуемых птиц, и даже, если будет удача, о скорости покрытия меченой птицей какого-либо расстояния. Поймав же ещё раз такого куличка и прочитав на колечке его «личный номер», учёные получают о нём ещё больше информации.

С конца июля и до середины сентября через Камчатку в массе пролетает гнездящийся на севере кулик – средний кроншнеп. У наших охотников, мы это уже знаем, он известен под именем «ягодника».

Из книги К. Карри-Линдала (1984) «Птицы над сушей и морем» можно заключить, что среднего кроншнепа нельзя встретить разве что на одном из материков – в Антарктиде. В ноябре я видел этих куликов на острове Цейлон. В последние два дня марта 2014 года массовые миграции среднего кроншнепа в северном направлении наблюдал на о. Борнео.

Исконным обитателем Камчатки является удивительный куличок – круглоносый плавунчик. Впрочем, о его «удивительности» сейчас не знает редкий сколько-нибудь внима-

тельный к Природе школьник. Тем не менее, напомним: птицы, которых мы видим летом беззаботно, подобно поплавкам, снующими в прибрежных водах нашего полуострова, – самочки. Своих самцов они усадили высиживать яйца (снесли их, правда, самочки сами), а потом ещё и воспитывать юное поколение, и пошли «гулять по свету». Как далеко отбывают с Камчатки наши местные плавунчики, мы пока не знаем, но, уверены – не близко. Очень интересно рассказал о встрече с этими жителями Севера автор названной книги Кай Карри-Линдал. И сейчас мы передадим слово ему. «Наибольшее впечатление произвела на меня встреча с круглоносими плавунчиками в конце сентября у тихоокеанского берега Мексики... Близ скалистых островов Коронадос расстилалась спокойная морская гладь, буквально кишевшая круглоносими плавунчиками, которые в это время направлялись от арктических тундр к тёплым океаническим акваториям. Стаи в десятки тысяч особей плыли, словно огромные облака, и наш корабль с трудом прокладывал путь через эту живую массу. Стаи покрывали ковром всю поверхность воды. Оценить численность птиц было невозможно, но явно их насчитывалось несколько сот тысяч. Никто из моих предшественников, побывавших в этих местах, не наблюдал ничего подобного».

Интересно, были ли в стаях плавунчиков только самки (окраска их оперения заметно ярче), или же вместе с ними находились самцы и молодёжь? С удивительным примером половозрастной сегрегации (разделения) мне пришлось встретиться при изучении птиц Карагинского острова. В конце сентября – начале октября в море близ устьев рек держатся стайки молодых уток-каменушек. Мной исследованы 26 этих птиц, добытых местными жителями-коряками. Все они оказались молодыми самцами данного года рождения. Почему взрослые самцы уток покидают самок с началом насиживания ими кладки, мы с вами разобрались. Но чем объясняется отделение молодых самцов при распадении выводков – это уже большой вопрос. Вопросов, как видим, перед орнитологами меньше

Средний кроншнеп, о. Борнео

не становится, и на это я обращаю внимание юного поколения, которому уже скоро принимать эстафету в изучении прекрасного мира нашей Природы.

Сравнительно недавно моему сыну Юрию коллеги предлагали заняться работой по ещё более «продвинутому» мечению теперь уже соловьёв-красношеек. Интересно, какого же веса «геолокаторчик» предложат поносить соловью, если масса тела семи взвешенных мной самцов этого вида составляла от 25 до 33,5 грамма.

Я вспоминаю о том, как ещё недавно мечтали мы заполучить в свои руки японские паутиные сети. Всего лишь сети. Насколько же далеко за последние 20 лет (пока я полностью был поглощён проектом по алеутской казарке) продвинулись методики изучения миграций птиц!

Карту выявленных сезонных перемещений птиц, изготовленную Национальным географическим обществом США, можно увидеть в российском майском выпуске 2004 года журнала «National Geographic». Посмотрите карту, она очень любопытна.

СПОСОБНОСТЬ К ОРИЕНТАЦИИ

И опять обратимся к выполненной программе возрождения азиатской популяции алеутской казарки. С запуском проекта перед нами встали три задачи. Две из них были решены безболезненно.

Оставалась последняя, уже не задача, а проблема, ставшая моей многолетней «головной болью». Как заставить наших птиц мигрировать осенью в нужном нам «правильном» направлении – на исторические зимовки вида в Японию?

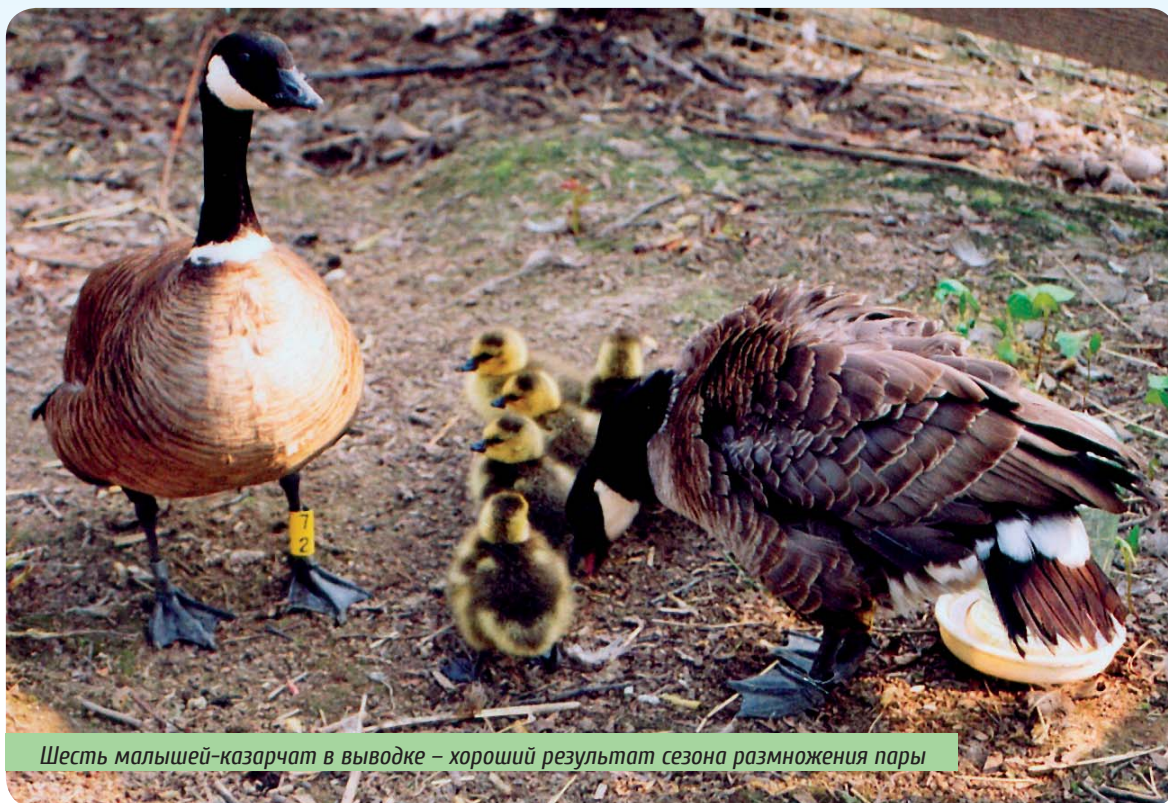
Американский коллега Форрест Б. Ли порекомендовал испробовать так называемый «метод проводников». Для этого предстояло «сдружить» родившихся на Камчатке казарок с дикими гусями-гуменниками, которые уже знали дорогу в Японию. Гуменников двух подвидов мы отловили на тундрах Западной Камчатки, подселили к казаркам. Птицы жили

вместе и два, и три года, но «дружбы» между гусями этих двух видов так и не получилось: выпускаемые в природу в одной стае с казарками, гуменники тотчас улетали одни.

Отвергли мы рекомендуемую попытку подкладки яиц в гнёзда диких гусей, не подходил и метод выпуска молодых нелётных ещё казарок к стаям линяющих гуменников. Всё дело в разности биологических особенностей алеутских казарок и гусей других видов.

«Дружба» между разными видами гусей не состоялась.

Тогда в расчёте на то, что с похолоданием птиц потянет на юг инстинктивно, выпускать казарок на свободу стали одних. И они, хотя далеко не сразу и не все, дорогу к благодатным японским островам нашли. Сейчас алеутские казарки, год от года возрастаая в численности, после зимовки в Японии весной

Шесть малышей-казарчат в выводке – хороший результат сезона размножения пары

Дружба между этими видами не состоялась

возвращаются на Курильские острова, откуда осенью летят по знакомому маршруту и ведут за собой родившихся летом детей.

Но как птицы узнают, куда им лететь? Как они ориентируются в полёте днём, ночью, в тумане? Как из года в год в одно и то же время появляются в определённых местах, на одних и тех же водоёмах? Ответы на эти вопросы учёные искали столетиями. Казалось бы, многие из этих загадок разрешались, но птицы продолжали и ещё сейчас продолжают удивлять.

Темноспинного альбатроса (во время кочёвок эта птица встречается в прибрежных водах Камчатки) учёные отловили и поместили небольшим маячком на атолле Мидуэй (Гавайские острова), увезли от родного дома более чем на 5 тысяч километров и выпустили. Альбатрос, направившись к дому по кратчайшему прямому маршруту, вернулся на атолл через 10 дней. Серый буревестник, пойманный на острове у побережья Уэльса и увезённый через Атлантический океан также почти на 5 тысяч километров, вернулся к своему гнезду менее чем через 13 суток. И таких примеров накопилось уже немало.

При подобных экспериментах учёные получили действительно интересные данные о скорости

полёта разных видов. Но оставался вопрос, как птицы, изыскивая кратчайший путь, определяют-ся со своим местоположением на планете.

Однажды, а было это довольно давно, ко мне обратились люди, всерьёз заинтересовавшиеся тем, что на Камчатку и на рыболовецкие суда стали часто залетать голуби с японскими колечками на ногах. Я объяснил, что невольными «виновниками» этого являются японские любители голубей. Иногда они проверяют способности своих молодых голубей к ориентации в пространстве, их умение найти свой дом. Или же уже уверенные в птицах голубеводы устраивают соревнования, например, по скорости возврата своих воспитанников из «дальних странствий». В последнем случае голубей-«спортсменов» на отходящем в море судне завозят куда-то на удалённую от дома точку и сразу всех выпускают. Сам же этот спорт ещё раньше получил распространение в Европе и некоторых штатах США. Там в соревнованиях иногда одновременно участвовали тысячи голубей, и выпускали их на расстоянии до тысячи километров от дома. Лучшим «спортсменам», летящим со скоростью 80 километров в час, на преодоление такого расстояния хватало светового дня. А появление японских голубей на Камчатке говорило о том, что способными найти свой дом оказывались не все из них.

Способность голубей быстро находить дорогу к своему дому известна и использовалась людьми издревле. В 1870 году при осаде Парижа тайно вывезенные из города на воздушном шаре эти птицы принесли своим хозяевам множество очень ценных извещений. Голубям же, отличившимся в Первой и Второй мировых войнах, в Брюсселе и французском городе Лилле поставлены памятники. Чучела некоторых прославившихся в войнах птиц можно увидеть в Национальном музее США.

Так что не случайно ручные голуби стали одним из наиболее удобных объектов научных исследований по ориентации птиц в пространстве. Способность, стремление животных находить дорогу к месту рождения, к дому получила название *хоминг* (от английского слова *home* – дом).

О том, как молодые птицы находят дорогу к местам зимовок и обратно, мы с вами с детства знали из народных сказок и рассказов писателей. Всё было просто: впереди каждой стаи обязательно летит хорошо знающий маршрут вожак, за ним все остальные. Но, как потом оказалось, у некоторых видов на зимовку сначала отправляется родившаяся в данном сезоне молодёжь. Значит, здесь не всё так просто.

Когда-то одни учёные были уверены в том, что во время миграций птицы ориентируются по запомнившимся им наземным ориентирам, при низкой облачности – по солнцу. А как же кряквы или некоторые кулики, летящие ночью? По звёздам. А ночью в облачную погоду или в тумане? Загадки, которые ставили перед людьми птицы, множились, на поиск разгадок учёные тратили многие годы. Притом, над разрешением этих вопросов бились учёные и инженеры часто далёких от биологии специальностей.

Несколько отвлекусь, чтобы рассказать об одном своём частном наблюдении многолетней давности. В тот раз я попал в дельту реки Авачи в день активного пролёта уток. Летели в основном шилохвости. К бухте птицы подходили откуда-то со стороны Сероглазки, над водой начинали снижение и летели в направлении одного из озёр, находящихся между устьями рек Прорвы и Хламовитки. Птицы шли к озеру стая за стаей. Это место как-то «угадали» охотники, и сидели они вокруг водоёма, затаившись в прошлогодней траве, в четырёх-пяти местах. Подлетала стая, по ней стреляли из одного укрытия, птицы летели по периметру озера к другим охотникам, стреляли те, утки, опять же вдоль берега, налетали на третьих стрелков, потом – на четвёртых. И только после этого уходили в сторону. Через какое-то время вдали появлялась следующая стая, за ней ещё и ещё. И все они, даже когда впереди летящие птицы расстреливались «на глазах» летящих следом, повторяли путь той самой первой стаи. Я наблюдал это не менее, скорее – более двух часов, и до настоящего времени сохраняю уверенность, что летящая

стая оставляет после себя в воздухе хорошо различимый другими птицами след. Охотники села Усть-Хайрюзово рассказывали мне, что, выходя охотиться на мигрирующих гуменников, они сначала смотрят, где пролетают стаи чаек. Этой же дорогой сегодня полетят и гуси, там их и надо ждать. Значит, опять «след»? Но как он фиксируется в воздухе, как долго сохраняется? Если я в том своём давнем предположении не ошибся, ответы когда-нибудь найдутся и на эти вопросы.

Итак, как же они ориентируются в пространстве? Разуверившись в находке простых ответов, учёные пошли путями более сложными. И не менее чем полвека назад некоторые из них пришли к выводу, что свои миграционные маршруты птицы сверяют по магнитному полю Земли. Но возражали другие, тоже ищущие «истину», коллеги: это маловероятно, так как у птицы тогда где-то должен находиться очень сложно устроенный орган. Но он не просматривался. И эксперименты с голубями не прекращались. Чтобы проверить, не сверяют ли они свои полёты с руслами рек и другими наземными ориентирами, птицам надевали на глаза матовые линзы. Не видя элементов рельефа и солнца, они возвращались домой. Чтобы помешать ориентироваться по магнитным линиям, к голове, к шее голубей прикрепляли небольшие магнитные пластинки, но дали возможность видеть солнце. Голуби опять нашли дом. Значит, теория магнитного поля здесь ни при чём. Тем не менее, новая гипотеза уже подтверждалась другими экспериментами. А поиски «искомого» всё продолжались. И вот учёные уже «докопались» до истины, обнаружив, что информация от магнитных линий Земли к мозгу птицы поступает от группы светочувствительных клеток в глазах. То есть магнитное поле планеты птицы буквально «видят».

Но отдельные учёные Германии и Италии попытались найти другую «истину». И через серию опытов предположили: птицы (в эксперименте опять же участвовали голуби) находят дорогу домой с помощью обоняния. Смогут ли они убедить в этом других своих

коллеги, покажет жизнь. Не могли пройти мимо миграционной загадки Природы и генетики. И уже добавили в общую копилку научных объяснений своей «отсебятины».

Исследуя этот вопрос с помощью умных книг и страниц Интернета, убеждаешься не столько в хорошей въедливости учёных (она несомненна), сколько в глубочайшей мудрости Природы. Насколько же заботливо печётся она о своих лишённых разума (?) созданиях, вложив в них столько немыслимо сложных чувств, до конца исследовать которые очень нелегко даже мыслящему «царю природы» – человеку.

В данной небольшой беседе мы старались хотя бы вкратце ознакомить вас с таким грандиозным явлением, как дальние и не очень дальние миграции птиц между странами и континентами. Кроме этого существуют миграции вертикальные. Тогда немногочисленное видовое население птиц верхнего яруса наших гор на зиму спускается в биотопы, хотя и холодные зимние, но, как, например, у нас, на Камчатке, всё же обогреваемые морем. В этой связи мы опять вспомним о горных сибирских выюрах или пуночках. Некоторых из этих птиц мы можем увидеть и в населённых пунктах. Мы с вами уже говорили и о местных, не выходя-

щих из границ Камчатского края, миграциях к югу белых куропаток нашего севера.

Существуют и такие миграции, которые приводят к временному появлению каких-то видов птиц там, где их раньше, или просто давно, в таком количестве не знали. При массовых налётах это явление носит название *инвазии* (от латинского *invasio* – нашествие). Нам с вами это слово знакомо по медицинской терминологии и связано оно с болезнями. Почему его взяли в свой лексикон зоологи? Возможно, ещё и потому, что такие массовые вторжения птиц едва ли не всегда заканчиваются их массовой же гибелью.

Миграциями иногда называют то, что другие зовут кочёвками. Так, например, кулик, та же камнешарка, оставив где-то там, на Севере, сидящую на гнёзде свою «половину», летит на кормные камчатские побережья. И неторопливо кочует по ним много дней, пока не подойдёт пора настоящей миграции. Диктуются миграции такого типа пищевыми ресурсами. Отлетевшие из угодий, где будет расти юное поколение, птицы не только для себя находят кормные места, но и сохраняют этим пищу для своего потомства. И как же здесь опять не восхищаться мудростью Природы!

Вероятно, нужно сказать и о миграциях птиц на линьку. Так, в 1960–1970-х годах

Самец сибирской (малой, Стеллеровой) гаги (Ю. Герасимов)

в водах Карагинского острова мы учитывали тысячи сибирских гаг, преимущественно самцов, прилетавших на время линьки с Севера. Но такие миграции не обязательно следуют только в южном направлении, появляющиеся здесь же в прибрежных водах большие крохали могли прилететь из более южных районов полуострова.

Можно было бы коснуться и других «причинных» миграций, они также достойны изучения и исследуются учёными с не меньшим энтузиазмом. Но на сказанном, наверное, остановимся.

Мы с вами не останавливались ещё на интересном явлении. Помните, я говорил о том, что камчатская белая трясогузка за лето может иметь две кладки. И тогда при удачно прошедшем сезоне размножения она сможет вырастить до десяти птенцов. Весной следующего года они захотят вернуться к месту своего рождения. Значит, мы должны были бы ожидать, что на нашей территории появится очень много трясогузок. Но их так и будет, как прошлой весной, – одна или две пары. Куда же деваются остальные птицы? Ответ грустный: если не все, то многие из них погибают именно во время миграций. Миграция – один из труднейших периодов птичьей жизни. На пролётном пути наших пернатых друзей, особенно самых маленьких – воробьиных, преследуют тяжёлые испытания: пурги, дожди, штормовые ветры, хищники, бескормица, болезни. То есть они встречаются с так называемым «естественным отбором», в результате которого выживают только наиболее сильные. Часто, но не всегда, таких испытаний не выдерживают слабые молодые или ослабевшие взрослые особи. И это один из (кажущихся некоторым из нас жестоким) мудрых природных механизмов, направленных на сохранение «здоровья» вида или целой популяции тех или иных птиц.

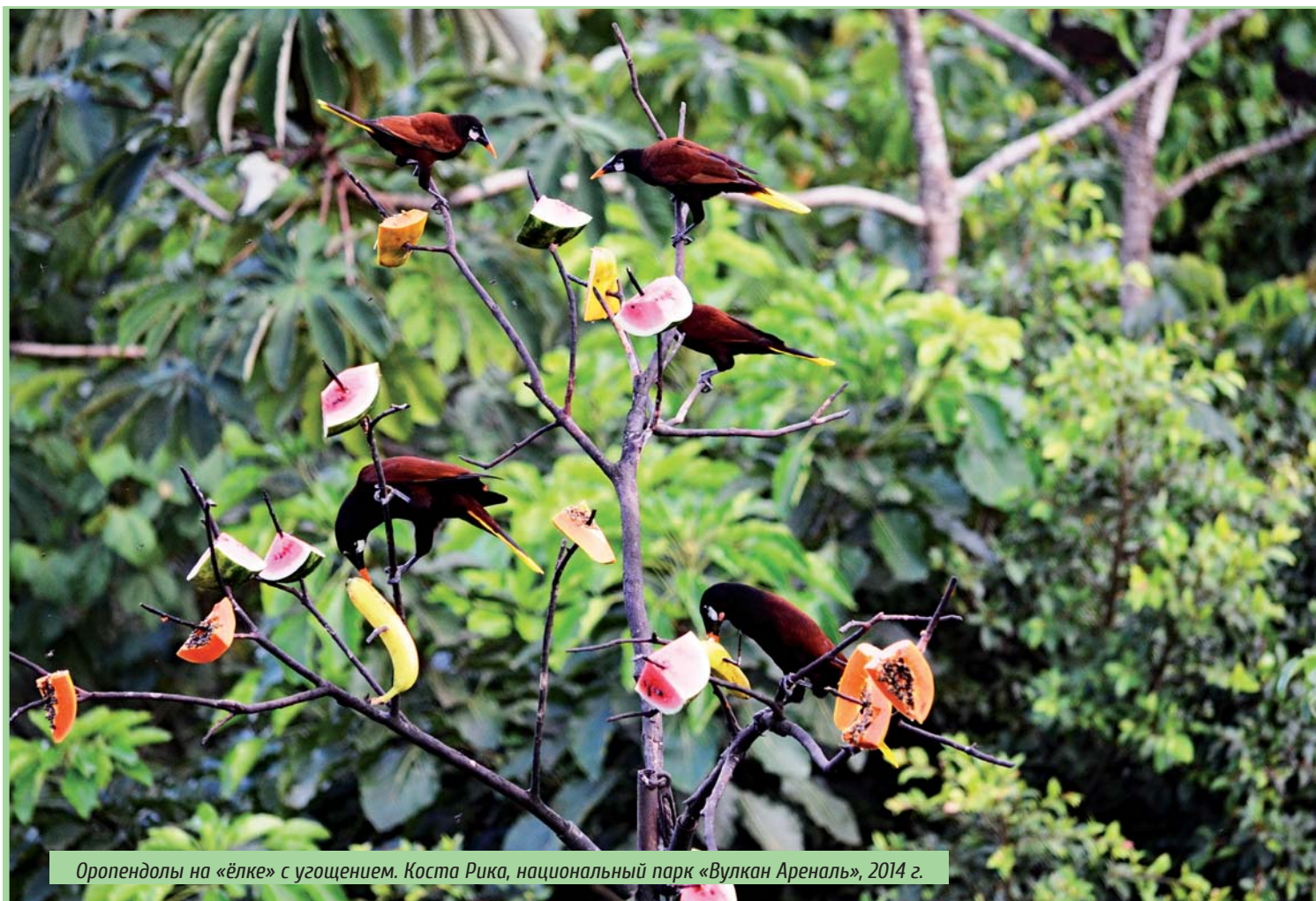
Но хорошо, когда в «регуляцию» численности некоторых птиц не включается человек «разумный». Весной 2011 года список птиц, посетивших нашу территорию и загнездившихся рядом, показался мне заметно, в сравнении с прошлыми годами, обедневшим. Я обратил на это внимание сына, он, ориентируясь на свои полевые наблюдения, со мной не согла-

сился. При недавних посещениях Вьетнама и Камбоджи, куда на зиму отлетают и наши птицы, я убедился, что мои худшие предположения не были напрасными. Мою тревогу подтвердила и только что опубликованная статья орнитолога В. Рябцева, рассказывающая, в частности, об уничтожении перелётных птиц в Китае. Их в этих трёх названных странах просто-напросто съедают. И, что самое печальное, съедают не всегда потому, что людям нечего есть. Таковы пристрастия у новоявленных гурманов, например, Вьетнама. В рестораны этой страны, как нам сообщил гид, «воробьёв» приносят мешками. Цапли, доверчивые к людям в Шри Ланке, на Бали и даже в небогатой (я говорю о простых людях) Венесуэле, очень пугливы во Вьетнаме; практически не встречались нам в Камбодже. Поднаторевшие в отлове птиц люди этих двух стран съедают всё, что с перьями и летает. Кроме, может быть, ворон. Во Вьетнаме к тому же мы увидели страсть к содержанию птиц в клетках. Ловят всех: поющих и красивых берут домой, других сдают в рестораны.

К счастью, я вижу и множество примеров трепетного отношения людей к диким существам и ответного доверия их к человеку. В Венесуэле мне как-то пытались помешать фотографировать красивейшую птичку зуфонию, строящую гнёздышко даже не в метре, а ещё ближе от людей. Я объяснил, что об этом буду рассказывать детям России, и мне в поисках птиц всячески стали помогать. На Борнео, узнав, что я орнитолог, грустные молодые люди из Дании принесли маленького мокрого стрижа, который, не рассчитав своих лётных способностей, упал в реку. И надо было видеть восторг этих людей, когда с нашей помощью малыш обсох и опять полетел испытывать судьбу. Опять же в Южной Америке я видел уж точно совсем не ручных попугаев, экзотических диких «кур», цапель, безбоязненно прилетающих к людям из джунглей и болот. Давайте просто посмотрим некоторые фото

Помните, мы узнали, что при возвращении с зимовок некоторые птицы тратят на дорогу времени вдвое и даже втрое меньше, чем они потратили его осенью. Дело в том, что птицы стремятся возвратиться домой именно в то

Оропендолы на «ёлке» с угощением. Коста Рика, национальный парк «Вулкан Аrenal», 2014 г.

Венесуэла: белошейные ибисы живут здесь рядом с людьми

Япония: автор и дикие утки на оз. Изунума

Шри Ланка: Дикий цейлонский джунглевый петух безбоязненно вышел к нам из леса

место, где жили в прошлом году, занять то же дупло или ту же скальную щель, где уже удачно вывели и вырастили детей. Мы касались этого вопроса, рассуждая о выгоде кряковых уток, отказавшихся от дальних миграций. А сейчас давайте опять обратимся к нашим ближним соседям – белым трясогузкам. Рядом с нашей территорией одна парочка из года в год строит гнездо в керамической трубе под крышей водокачки. Удачно расположенная «квартира» спасает птиц и от кошки, и от сороки. Хорошо изучив прилегающие «охотничьи угодья», птицы знают, когда, где и какой искать корм. Мы с вами помним, что благополучие особи, семьи (в конце концов, и вида в целом) зависит от трёх базовых условий: кормового, гнездового и защитного. И здесь они соблюдены. Естественно, повинаясь инстинкту, трясогузки опять стремились построить гнездо здесь же. Но молодые птицы прошлого года рождения также будут стремиться к привычному им дому. Если они полетят быстрее и раньше займут территорию, то припозднившимся их родителям отбить её будет трудно или невозможно. Им придётся искать свободную территорию опять же поблизости, но встречая отпор и от других прилетевших раньше птиц, изгнанная из дома особь может погибнуть даже от стресса. Таковы «правильные и жестокие» законы Природы, по которым, как мы уже уяснили, выживает сильнейший.

Вот почему наши трясогузки так торопятся пораньше вернуться домой. И вот здесь или ещё по пути они нередко попадают в экстремальную погодную ситуацию. Камчатские орнитологи могли бы рассказать о многих случаях гибели птиц, в том числе массовой, причиной которых явилась их «торопливость».

Сейчас вы можете меня спросить: зачем же тогда весной кулики, в частности малый веретенник, так удлиняют свой обратный путь к месту размножения, а не летят, как и осенью напрямую через океан? Дело в том, что мы с вами не коснулись ещё одного, связанного

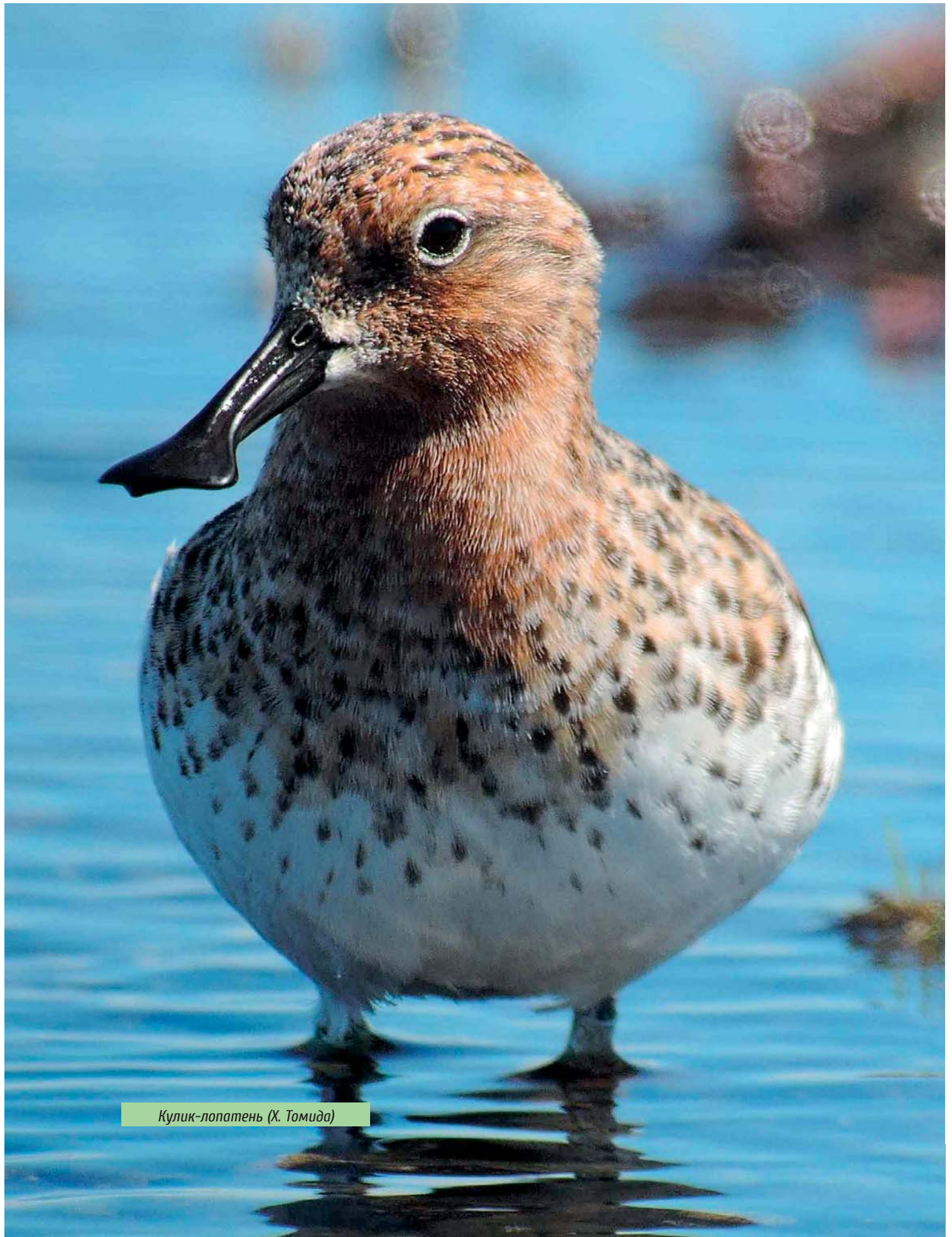
с миграциями, специфического вопроса. Мы не говорили о том, что быстролетающие птицы при многодневном нахождении в воздухе теряют очень много энергии. Говоря проще, их организм за время перелёта на большие расстояния теряет все жировые накопления, птицы неизбежно слабеют. Появление в таком состоянии на небогатых кормом весенних тундрах, где куликам ещё предстоят заботы по продолжению рода, было бы для них губительным. Потому кулики, улетаая с места зимовки в марте, следуют по известным им «кормным» местам, где легко восполняют затраченную на перелёт энергию. Крачки же, другие морские птицы кормятся по всему пути следования и к району зимовки, и при возвращении обратно.

Несколько вёсен подряд для учёта мигрирующих птиц я вылетал на реку Морошечную. И как-то перед очередной экспедицией подумал: я же наперёд знаю всё, что будет в этот раз, надеяться увидеть что-то новое, интересное нет смысла. И убедился, что как исследователь я, очевидно, недостаточно созрел: и в этот раз и потом не было ни одной весны, которая бы не принесла мне новых радостных, пусть совсем небольших, открытий. В такой ситуации сказать о том, что он всё видел и всё знает, может только человек недалёкий.

Мы многого не знаем о птицах Камчатки, учёные Японии, США, Франции, других стран многого не знают о своих птицах. Нахождение ответа на какой-то один вопрос сразу порождает несколько вопросов новых. Таковы особенности науки: чем больше мы узнаём, тем больше проявляется непознанного. Отсюда, очевидно, и родилась у наших дедов-прадедов пословица «Век живи, век учись, а...» всего знать не будешь.

И, завершая эту беседу, я хочу сказать нынешним мальчишкам и девчонкам, в особенности тем, кто решит связать свою жизнь с познаниями законов Великой Природы: вас на этом пути ждут открытия, о которых люди моего поколения не могли даже помыслить.

Кулик-лопатец (Х. Томида)

БЕСЕДА ПЯТАЯ

Занесённые в Красную книгу

ИЗ ДАЛЁКОГО ПРОШЛОГО

В 60 и 70-х годах 20-го столетия в известняковых отложениях на территории современной Германии были найдены останки неизвестных до того животных. Они жили 145-148 миллионов лет назад, когда Земля ещё не знала млекопитающих, а до появления наших с вами предков планете нужно было ждать десятки миллионов лет. Эти странные существа, напоминающие рептилий, тем не менее, имели перья. Поначалу учёные были уверены: обнаруженные останки принадлежат предками наших современных птиц. Как «первоптица» это существо получило название археоптерикс (древнекрыл). Величиной он был с нашу сороку, а на крыльях его сохранялись по три пальца с когтями, и, кроме того, хвостовой отдел позвоночника имел двадцать позвонков, от каждого из которых отходило по паре перьев. При внимательном изучении найденных останков учёные пришли к выводу,

что археоптерикс ещё не мог летать как птица, но уже и не мог хорошо бегать.

Насколько можно судить по литературным источникам, мнения учёных относительно близкородственных отношений древнекрыла и современных нам птиц разошлись. В моей библиотеке есть изданная в 1939 году небольшая популярная, рассчитанная на учащуюся молодёжь и педагогов книжка «Птицы». В ней автор Е. И. Редин очень доходчиво объяснил, почему археоптерикс не смог оставить после себя потомков. Тем не менее, и много лет спустя из учебника в учебник переходили (боюсь, переходят и сейчас) картинки с изображением скелетных останков древнекрыла как действительного предка наших современных веерохвостых птиц.

В начале 1980-х годов английский палеонтолог С. Уолкер в Аргентине и следом за ним наш российский учёный Е. Курочкин в Монголии обнаружили скелетные останки

другой группы «первоптиц» – энантиорниса. Сопоставив накопленную к концу второго тысячелетия информацию по этим двум «летающим» ответвлениям динозавров, палеонтологи отнесли их к группе ящерохвостых птиц и пришли к выводу, что их потомки, как и потомки археоптерикса, до нашего времени не дожили. Как пишет Е. Курочкин, в па-

леонтологической летописи учёных имеется «пробел» в 20 миллионов лет жизни Земли. И, вероятно, в этом «пробеле» от учёных пока «спрятаны» фактические доказательства того, что около 130 и даже 140 миллионов лет назад вместе с ящерохвостыми первоптицами на Земле жили настоящие предки современных веерохвостых птиц.

ЧТОБЫ НЕ БЫЛО ПУТАНИЦЫ

Давайте посмотрим на ступени биологической систематики. Начиная с основной таксономической категории зоологической систематики птиц – вида этот ряд выглядит так: вид – род – семейство – отряд – класс.

Мы с вами знаем, что в разных городах и областях нашей страны одну и ту же птицу люди (имеются в виду не учёные) могут называть по-разному. Так, например, белая трясогузка где-то зовётся «плиской», снегирия в некоторых областях нашей страны называют «дубоносом», хотя там может жить и настоящий дубонос. Нашу озёрную чайку японцы зовут «черноголовой чайкой». Как видим, такое положение дел могло бы создать большую путаницу. Вот почему каждый вид птицы, как и все другие представители животного и растительного мира, имеет своё собственное научное латинское имя. Имя это обязательно состоит из двух слов, первое из них – название рода всегда пишется с прописной буквы, второе – название вида – со строчной. Рассмотрим для примера названия двух обычных

птиц Камчатки из отряда Воробьинообразных. Пухляк, или буроголовая гаичка, имеет научное имя – *Parus montanus*, а полевой воробей – *Passer montanus*. Пример другой: чистиковая птица из отряда Ржанкообразных конюга-крошка получила научное название *Aethia pusilla*, а птица из отряда Воробьинообразных овсянка-крошка – *Emberiza pusilla*. И мы с вами видим, что в первом случае одно слово *montanus*, во втором случае – *pusilla* нам не может сказать, о какой птице идёт разговор. Есть на Камчатке и другие птицы (тонкоклювый буревестник и большой песочник, мохноногий канюк (зимняк) и белая куропатка), видовая часть названия которых одинакова. Вот почему, повторяю, видовая принадлежность каждой птицы обозначается двумя составляющими, первая из которых обозначает название рода: *Parus*, *Aethia*, *Emberiza*... Научное написание названия любой птицы на «латыни» для учёных всего мира едино, и в научных публикациях коллег разных стран упоминается именно оно.

СПАСИБО ЧАРЛЬЗУ ДАРВИНУ!

Класс птиц на Земле возник 80-100 миллионов лет назад. Некоторые таксономические группы класса с тех пор вымерли. Учёные считают, что фауна птиц Земли в близком к современному её виде сложилась около миллиона лет назад. Однако в наше время живут представители некоторых родов (но не виды!), уже

обитавших на нашей планете около 40 миллионов лет назад. А современные семейства бакланов, утиных, ястребиных, отряды гагарообразных и журавлеобразных образовались ещё раньше – около 65 миллионов лет назад.

Палеонтолог У. П. Бродкорб подсчитал, что за всю историю Земли на нашей планете

существовало до 154 тысяч видов птиц. В настоящее время на Земле живут 9,3 тысячи видов. Остальные вымерли.

В чём же причина вымирания видов, родов, исчезновения целых семейств птиц в давние исторические времена? На этот вопрос можно было бы ответить просто: всё живущее на Земле, когда-то родившись, по прошествии времени должно умереть. Применительно к птицам это касается как отдельной особи, так и всего вида, и целого семейства, и отряда. Но давайте посмотрим, какие изменения за последние миллионы лет претерпевала планета Земля.

На протяжении всей жизни класса птиц природные условия, местообитания животных постоянно изменялись. Ко времени зарождения класса птиц части уже распавшейся на отдельные материки Гондваны перемещались по великому Океану, из морей поднимались участки суши, вырастали и разрушались горы. Даже в самый ближний к нам плейстоценовый период неоднократно наступали и отступали оледенения, ледники полностью уничтожали привычные сложившимся сообществам животного мира местообитания, Земля остывала, затем на смену холодному климату приходил жаркий. Живые организмы, не способные адаптироваться к столь кардинальным изменениям экологической обстановки, вымирали. На смену «старящимся» или менее жизнестойким таксонам приходили молодые, более жизнеспособные. То есть происходил так называемый естественный отбор, через который эволюционировал растительный и животный мир Земли. Такое вымирание, исчезновение видов, родов, семейств птиц, протекающее в результате эволюции планеты Земля, мы называем естественным.

Чем же отличается естественная убыль видов растительного и животного миров от «насиленной»? Отличается она тем, что те или иные виды, имевшие приобретённые ими генетические наборы признаков, не смогли выжить в эволюционно изменившихся природных условиях, оказались нежизнеспособными. Выжили же виды, более приспособленные к существующей в данный исторический

отрезок времени экологической обстановке: климату, набору кормов, «терпимости» к хищникам, паразитам. Смена природных условий в разных районах нашей планеты, если не брать во внимание редчайшие катаклизмы планетарного масштаба, происходила непрерывно, но постепенно, эволюционно. И так же постепенно с ними «свыкалась», к ним «подстраивалась» большая часть живущих на Земле организмов. Но какие-то виды, исчерпавшие свои жизненные силы, не способные более адаптироваться к изменяющимся условиям, вымирали. Это и принято считать естественным вымиранием.

Но виды в изменяющихся условиях не только вымирали. При резком изменении природной обстановки широко распространённого жизнестойкого вида он мог «распадаться» на два вида и более. Например, при попадании части особей какого-то вида в совершенно непривычную, новую для них, но не критическую природную обстановку, так называемую экологическую нишу, птицы, естественно, пытались к ней приспособиться. Некоторым особям это удавалось, но в процессе адаптации к изменившейся среде они должны были использовать какие-то новые элементы поведения при добывании корма, при гнездостроении, при защите от местных хищников. В процессе смены многих поколений эти изменения влекли за собой и приобретение новых морфологических признаков. Например, при встрече с непривычными ранее кормами у птиц от поколения к поколению изменялась форма клюва, он становился более мощным или истончался, изменялись и лицевые мышцы, а вслед за этим и форма головы. Насекомоядные птицы, кормившиеся ранее в основном летающими насекомыми, в новой экологической обстановке могли встретиться с более подвижными, но живущими на земле объектами питания. И птицам-вселенцам приходилось перестраиваться на быстрый бег по земле. При многих других благоприятных экологических условиях, но при недостатке или отсутствии привычных гнездовых стаций часть птиц какого-то вида могла начать гнездиться в новой обстановке, следом за этим менялся

стереотип гнездостроительного поведения. Это могло вызвать и изменения в церемонии брачного поведения. Потомки этих птиц постепенно переходили на образование пар только с особями, привычными лишь к данной гнездовой станции и демонстрировавшими новый набор элементов брачного церемониала.

Через тысячелетия оказывалось, что внешние морфологические признаки и стереотип полового поведения особей прежнего, «материнского» вида остались практически неизменными. И птицы этих разошедшихся по воле природного явления «побегов» одной ветви

друг друга не узнавали. Следовательно, они уже не могли иметь общего потомства, а это значило, что на Земле образовался новый вид. Процесс эволюционных расхождений признаков в науке получил название дивергенции. Он ведёт к «дроблению» одного вида на два и, возможно, большее число видов. А первым увидел и объяснил это нам Чарльз Дарвин.

Таким образом, мы с вами видим, что на Земле виды не только вымирали, но и возникали. И всё-таки их вымирание, похоже, шло более быстрыми, чем видообразование, темпами. Почему?

КТО ВИНОВАТ? ЧЕЛОВЕК!

С начала 17-го столетия начались географические открытия, накапливались сведения о живущих на Земле видах, наука быстро обогащалась разными, в том числе орнитологическими, знаниями. Учёные узнавали о новых видах птиц, классифицировали и подсчитывали их. И через сто, двести и триста лет после получения тех первичных данных поразились скорости, с которой ещё недавно жившие на планете виды птиц стали исчезать. Анализ причин этих потерь показал, что виновными в этом негативном явлении прямо или косвенно были люди. Считается, что в гибели многих видов животного мира виновата необразованность людей тех давних лет. Стали ли мы с тех пор образованней?

Ниже мы увидим это на примере птиц Камчатки. Сейчас же расскажу о факте, имевшем место в нашей стране и в наше время. В 1960-х годах российские орнитологи узнали, что у нас открыт новый гнездящийся вид чайки – *Larus relictus*. Вслушайтесь в латинское название этой

чаечки – реликтус, то есть чайка реликтовая, сохранившаяся с древних времён. Ареал её обитания был крошечным: эти птицы гнездились всего лишь на одном островке одного из озёр Забайкалья. Естественно, многие орнитологи захотели её увидеть и устремились к месту удивительного открытия. Прошло совсем немного времени, и на одной из проходивших в нашей стране орнитологических конференций мы получили ещё более поразительное известие: реликтовых чаек в нашей природе больше нет. Все приезжавшие в этот район орнитологи обязательно захотели иметь в своих личных и университетских коллекциях экземпляры, а лучше – серии экземпляров нового вида. И все чайки были убиты!.. К счастью, позднее ещё одна небольшая гнездовая колония этого вида (в пределах бывшего СССР) была обнаружена в Казахстане на озере Алаколь. Так как вы думаете, стали ли мы умнее тех «малообразованных» охотников, истребивших в Америке миллиарды странствующих голубей?

СКОЛЬКО ЖИВУТ ПТИЦЫ?

Наверное, многие из нас задавались вопросом: сколько лет живут те или иные птицы, ну, скажем, эта вот повисшая сейчас на веточке вниз спиной маленькая синичка или такая же

кроха чечётка? То, что ворон живёт 300 лет, слышал едва ли не каждый из нас. А вот что можно прочитать о некоторых птицах в замечательном издании, коллективном труде извест-

Ворон (Ю. Артюхин)

ных орнитологов мира «Иллюстрированной энциклопедии птиц». Из приведённого в книге списка мы выберем только птиц, живущих и у нас на Камчатке. Так вот, один кулик-сорока, как оказалось, прожил 36 лет, полярная крачка – около 34 лет, скопа – более 32 лет, краквя – 29, пустельга – 16, обыкновенная кукушка – почти 13 лет. Из птиц отряда воробьиных одному снегирю удалось прожить 17,5 лет, на 5 лет меньше его жил свиристель, ровно 12 – домовый воробей и 10 лет – полевой жаворонок. Это предельный возраст особей, ставший известным учёным. Можно предположить, что единичные птицы названных здесь видов жили и несколько дольше. Кстати, об упомянутой выше чечётке: насколько мне известно из научной литературы, предельный возраст одной особи составил что-то около 12 лет. А в сказку о 300-летней продолжительности жизни ворона вы всё-таки не верьте.

В энциклопедии к приведённому выше перечню птиц-долгожителей нет пояснений: относятся ли эти данные к птицам, жившим в естественной природной среде. Как мы с вами знаем, особи, живущей вольной жизнью, приходится пройти много испытаний, избежать неисчислимого числа опасностей: уберечься от болезней, паразитов, спастись от хищников, пережить критические погодные условия, нехватку кормов и ещё ряд других смертельных случайностей. Вот почему гораздо дольше живут птицы в условиях зоопарков или в клетках серьёзных любителей птиц. Известно, например, что совы и орлы в условиях неволи жили по 50-60 лет.

А вот случай из моей жизни и из жизни моего друга – чижа Петьки, о котором я упоминал в первом разделе этой книги. Я не мог знать о его «возрасте» до поимки, у меня дома Петька прожил полных 12 лет. За эти годы на его жизнь покушались серый сорокопут и большой пёстрый дятел, погиб же он от рук маленьких, но очень плохих мальчишек.

Теперь, узнав о продолжительности жизни отдельных птичьих особей, ещё раз обратимся к вопросу о жизни целого вида. Он тоже имеет свой предельный возраст, достигнув которого, естественным путём вымирает. Сколько же лет «отпускается» Природой этой таксономической категории? Упоминаемый выше учёный Бродкорб сопоставил имеющиеся в науке данные по вымиранию птиц до 1600 года и рассчитал, что в плейстоценовую эпоху нашего четвертичного периода средняя продолжительность жизни вида составляла около 500 тысяч лет. В то же время известный учёный-орнитолог Джеймс Фишер писал: «Прежде чем на Земле появился человек, средняя продолжительность жизни отдельного вида птиц была свыше 2 млн лет, вида

Чиж

Занесённые в Красную книгу

млекопитающего – немного более 600 тыс. лет». Из книги Роджера Питерсона «Птицы» мы узнаём, что во время плиоценовой эпохи нашей планеты, окончившейся «за два миллиона лет до нашего времени, появилось немало видов, которые и сегодня летают над Землёй».

Сейчас на Земле обитают, как уже говорилось, около 9,3 тысячи видов птиц. Сопоставив все полученные наукой данные, Бродкорб и согласные с ним учёные подсчитали, что за счёт естественного, эволюционного процесса из фауны нашей планеты за столетие в среднем должны исчезать не более двух видов птиц. Следовательно, считают они, последние 300 лет птицы на Земле вымирали со скоростью, превышающей нормальную, в 15 раз.

Сильно завышенной эту оценку посчитал Д. Фишер, но и по его мнению вымирание птиц только по вине человека не менее чем в 4 раза превысило скорость естественной убыли видов. Как оказалось, наиболее существенные потери в видовом разнообразии планеты пришлось на пограничный период между XIX и XX столетиями, когда в течение 20 лет из фауны Земли в среднем ежегодно исчезал один вид птицы. Столь стремительное обеднение видового состава птиц могло сигнализировать о начале катастрофических изменений в жизни нашей планеты. Вот почему в научной и научно-популярной литературе вымирание видов животного и растительного миров год от года обсуждается всё с большей тревогой.

ПТИЦЫ И МЫ

Итак, мы видим, что за время активного освоения планеты человеком, всё большей его технической вооружённости, обеднение фауны Земли пошло с пугающей скоростью. Рассмотрим лишь некоторые причины этого «ускорения».

Люди, начиная с самых дальних наших предков, выжили и могли эволюционировать благодаря охоте на другие виды животных. Для отдельных народностей Земли, например для некоторых племён африканских пигмеев, этот вид деятельности остаётся единственной возможностью выжить и в наше время.

Что касается Африки, этим нас вроде бы не удивить. А вот как ещё совсем недавно к зимующим птицам относились в странах Западной Европы. В Испании на них охотились в течение 160, во Франции – 170 дней. Некоторые страны, привлекая охотников-туристов, разрешали им убивать до ста гусей и уток за один день. В Италии, по крайней мере до конца второго тысячелетия, охота на всех птиц, включая певчих и хищных, велась с августа по март – 200 дней в году. Только в этой стране ежегодно убивали и, боюсь, ещё убивают от 150 до 200 миллионов мигрирующих птиц. Из названной выше «Иллюстрированной эн-

циклопедии птиц» мы узнаём, что в государствах, расположенных по побережью Средиземного моря, на островах Крит и Мальта охотниками ежегодно убиваются 900 миллионов летящих с севера птиц, т. е. каждая седьмая мигрирующая особь. Притом к числу «охотничьих» здесь отнесены и самые мелкие певчие птицы. Ещё учась в институте, я читал, что в итальянских ресторанах пресытившийся богатый гурман мог заказать себе «рагу из соловьиных язычков».

Так или иначе, страсть к охоте живёт и, вероятно, будет жить в нас ещё очень и очень долго. И хотя современную любительскую охоту кто-то из нас считает признаком атавизма, «варварским пережитком», на Камчатке несколько тысяч человек без охоты на птиц не представляют себе жизни. Скажу сразу: я как орнитолог не могу согласиться с убийством птиц весной. И сейчас приведу самый живой пример последних лет. Как-то зимой ребята из рабочего персонала ООО «Согжой», кстати, страстные охотники, попросили меня поддержать в нашем питомнике диких гусей пару домашних уток. Увидев эти два потешные создания, я не смог отказать парням и, пожалуй, гораздо больше – этим несчастным уткам, так

как мой отказ для бедных птиц автоматически становился смертным приговором: в новогодние праздники их предполагалось съесть. Это был первый за 15 лет случай, когда я согласился взять в питомник домашнюю живность. Наш охранник – пёс Гром не в счёт. Меня, не уставшего удивляться совершенству форм диких птиц, эта пара потомков кряковой утки поразила своим совершенно умильным уродством. В окраске самца сохранялась вся природная красота его дикого предка – крякового селезня, серой, как дикарка, оказалась и утка.

Но своей статью эти два «потомка птиц» были похожи на какие-то пузатые лодки. Так вот, в середине марта их первой весны в питомнике в укромном месте зимовочного помещения наших гусей я обнаружил заботливо собранную кучку древесной стружки. Это оказалось утиным гнездом, в котором находились... 17 крупных яиц. Не трудно подсчитать, через сколько дней на одной из страниц моего дневника появилась запись о своего рода «юбилее»: наша плодовитая толстушка снесла 80-е яйцо. И она не могла остановиться и далее: ещё более двух месяцев подряд свежее яйцо в её гнезде появлялось ежедневно. Если бы тогда я сказал, что на днях убью эту утку, чтобы сварить себе лапшу, боюсь, вы все о моём психическом здоровье подумали бы очень плохо.

Такова ненадуманная, но заставляющая-таки задуматься иллюстрация к рассуждениям о целесообразности весенней охоты. Почему никто из нас никогда не убил бы свою домашнюю, несущую «золотые» яйца утку, но удачно «достав» выстрелом весной дикую крякву-самку, вряд ли долго сожалел об этом. Дикая утка за лето смогла бы воспитать 6-8 утят. Некоторых из них могли добыть охотники или хищники, некоторые погибли бы от других причин. А выжившие до следующей весны дали бы новое потомство, и так должен был продолжаться «род» этой птицы. Весной же с убийством утки-самки мы не только не досчитаемся тех шести молодых птиц к осени, мы никогда больше не увидим ни единой особи из убитых одним выстрелом всех поколений данной птицы. Так одним-единственным зарядом дробы мы высекаем в живом мире нашей планеты

Приёмные дети питомника – домашние утки

год от года расширяющуюся просеку смерти, бесконечный веер смертей.

Неисчислимое множество птиц в мире убила женская мода. Так, только в Венесуэле за один 1898-й год в угоду модницам было загублено более полутора миллионов белых цапель. В те же годы почти полностью эти птицы были истреблены в России, и охраняться в нашей стране белая цапля стала лишь в 1920-е годы.

С конца XIX века ради красивых шкурок и перьев в России тысячами уничтожались лебеди и фламинго (на Каспии во время пролёта). Моряки из кожных ножных перепонки

Белая цапля

альбатросов изготавливали кошельки, из костей – курительные трубки. Из Америки в Европу миллионами поступали шкурки некоторых видов колибри. В 1840 году из Южной Африки вывезли тысячу килограммов страусовых перьев, которые предназначались для изготовления вееров и дамских шляп. В 1910 году для этих же целей в Европу было направлено уже 370 тысяч килограммов перьев страуса. Страусы оказались на грани исчезновения.

Из-за изумительных по красоте перьев пострадали райские птицы Новой Гвинеи. Так вот, здесь надо вспомнить и о более отрадном примере: индейцы бразильского штата Мату-Гросу, Центральной Америки, не убивали и не убивают тропических птиц, перья которых используются как украшения. Птицу отлавливают, выдёргивают у неё несколько перьев и выпускают.

Невозможно не сказать здесь ещё об одной, крайне губительной для авифауны Земли, порождённой человеком причине – разрушении мест обитания птиц. Не обращаясь к примерам многих фаунистических потерь по

этой причине в глобальном масштабе, сейчас мы должны обратить внимание на наш край. В центре западного побережья нашего полуострова обитает локальная популяция одного из самых редких подвидов гуся – гуменника таёжного. Его также называют сибирским гуменником, а в Японии – гусём Миддендорфа. На прибрежной территории центральной части Западной Камчатки летом живёт (гнездится и линяет) до четверти мировой популяции этих находящихся в списках особенно уязвимых птиц мировой фауны. Ради сохранения таёжного и также гнездящегося в этом районе, правда, не столь пока малочисленного, восточносибирского гуменника, данный район был объявлен зоологическим заказником. В 1994 году постановлением Правительства России заказник и окружающая его территория признаны особо ценными в мировом масштабе, так называемыми Рамсарскими угодьями.

В 2007 г. нефтяная канадская компания «СЕР International Petroleum Ltd», обманув природоохранную общественность и чем-то очень заинтересовав официальные органы охраны природы Камчатки того времени, получила лицензию на проведение на этой территории взрывных сейсморазведочных работ.

А сейчас, дорогие жители Камчатки, я обращаю ваше внимание на только что ставший известным мне факт. Ряд последних лет, включая и нынешний год, 2014-й, международные группы орнитологов работают на приморских тундрах северо-востока Камчатки и Чукотки. Целью этих экспедиций является уточнение численности поистине уникального кулика – лопатня (*Eurynorhynchus pygmeus*). Вид этот чрезвычайно стенотопен, т. е. крайне требователен к определённым природным условиям. В чём бы хотела ошибиться всемирная группа учёных-орнитологов? В том, что сейчас на Земле осталось всего лишь (!) около 200 пар этих птиц. Но ещё десятилетие назад их было, по крайней мере, в десять раз больше! И последнее: вся популяция лопатня во время весенней и осенней миграций какое-то время проводит на отмелях реки Морошечной, на территории недавно ликвидированного зоо-

Гуменник

Лопатень на р. Морошечной (Ю. Герасимов)

логического заказника. Вся мировая популяция, насчитывающая лишь 200 пар!

Причин и способов уничтожения птиц человеком, приведших к тому, что сейчас многие виды стоят на едва заметной грани, за которой их ждёт небытие, ещё немало. У нас на Камчатке – это находящаяся на низшем пределе культура так называемой любительской охоты и отсутствие понятий об экологической этике

отдельных современных депутатов, ратующих за превращение заказников в охотничьи угодья. Задумайтесь над двумя цифрами: уже более тысячи из 9,3 тысячи живущих сейчас на Земле видов птиц подошли или подходят к этой предсмертной черте. Не говорит ли нам это о чём-то страшном, нависшем отнюдь не только над птицами? К несчастью, многим из нас не говорит. И мы в который уже раз слышим:

НУ, ВЫМИРАЮТ! А МНЕ ОТ ЭТОГО ХУЖЕ?

Большинству наших людей действительно некогда задумывать над тем, что сейчас серьёз заботит учёных. Не всем дано понять, что стремительная в наше время потеря видов вредит не только «безликой» природе, что этот процесс несёт серьёзную угрозу всему человечеству. Действительно, от полного исчезновения многих уже видов животных и растений род людской к грани вымирания, как кажется, ещё не подошёл. Впрочем, так думают далеко не все учёные. Некоторые из них считают, что при нашей экологической

культуре человечество по все более скользкой и крутой наклонности катится вниз, в пропасть не такого уж и далёкого небытия. Каждое живое существо – наш современник, живущий вместе с нами, людьми, «вжившийся» в настоящую среду при данных экологических условиях. И если какой-то вид вдруг резко начинает вымирать, это говорит о критическом изменении нашей жизненной среды, это сигнал тревоги для всех нас, людей.

Но не только ухудшение нашей с птицами среды обитания беспокоит учёных. Животные,

Занесённые в Красную книгу

эволюционировавшие в течение миллионов лет, несут в себе такой колоссальный объём информации, полностью осмыслить которую сейчас человечество просто не в состоянии. Мы с вами часто поражаемся рациональности Природы, и зёрна этой её необъемлемой мудрости поделены между едва ли не всеми живущими вместе с нами на Земле организмами. Человечество пытается разгадать, разузнать то многое, пока для нас сокрытое, что имеет в своей природной генетической копилке любое животное, любое растение. Масштабы этих загадок Природы поистине космические. Скрытым пока для нас объёмом генетической информации обладает практически каждый из существующих на Земле видов. Так вправе ли мы столь расточительно и бездумно уничтожать эту информацию?

Одни из нас, живущие сегодняшним днём, об этом не задумываются вообще. Другие надеются, что учёные-пессимисты слишком сгущают мрачные краски. В то же время сами учёные говорят о том, что, навсегда теряя тот или иной вид, мы теряем то, что нас могло бы значительно обогатить знаниями. И, как знать, может быть, эти вот потерянные знания при каких-то критических обстоятельствах и смогли бы спасти если не всё человечество, то значительную его часть. Как знать...

Давайте отвлечёмся на минутку и посмотрим на этот странный и въедливый народ – учёных. Иногда рабочий человек, производящий какую-либо жизненно необходимую всем нам прямо сейчас продукцию, с удивлением и непониманием смотрит на «ненормальных» людей, внимательно разглядывающих в траве каких-то «букашек», копающихся в содержимом кишечника животного, изучающих «птичек». И всё это они делают с серьёзным видом, будто от этого зависит их собственная жизнь. Ну что там можно изучать, и кому всё это нужно?! Сколько раз нам, орнитологам, приходилось видеть откровенно изумлённые или столь же откровенно насмешливые взгляды отдельных людей, услышавших о том, что мы «изучаем птиц».

С такими людьми мы с вами спорить не будем. Им, к примеру, никогда не понять американского учёного Майкла Дикинсона и его коллег, которые посвятили себя изучению не

то что птиц, а, «сказать смешно», – мух. Учёные умы поражаются способностям крохотного мушиного мозга к мгновенной обработке колоссальнейшего по нашим меркам объёма информации, необходимой для полёта, например, мухе-журчалке, да и той же дрозофиле. Учёные не просто удивляются этим способностям, они прилагают много сил, чтобы их разгадать. А этой разгадки, оказывается, ждут не только другие учёные, но и инженеры, и военные.

А скажите, какой внутренней «метеостанцией» должен обладать маленький жучок, чтобы весной на месяцы вперёд «знать» погоду будущего лета? Успеем ли мы овладеть секретами этого жучка? Известно, что некоторые обычно гнездящиеся на земле воробьиные птицы в какую-то весну вдруг строят гнёзда на зарослях прошлогодней травы, а то и поднимают их на кусты. И наблюдательные люди, не переставая удивляться предчувствиям птиц, знают: надо ждать высокого половодья. Жившие в нашем питомнике алеутские казарки, при наличии привычных им гнездовых домиков с обилием гнездостроительного материала, иногда могли построить примитивное гнездо прямо на земле. Значит, весна будет сухой и тёплой. В иной год уже в домиках они делали массивные, предельно утеплённые гнёзда, и это помогало нам заранее узнавать, что период насиживания птицами кладок, а это месяц май, будет необычно прохладным. Как птицы об этом узнают?

На Карагинском острове жил мудрый коряк Лазарев. Однажды, когда мы стояли с ним на берегу пролива Литке, Иван Тимофеевич сказал:

– Послезавтра будет сильный шторм, он идёт с севера.

– Как ты это узнал?

– Это мне сказали чайки. Я смотрю за ними с утра: они все летят на север.

– И что это значит?

– Они знают, что там, на севере, большие волны выносят на берега много корма.

И коряк оказался прав: село Ягодное штормовая погода накрыла через два дня, а пришла она с севера. Люди тундры веками впитывали в себя мудрость Природы, и, несомненно, только это помогло некоторым северным народностям дожить до наших дней.

ПУТЬ К КРАСНОЙ КНИГЕ

Задумывались ли наши дальние и не очень дальние предки о необходимости бережного отношения к диким птицам? Да. Один из авторов лондонского издания 1969 года «Красная книга. Дикая природа в опасности», уже упоминаемый нами Джеймс Фишер, пишет, что ещё в средние века создавались «охраняемые территории – охотничьи парки, порядки в которых, по существу, не отличались от тех, что существуют в современных африканских охотничьих резерватах или фазаньих хозяйствах Англии». А «более тысячи лет назад викинги устраивали птичьи заказники на острове Святого Кильда и других частях Гебридских островов, на Фарерских островах и в Исландии с очень строгими правилами. В большинстве мест они до сих пор процветают (морских птиц там и теперь столько же или даже больше)».

Из книги российского корифея орнитологии Г. П. Дементьева «Птицы нашей страны» мы узнаём о старейшей на Руси заповедной территории – «Государевой заповеди», образованной на «Семи Островах близ восточного Мурмана» ещё в XVII веке. Заповедным этот участок объявлялся ради охраны мест гнездования кречетов. И заповедник и кречеты здесь сохраняются и в наше время.

А вот ещё слова Д. Фишера из упоминаемой выше книги: «...но, кажется, эта мудрость была повсюду забыта во времена великих географических открытий и в особенности после промышленной революции и быстрого совершенствования огнестрельного оружия... в начале девятнадцатого века». Очевидно, что не согласиться с этим автором мы не можем.

Новая природоохранная волна движения в защиту птиц, уже основанная на неопровержимых научных данных, стала подниматься в мире в первые десятилетия XX века. В 1934 г. в Брюсселе было создано Международное бюро охраны природы. Позднее эта организация была преобразована в Международный союз по охране природы, а в 1956 году он был переименован в Международный союз охраны природы и природных ресурсов – МСОП. Цель этой организации – сохранение природы Земли.

В 1948 г. предшественник, Международный союз охраны птиц (МСОП), создал постоянную международную «Комиссию по редким и исчезающим видам», в которую вошли наиболее авторитетные учёные мира. В 1949–1954 годах эта Комиссия подготовила список редких, исчезающих и находящихся под угрозой исчезновения видов животных и растений планеты. Этот список впоследствии и лёг в основу первой Красной книги. Параллельно с «красным» списком Комиссия приступила к подготовке «чёрного» списка, в который заносились ставшие известными виды животного и растительного миров, исчезнувшие с лица Земли за период с 1600 по 1969 годы. В этом строго научном списке значились 94 вида вымерших птиц. По прошествии нескольких лет орнитолог К. Перрис сообщал: «Достоверно известно, что, начиная с семнадцатого столетия, с которого начинается эпоха регулярных географических и зоологических исследований, мировая фауна лишилась свыше ста видов птиц.

Объяснять кому-либо, что такое Красная книга, вероятно, не надо. Всем известно, что это аннотированный список видов животного и растительного мира, находящихся под угрозой вымирания. Но не все из нас задумываются над тем, чем потеря видов вредит природе, вредит, а то и несёт серьёзную угрозу всем

нам. Ну, вымрет там какая-то птица, травинка или муха, и что нам теперь – из-за этого расстраиваться? Действительно, от ухода в небытие многих уже видов животных и растений человечество на грань вымирания вроде как ещё не встало. Впрочем, так думают далеко не все учёные. Некоторые из них считают, что при

нашем современном отношении к экологии мы по все более скользкой и крутой наклонности катимся вниз, за теми видами, которые по нашей вине на планете Земля не появятся уже никогда.

В июле 1966 г. Международный союз охраны природы (МСОП) издал первую «Красную книгу фактов». В её списки были внесены 312 видов и подвидов птиц, благополучие и состояние численности которых внушали серьёзные опасения. Шестью годами позже, в 1972 г., список «краснокнижных» видов насчитывал 341 вид и подвид авифауны Земли. В 1977 г. их стало 437. В настоящее время перед угрозой вымирания стоят уже свыше тысячи видов, то есть состояние каждого девятого из ныне живущих видов птиц вызывает опасения учёных. И это не должно оставить равнодушным, должно серьёзно тревожить каждого нормального человека планеты.

Уже первое издание «Красной книги» за-

ставило всерьёз обратить внимание на бедственное положение многих видов животных не только учёных, специалистов в области охраны природы, но и правительственные структуры и общественность большинства стран мира. Призывы к принятию срочных мер по спасению этих видов и их охране приняли уже глобальный характер. Сразу же следом за опубликованной международной Красной книгой стали появляться региональные и национальные Красные книги, приниматься соответствующие законодательные акты.

В 1974 г. была учреждена, в 1978 году опубликована «Красная книга СССР». Уже были подготовлены и стали выходить Красные книги отдельных республик. В июле 1982 года учреждена «Красная книга РСФСР», в 1983 году вышел в свет её 1 том — «Животные».

Было похоже на то, что люди вдруг осознали всю опасность потери видов животного и растительного миров.

В 2006 году коллективом камчатских учёных-зоологов подготовлен 1 том «Красной книги Камчатки» – «Животные». В этот том, кроме моллюсков, насекомых, рыб и млекопитающих, вошли 60 видов и подвидов птиц.

Так стало известно, какие птицы нашего края требуют к себе повышенного, особого внимания. А поскольку мы уже знаем, что красный цвет – это цвет предупреждения, а Красная книга включает в себя виды, находящиеся в опасности, значит, наше внимание к названным видам птиц, как, впрочем, и других животных, не может быть пассивным. Надо отметить, что, указывая в этом важном издании виды животных, авторы совсем не предполагали, что все они должны быть немедленно запрещены к добычанию или требуют срочных чрезвычайных мер защиты. Иногда для помощи тому или иному виду животного мира требуются меры глобальных или межгосударственных масштабов, иногда хватит мероприятий, предпринимаемых в пределах такого региона, как наша Камчатка. Если же возникают задачи локального характера, например, по сохранению уникальной колонии какого-то вида чаек, может хватить строгих мер и на более ограниченной территории: в заповеднике, природном парке, заказнике или даже на отдельном острове.

В «Красной книге Камчатки» указываются меры для сохранения тех или иных видов птиц (как и других животных) в пределах нашего края. И, конечно же, самой первой задачей специалистов является уяснение причин сокращения ареала, неожиданного спада численности или естественной малочисленности того или иного вида. Обстоятельства эти могут быть естественными, не зависящими от нас, либо являться следствием деятельности человека. Рассмотрим их применительно к Камчатке.

Учёные знают, что ареал большей части видов птиц постоянных границ не имеет. Область обитания таких таксонов может разрастаться или сокращаться, может периодически «пульсировать». В первом случае это происходит при расселении каких-то более «прогрессивных» видов, способных быстро адаптироваться к новым экологическим условиям. Это, как правило, характерно для видов более молодых. Во втором случае ареал какого-то вида и даже отряда начинает сокращаться. Это сокращение, скорее всего, пойдёт с периферийных областей района обитания птицы. Камчатка в силу своего географического положения является периферийной зоной обитания для целого ряда таксонов орнитологической номенклатуры.

ЕСТЕСТВЕННЫЕ ПРИЧИНЫ МАЛОЧИСЛЕННОСТИ ПТИЦ КАМЧАТКИ

Все мы имеем представление об определённой сбалансированности в природе. Знаем, что, например, кукушек ни при каких обстоятельствах не может быть столько же,

сколько певчих птиц, а численность соколов-кречетов или ястребов-тетеревятников на Камчатке не сравняется с таковой озёрных чаек.

ОБЩЕЕ СНИЖЕНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ ВИДА В МИРЕ

Малочисленность, в том числе критическая, того или иного вида птиц на Камчатке может быть следствием общего сокращения численности таксона в мире. Показательна в этом плане история **гуся-сухоноса**.

О том, что этот гусь встречался на полуострове в прошлом, мы узнаём из находки археологов. Кость сухоноса была обнаружена

ими на месте древней стоянки людей, живших на северо-западном побережье Камчатки более тысячи лет назад. В 20-м столетии этого гуся орнитологам на Камчатке удалось встретить только дважды. Правда, нельзя утверждать, что его не добывали охотники. Последний раз одиночную особь мы наблюдали и сфотографировали в Тигильском районе

Занесённые в Красную книгу

Сухонос

в заказнике на реке Морошечной. Сухонос находился в стае линяющих сибирских гуменников.

Как мы видим, в давние годы сухонос мог стать добычей жителей полуострова, однако это совсем не значит, что причиной возможного исчезновения его с Камчатки стал человек. Наши современные знания говорят о всеобщем сокращении ареала этого гуся. Не исключено, что причиной этого стало естественное старение данного таксона. Как вид, дикой популяции которого грозит полное исчезновение, сухонос включён в «красные» списки МСОП и, естественно, Красную книгу России. Вместе с тем, сухоносы успешно разводятся в условиях неволи.

Сообщения об отстреле на Камчатке **чешуйчатого крохалея** мы получали от охотников неоднократно. Но, признаться, в отношении этих сведений я долгое время сохранял значительную долю скептицизма. Мы просто

не имеем права тотчас принимать на веру подобные сообщения. Насколько известно, крайне ограниченная, ближайшая к Камчатке территория гнездования этой редчайшей птицы мировой фауны находится в долине реки Амур. Из литературных источников мы знали о находках единичных чешуйчатых крохалей на Командорских островах, одна птица якобы наблюдалась на Камчатке в бухте Ольга. Но эти сведения можно было отнести к редчайшим разовым залётам. О птицах, залёты которых на Камчатку отмечались один-два раза, мы скажем ниже, такие в списки Красной книги Камчатки не включались.

Вместе с тем, по мнению орнитологов, для жизни чешуйчатого крохалея полуостров Камчатка имеет достаточно обширные по площади, идеальные по экологическим условиям возможности. Популяция этого вида может успешно существовать, например, в речных долинах среднегорья как Западной, так и Восточной Камчатки. Сравнительно недавно мы получили надежду на то, что эта птица может быть исконным обитателем нашего региона. Эту надежду поддерживает фотография самца чешуйчатого крохалея, добытого охотниками в Соболевском районе. Фото предоставил нам охотовед Юрий Петров. И включение данного вымирающего вида мировой фауны в списки особо охраняемых птиц Камчатки вполне оправдано.

То же самое мы можем повторить и в отношении не менее редкой, очевидно, реликтовой птицы авифауны мира – **охотского улиты**. На Камчатке в 1970-х годах в руки учёных попали две особи этого вида, добытые одна около мыса Амбон, другая – в полусотне километров южнее – в приустьевой части реки Морошечной. Отстреляны они были по элементарному незнанию данной птицы. В последующие годы в период весенней миграции здесь же немногочисленные токующие в воздухе охотские улиты наблюдались неоднократно. В Кроноцком заповеднике также токующего охотского улиты отметил Е. Лобков. Ближайший к Камчатке известный нам район гнездования этого вида – остров Сахалин.

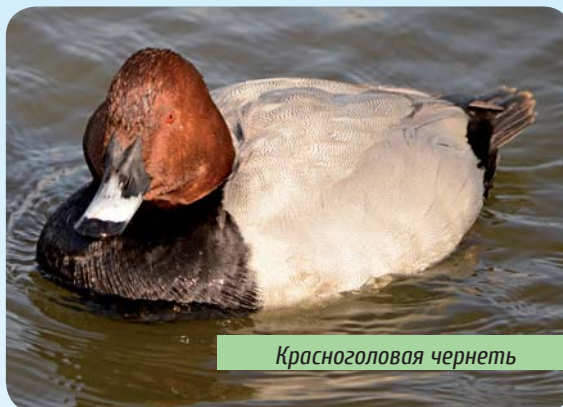

МАЛОЧИСЛЕННОСТЬ НА ПЕРИФЕРИИ АРЕАЛА

Крайне малочислен на периферии своего ареала, в пределах Камчатки, чирок-клоктун. Гнездование его в крае пока известно только в Олюторском районе, на юге полуострова он отмечался в добыче охотников лишь во время миграций.

Редка на Камчатке и красноголовая чернеть. Утку этого вида с птенцами нам удалось видеть только в Усть-Камчатском районе на озере Харчинское. Однако во время весенних учётов птиц в Тигильском районе красноголовых чернетей, пролетающих далее на север, мы отмечали каждый раз.

Повторюсь: одной из причин сокращения общей численности птиц какого-то вида, и, соответственно, сокращения площади его ареала может быть деятельность человека.

Красноголовая чернеть

Однако в исчезновении с Камчатки, снижении численности или общей малочисленности приведённых выше шести видов прямой вины жителей полуострова нет.

ВСЕЛЕНИЕ НА КАМЧАТКУ НОВЫХ ВИДОВ

Редкими на Камчатке могут быть и птицы, численность которых в нашей и в других странах достаточно высока. И здесь, очевидно, в самый раз обсудить причину включения в списки Красной книги Камчатки **белой и серой цапель**. Две эти птицы в последние годы появляются на нашем полуострове всё чаще. Обычно их встречают поодиночке, но кое-где наблюдаются и сразу две особи одного вида. Мне с двумя серыми цаплями как-то посчастливилось встретиться в Усть-Большерецком районе на реке Большой. Тогда я отметил, что местные охотники реагировали на них достаточно спокойно. Правда, не знаю, все ли. Хотелось бы верить, что мы с вами присутствуем при попытке гнездования на Камчатке сразу двух новых видов этих пока ещё непривычных для полуострова красивых птиц.

Сам факт заселения территории новым видом, идущий естественным путём, интересен с точки зрения науки, и в частности – экологии. А представьте себе, что красавица белая цапля или не менее экзотичная для севера цапля серая будут спокойно прогуливаться по берегу Култучного озера. Какую массу эстети-

Серая цапля

Занесённые в Красную книгу

ческих, эмоциональных ощущений это вызовет у всех нас. Сейчас же мы с вами должны постараться, чтобы и люди с ружьями поняли, что живая цапля, пусть пока на берегах рек, удалённых от населённых пунктов, значительно более ценна для Камчатки, чем её чучело в комнате.

Залетали на Камчатку и другие цапли, например **рыжая** и совсем уж экзотичная для нас **средняя белая**. Убитых птиц этих видов мне доставили из Усть-Большерецкого райо-

на. Печально, что их убили, хоть сколько-то от- радно то, что коллекционные тушки этих осо- бей сейчас хранятся в музее МГУ. Единичных залётов на Камчатку разных птиц мы насчиты- ваем не один десяток. В числе таких находок можно, например, назвать **чёрную крякву, восточную тиркушку, большого козодоя, удо- да** и других. Включать этих «заблудившихся» птиц в Красную книгу Камчатки в качестве особо охраняемых видов края орнитологи посчитали нецелесообразным.

ЗАЛЁТЫ ПТИЦ ТОЛЬКО В ПЕРИОДЫ МИГРАЦИЙ

К числу естественно редких относится и значительная группа птиц, появляющихся в пределах Камчатского края во время мигра- ций, кочёвок или на зимовке, хотя и ежегодно, но в крайне малом числе. Из гусеобразных птиц это, прежде всего, **пискулька, белый гусь, белошей, малый лебедь**.

Несколько обособленно от этих четырёх видов мы рассмотрим двух других наших «краснокнижных» гусеобразных птиц, еже- годно посещающих камчатские прибрежные воды. **Американская или тихоокеанская чёр- ная казарка** ежегодно поздней осенью в чис- ле не менее пяти тысяч особей появляется на лиманах рек юга Карагинского района. Больше всего этих гусей наблюдается в лагуне Маламваям. Во время морских отливов они вылетают на прибрежные отмели, где кормят- ся zostерой, с приливом же залетают в лагуну и в приустьевые лиманы ближних к ней рек на отдых. Стаи чёрных казарок прилетают на Камчатку из дальневосточного Заполярья

и практически до зимы отдыхают здесь перед последним миграционным броском к берегам Японии. Чёрная казарка как малочисленная птица фауны страны включена в Красную кни- гу России, и уже только поэтому она должна была быть в Красной книге Камчатки. Для со- хранения этой птицы на юге Карагинского района в 1989 году был образован зоологи- ческий заказник «Лагуна казарок». Сейчас эта территория статус заказника потеряла, и восстановление его зависит только от руко- водства Камчатского края.

Ещё одним особо охраняемым видом на- шей страны и Камчатки является **сибирская (Стеллерова) гага**. В отличие от других круп- ных видов гаг, эта морская утка имеет отно- сительно мелкие размеры, за что её иногда называют малой гагой. В числе до 5 тысяч особей она ежегодно проводила сезон линь- ки у берегов Карагинского острова, зимой же довольно обычна в прибрежных морских водах Камчатки.

МАЛОЧИСЛЕННОСТЬ КАК СЛЕДСТВИЕ ОГРАНИЧЕННОСТИ АРЕАЛА

И, наконец, малочисленность каких-то птиц может диктоваться ограниченностью территории их распространения. Естественно ограниченной жизненной территорией может быть по причине специфических требований вида к экологической среде, либо при труд- ности или невозможности преодоления есте- ственных же преград для заселения более обширного жизненного пространства. Этот

последний фактор и определил места в Крас- ной книге Камчатки нескольким видам и под- видам птиц Командорских островов.

Итак, в региональном «краснокнижном» списке находятся пять островных подвидов птиц: **командорская тундряная куропатка, командорский берингийский песочник, ко- мандорский тихоокеанский чистик, коман- дорский крапивник и командорский амери-**

Тундряная куропатка Командорских о-в (Ю. Артюхин)

канский вьюрок. Интересно, что названные подвиды, кроме района обитания, объединяет ещё одна особенность: все они (иногда часть популяции), даже насекомоядный крапивник, являются оседлыми птицами данного архипелага.

Что мешает названным птицам заселить экологически сходные ниши полуострова Камчатка? Для тундряной куропатки несомненным, для крапивника – серьёзным препятствием к переселению с Командор на Камчатку является широкое водное пространство. Такое препятствие обычно называют географическим, иногда – психологическим, барьером. Преодоление этого барьера вероятно, не было бы трудным для остальных трёх подвидов,

как и для двух гнездящихся на Командорских островах «краснокнижных» же **серокрылой чайки** и **красноногой говорушки**. Однако заселению ими новых пространств, скорее всего, противодействует такой экологический фактор, как конкурентные отношения с близкими видами. Подходящая для серокрылой чайки и говорушки экологическая ниша полуострова Камчатка достаточно плотно заселена тихоокеанской чайкой и моевкой.

Некоторые из названных командорских птиц были встречены на Камчатке. Пока не известны случаи залётов на полуостров островных подвидов тихоокеанского чистика и американского вьюрка. И, скорее всего, никогда самостоятельно проникнуть на Камчатку не сможет командорский подвид тундряной куропатки.

Кстати, в списках следующего издания Красной книги Камчатки, очевидно, надо ожидать появления ещё одного островного подвида – **карагинской тундряной куропатки**. Он совсем недавно описан московским орнитологом В. Редькиным. Этот подвид, как и командорский, достаточно долго прожил в островной изоляции и приобрёл морфологические признаки, заметно отличающие его от камчатских популяций вида.

НЕГАТИВНЫЕ ВЛИЯНИЯ АНТРОПОГЕННОГО ХАРАКТЕРА

На Камчатке несколько тысяч человек не представляют себе жизни без охоты. При моём личном неприятии весенней охоты на птиц я не рискну осуждать рабочего механического цеха или портового стропальщика, которые не отдадут разрешённые им дни охоты на уток даже ради отдыха на лучшем заграничном курорте. Нам же не придёт в голову осуждать того, кто не мыслит своей жизни без классической музыки, театра, картинных галерей, живёт этим год и два, после чего улетает с Камчатки в отпуск «на материк» лишь затем, чтобы с головой окунуться в мир искусства. Кто-то из нас живёт мечтой о встрече с незнакомыми странами. Эти влечения мы

и называем страстью. Так вот, есть среди нас и страстные охотники. И для них охотничьи зори на глухариных токах, туманные рассветы на берегах рек всегда будут милее «каких-то там» экзотических стран.

А сейчас попробуем беспристрастно посмотреть на культуру любительской охоты наших земляков. «Правилами производства охоты» на Камчатке предусматриваются допустимые нормы возможной добычи птиц за один день. Так, скажем, весной охотнику будет разрешено добыть не более пяти уток за один день и максимум два гуся за весь срок весенней охоты. Давайте условно соберём вместе сто охотников и попросим их за эту

Занесённые в Красную книгу

Свиязь и кряква (Ю. Герасимов)

Большой крохаль (Ю. Герасимов)

норму проголосовать. Уверен, что мы увидим сто поднятых рук.

Но представим, что нашим охотникам неожиданно повезёт, и они попадут в условия небывало обильного пролёта, когда стаи гусей или уток целый день будут подлетать и подлетать на выстрел одна за другой. Такое у нас случается. И поверьте: из ста названных выше охотников мы с вами захотим благодарно позвать руку совсем-совсем немногим. Большая их часть будет стрелять и убивать, пока не кончатся патроны. Мне неоднократно приходилось видеть таких «культурных охотников» и рыбаков-спиннингистов, которые при подвернувшейся «удаче» быстро теряли облик цивилизованного человека. И вот пример: один из охотников посёлка Усть-Большерецк сообщил моему сыну, что весной 2007 года поохотился «очень хорошо» – убил 24 гуся. Сколько ушло птиц подраненными, он не считал.

В тот же год (могу на год ошибиться) группа «охотников» была высажена на реке Сопочной. Просили пролететь севернее, командир Ми-8 не согласился: «Дальше река Морошечная, заказник!». Погода испортилась – сильный северный ветер, снегопады. А гусь «пошёл»: птицы летели навстречу ветру почти над самой землёй. Люди их расстреливали. Отдельные стаи гусей, встретив на Морошечной настоящую зиму, возвращались, их убивали опять. Так вот, один «культурный» охотник тогда убил 46 гуменников. Об этом преступлении мне лично рассказал участник той бойни. Назвать убийцу птиц отказался. Я лишь понял, что он не был «простым работягой».

И ещё один пример. Уже более двадцати лет назад, сидя на берегу Авачи у вечернего костра, я услышал:

– Скажи, ты давно добывал гоголя?

– Давно. Лет шесть-семь назад, а то и больше.

– Да и я не меньше. И больших крохалей не видно. А ты же знаешь, как красиво, с каким хлопком об воду он падает после выстрела. Правда, больно уж крепок на убой: если только подранишь, нырнёт, и больше ты его не увидишь.

– Его же есть невозможно, рыба сплошная. Собака не каждая есть будет.

– Да, я знаю. Зато какой он красавец! И как красиво падает!

Сейчас ещё раз вернёмся к «моде». В несоразмерно, конечно же, меньших масштабах, но по этой причине погибали и птицы Камчатки. Однажды в 1970-х годах в Халактырском аэропорту сотрудники милиции задержали возвращавшегося с реки Жупановой из экспедиции человека, убившего пять лебедей-кликунов. При нём находились шкурки птиц, специально обработанные для изготовления женских шапочек. Браконьер был осуждён, получил реальный срок заключения. Некоторое время спустя у меня, охотинспектора, состоялся разговор с одним из руководителей этой экспедиции.

– Как вы могли посадить человека в тюрьму за каких-то птиц? – возмущался он.

– Судил его не я, но с приговором согласен. Убийство лебедей для изготовления шапочек преступно. Но если бы я, встретив вашу экспедицию в лесу, увидел, что у вас кончились продукты, что люди реально голодают, сам пошёл

бы и добыл для вас лебедя. Я отстрелял бы птицу, на которую в другой ситуации не поднимал и, надеюсь, не подниму ружья.

На самом же деле когда-то такая мысль у нас возникала. Однажды в конце зимы я – охотовед и учёный-зоолог Юрий Афанасьев находились на полевых работах в предгорьях Соболевского района. Мы долго ждали вертолёт. Шли дни, но по какой-то причине за нами не прилетали. Впрочем, такое в те давние уже годы случалось нередко. Из продуктов у нас оставались только сухари, чай мы заваривали берёзовой чагой. А не более чем в километре от нас на незамерзающей протоке жила семья лебедей. На маршрутах мы неоднократно проходили на виду у птиц, и сейчас они нас не очень опасались. Где-то через неделю вынужденной чисто «сухарной» диеты мы установили для себя трёхдневный срок. По его истечении я решил отстрелять молодого лебедя. Три дня миновали, и рано утром мы с Юрием пришли на протоку. Птицы насторожились, смотрели на нас, мы – на них.

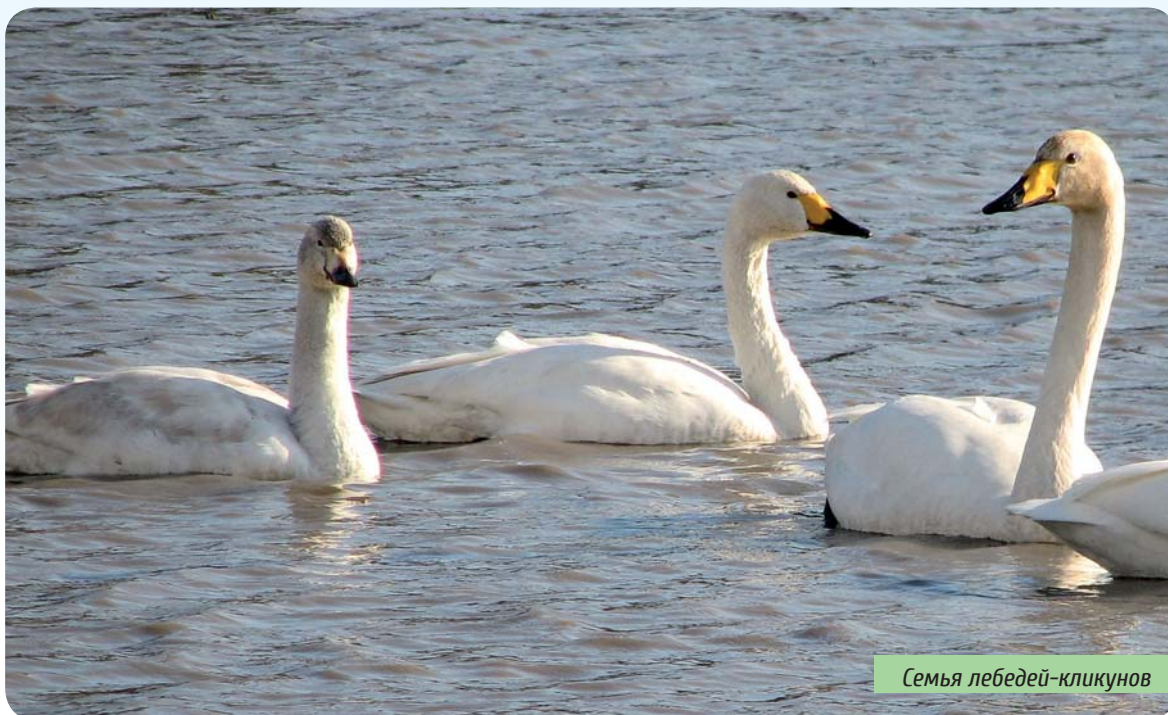
– Юра... – начал я.

– Я с тобой согласен, – не дал договорить он, – давай отложим это до завтра, до... потом.

Мы с ним приходили на протоку ещё дважды, и, посмотрев на птиц, уходили. Так прошла неделя, и за нами, наконец, прилетел Ми-4.

В 1970–1980-х годах многие на Камчатке захотели вдруг иметь у себя дома чучело орла, сокола, ястреба. И в жертву этой моде были принесены сотни орланов, беркутов, кречетов, тетеревятников. Некогда величественные орлы, стремительные соколы, превращённые в жалкие подобию птиц, пылились на дачах, в углах квартир, пока не были вынесены к мусорным ящикам. Впрочем, мода на такие чучела на Камчатке совсем так и не умерла.

В числе этих причин, кроме полного отсутствия культуры любительской охоты, лежит недостаточная информированность охотников о редких, очень редких и редчайших птицах, оказавшихся сейчас на страницах Красной книги Камчатки. Будучи охотинспектором, каждое открытие охоты на птиц я встречал на берегу Авачинской бухты. Тогда, в 1960–1970-е годы, к устьям рек Авачи и Паратунки выезжали сотни охотников. Несколько раз в эти дни, наблюдая за низко летящим над дельтой Авачи белоплечим орланом или лебедем, я буквально со сковывающим меня

Семья лебедей-кликунов

Занесённые в Красную книгу

Озёрная чайка в зимнем оперении (Ю. Герасимов)

напряжением ожидал, что кто-то сейчас по птице выстрелит. К счастью для птицы, да и для потенциального браконьера тоже, этого не случилось ни разу. Я надеюсь, что и сейчас редкий человек с ружьём сможет выстрелить в лебедя, розовую чайку, орла беркута. И дело здесь в том, что о лебеде, розовой чайке как о неприкосновенных птицах мы все были наслышаны давно. Много внимания уделено и хищным птицам. Зато о пугающе резком снижении численности какого-либо кулика узнают только орнитологи.

В достаточно давние уже годы Камчатку посетил один из первых космонавтов. Шла миграция среднего кроншнепа, и охотведы-инспектора пригласили гостя на охоту. Вы-

ехали на Халактырский пляж, там разошлись по местам и стали ждать подлёта куликов. Но птиц не было, частые выстрелы раздавались только со стороны гостя, и охотоведы за него радовались. Космонавт подошёл к костру, весь обвешанный «дичью». Стрелком он оказался отменным, только не был настоящим охотником: вместо куликов, откровенно заблуждаясь, настрелял молодых озёрных чаек.

Массовое развитие браконьерства на Камчатке наметилось в т. н. «перестроечные» годы. Пытаясь «перестроиться» и не зная, как это делать, чиновничий аппарат в Москве внёс изменения в «Типовые правила охоты». Изменены были и правила охоты Камчатки, в результате «охотничьими птицами», кроме 15 видов куликов, едва ли не всех чистиков, стала считаться даже озёрная чайка.

Отличить в природе (и узнать в убитой птице) редчайшего кулика мировой фауны – охотского улита от улита большого, мородунки и даже большого песочника не в состоянии ни один камчатский охотвед-инспектор. Потому на Камчатке не может быть действенного контроля над правильным ведением охоты на птиц. И очень серьёзную опасность для редких птиц Камчатского края представляет развитие массового браконьерства в зоологических заказниках.

НАРУШЕНИЕ МЕСТООБИТАНИЙ

Потеря какого-либо вида или всей популяции птиц в регионе не обязательно может стать следствием бесконтрольной охоты. Достаточно нарушить привычную для птиц экологическую обстановку в районе гнездования или линьки. Мы с вами уже говорили о получении канадской фирмой лицензии на проведение работ по выявлению запасов нефти на территории важнейших орнитологических заказников Камчатки. Река Морошечная издавна была известна местному населению как «гусиный роддом». Лицензии на нефтегазодобычу добывались (возможно, безуспешно) и на территорию заказника «Утхолук». Я повторюсь: оба названных заказника являлись ценнейшими природными

территориями Дальнего Востока России, специальным постановлением Правительства России им был придан статус особо охраняемых территорий международного значения. И сейчас, когда я завершаю написание этой книги, заказников уже нет, их победило желание отдельных чиновников «наследить» в недавно ещё закрытых для них заповедных природных местах. Безусловной виной тому стало и отсутствие понятий об экологической этике у «перестроечного» природоохранного чиновничества.

Большой крохаль и луток – в нашей Красной книге. Недалёк день, когда на её печальной странице «пропишется» и **гоголь**. Одна из причин их малочисленности – недостаточность

необходимых для гнездования дуплистых деревьев. Такие деревья, зачастую являющиеся сухостойными, охотники-промысловики вырубают при заготовке дров. По мере уменьшения пригодных для птиц дупел несколько гоголей-самок могут откладывать яйца в одно гнездо, и часто в нём скапливается столько яиц, что они уже не могут быть насижены. В результате природа «недополучает» сразу несколько

выводков этих и без того редких птиц. Кроме того, гоголь, считающийся престижным охотничьим трофеем, всегда охотно подсаживается к утиным чучелам, становясь для охотника добычей очень лёгкой. Часть камчатской популяции большого крохалея, проводящая период линьки в прибрежных морских водах, гибнет при практикуемом морскими судами сбросе за борт загрязнённых нефтепродуктами вод.

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ БЕСКУЛЬТУРЬЕ

Совершенно особое место в числе ныне оберегаемых принадлежит хищным птицам. Перед этим отрядом пернатых мы, люди, очень виноваты. В нашей стране кампания против птиц, имевших острый загнутый клюв и острые когти, велась не один десяток лет. Безусловными врагами живой природы тогда были объявлены ястребы – тетеревики и перепелятники, болотный лунь и филин. За предоставленные охотником вещественные доказательства их убийства – «лапки» с острыми когтями выплачивались премии. Надо ли говорить, что охотники отстреливали всех хищных птиц и сов без разбора. В разгар этой варварской бойни одна из моих институтских курсовых работ получила название «В защиту хищных птиц». Она была оценена на «отлично». Зато эпитет, которым за то же награждал меня один из учёных, апологетов той несправедливой «войны», говорил далеко не в мою пользу.

В Красной книге Камчатки записаны девять хищных птиц, семь из них мы видим и на страницах Красной книги России. В списках последней нет только ястреба-тетеревики и полевого луны. Но это лишь потому, что ни тот, ни другой виды в нашей стране не редки. На Камчатке же они действительно малочисленны. И совершенно особое место принадлежит встречающейся только на Камчатке светлой, иногда кажущейся чисто белой, цветовой морфе тетеревики. Светлый камчатский тетеревик стал вожаком добычей браконьеров, занимающихся отловом и продажей живых хищных птиц.

Особенно же от браконьеров, промышленных торговлей птицами, в наше время страдают **кречеты**. На Камчатке много лет появлялись эмиссары, в том числе иностранцы, разных нелегальных и полунелегальных фирм, питомников, якобы занимающихся благородным делом разведения редких хищных птиц в целях поддержания их численности в природе. Фактически они являлись преступниками, пользующимися слабым природным законодательством. В 2007 году у них были изъяты и возвращены в природу 26 кречетов, в 2013 году только в одной задержанной партии было 60 кречетов и сапсан. Сейчас в России, наконец-то, принят закон об уголовной ответственности за эти преступления.

В прошлом значительное число крупных хищных птиц – беркутов, белоплечих и белохвостых орланов пострадало от охотников-промысловиков, добывающих пушных животных. В бытность мою главным госохотинспектором Камчатки передо мной как-то повинулся один такой охотник:

– Я прекрасно знаю, что убивать этих птиц нельзя, – рассказал он. – Но представь себе: за весь этот неудачный сезон я поймал всего пять соболей, и четырёх из них у меня съели или изорвал этот беркут. Он хорошо узнал мои промысловые путики и проверял их раньше меня. Иногда, где лес погуще, к капканам шёл по моей лыжне пешком. На путике я его и застал. И убил. А теперь, чтобы очистить свою совесть, я пришёл к тебе.

Можно ли в такой ситуации винить охот-

Занесённые в Красную книгу

Изъятые у браконьеров молодые тетеревики

Ульяна Трофимова рядом с изъятими кречетами

ника, как и орла тоже? Я посчитал, что нет. При подобных обстоятельствах больше всего орлов и орланов погибало в годы, не урожайные на рыбу и зайцев в лесу. Обсуждалась и признавалась очень правильной идея материальной компенсации охотнику за нанесённый хищными птицами ущерб. Но реального воплощения она не получила.

Лет тридцать назад большой интерес к приобретению крупных хищных птиц с Камчатки проявляли зоопарки страны и зарубежья. Однако вывоз их за границы региона и, тем более, через границы государственные, был перекрыт. Хочется надеяться, что в настоящее время беркут и оба наши орлана от бессмысленного браконьерского выстрела не гибнут.

АККЛИМАТИЗАЦИЯ, ЗАВОЗ ХИЩНИКОВ, СПОНТАННОЕ ВСЕЛЕНИЕ НОВЫХ ВИДОВ

В «Иллюстрированной энциклопедии птиц» приводится история, «героиней» которой стала кошка смотрителя маяка на одном из маленьких островков, находящихся у побережья Новой Зеландии. Однажды кошка принесла своему хозяину неизвестную науке птичку. По охотничьему кошачьему трофею учёные описали её под именем новозеландского крапивника. А затем в течение полугода эта кошка «прикончила» всю «мировую популяцию» вновь открытых с её помощью крапивников. Так только что открытый вид исчез с лица планеты навсегда.

В 1966–1978 годах несколько полевых сезонов я изучал птиц Карагинского острова.

Этот большой, площадью в 2 тысячи квадратных километров остров, лежащий у побережья северо-восточной Камчатки, богат птицами, и особенно многочисленны на нём птицы морские. О том, что Карагинский остров недавно подарил нам новый подвид тундряной куропатки, я уже упоминал. Уверен, что учёных-зоологов на острове ждут ещё не менее приятные научные сюрпризы.

Одним из замечательных отличий Карагинского острова является отсутствие на нём нескольких видов хищных зверей, и это, несомненно, ежегодно спасает от гибели не одну тысячу птиц. Однажды мне стало известно, что один из научных сотрудников без советов

с более грамотными коллегами ведёт переговоры с учёными Новосибирска о вселении на Карагинский остров европейской норки. Эта акция нами была приостановлена. А птиц острова, как стало известно, ждала новая, хотя и не столь масштабная, беда: в посёлке Островном поселился человек, у которого жили более двадцати кошек.

В нескольких десятках километров к северу от Карагинского острова в море находится небольшой островок Верхотурова. В числе других морских птиц там живут и включённые в Красную книгу Камчатки мелкие чистиковые птицы – **конюга-крошка** и **белобрюшка**.

Из наземных хищных животных на острове Верхотурова издавна обитала крошечная популяция белых песцов. Их основным кормом являлись так называемый морской выброс, погибшие взрослые птицы или выпавшие из гнёзд морских птиц птенцы. Песцы в данной экосистеме являлись скорее санитарами, чем хищниками. Установившееся природное равновесие было нарушено с приходом (очевидно, зимой по льду) на остров Верхотурова нового хищника – горноста. С появлением этого животного некоторое время считалось, что на острове Верхотурова исчезли едва ли не все конюги-крошки.

Несколько десятилетий назад мы пережили период, когда работники охотничьего

Следы разбоя вороньей пары на оз. Харчинском

хозяйства стремились расселить возможно большее число разных видов диких охотничьих животных на возможно большей территории страны и Камчатки в частности. Серьёзные учёные предостерегали от бездумного вселения новых видов в устоявшиеся биологические системы. И во многом были правы. Внедрённые животные неизбежно привносят в местную фауну новых паразитов, болезни, начинают конкурировать с местными видами во всех их жизненных сферах. Исключительно серьёзный ущерб Природе Камчатки, её птичьему населению был нанесён акклиматизацией норки американской.

ОТСУТСТВИЕ ДЕЙСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ

Прошедшие в 1990 – начале 2000-х годов неоднократные реорганизации природоохранных служб России крайне отрицательно отразились на сохранении Природы Камчатки. В 1960–1980-х годах в числе главных «врагов» живой природы полуострова числились военнослужащие, работники геодезических и геологических экспедиций. И в наше время, в начале нового тысячелетия, пере-

дачу в подчинение геологам едва ли не всех природоохранных служб можно считать полным юридическим нонсенсом. Охрана птиц на Камчатке всегда являлась обязанностью охотоведов и егерей службы государственного охотничьего надзора, общества охотников. В последние, так называемые «перестроечные» годы эти службы низведены до полного беспорядка.

Поцелуй утёнка

БЕСЕДА ШЕСТАЯ

Люди и птицы – жизнь в согласии

Жить в согласии с Природой, со всеми её составляющими – это идеал, к которому мы с вами должны стремиться

НАШ КОНФЛИКТ С ПРИРОДОЙ НЕИЗБЕЖЕН...

Мы с вами уже знаем, что птицы – существенная и неотделимая составляющая биосферы нашей планеты. И стремление жить в согласии с птицами – это значит жить в согласии со всей нашей Природой. Если же говорить только о птицах, лучшей нашей помощью им чаще будет всего лишь невмешательство в их жизнь.

Но возможно ли это? Давайте подумаем вместе.

Рассмотрим конкретные, самые простые примеры этого применительно к Камчатке. Сейчас, когда мы начали эту беседу, стоимость авиабилета в северные районы края иногда превышает таковую от Камчатки до Москвы. Оплата часа лёта на вертолёте Ми-8 только

с 2008 по 2010 годы «подросла» почти на тридцать процентов. Всё, что касается наших взаимоотношений с внутренними авиационными перевозками, для нас, для предприятий чрезмерно дорого. И это многократно поднимает цены на всё, что завозится в отдалённые районы нашего края. Вот почему мы вынуждены строить автомобильные дороги. Но при этом не обойтись без вырубki лесов, строительства мостов, иногда – осушения озёр. И тогда мы не только нарушаем местообитания их исконных хозяев – птиц, нередко включённых в списки видов, находящихся под угрозой вымирания. Наша деятельность может изгнать их с привычных мест обитания насовсем.

Жизненная для всех нас необходимость в развитии собственной энергетической базы заставила Камчатку вскрыть природные запасы газа. В западно-камчатские тундры пришли разведчики, за ними эксплуатационники газовых месторождений, и в Петропавловск «потянули» многокилометровую «ветку» газовых коммуникаций. От Паужетки в наши города прошагали металлические гиганты ЛЭП. И опять – вырубка лесов, прокладка новых дорог...

Зависимость жителей Камчатки от внешних поставок мяса, молока и даже куриных яиц говорит о насущной необходимости развития на полуострове сельскохозяйственной отрасли. И здесь нашему дикому птичьему населению не обойтись без потерь.

Однако будем честными. Далеко не всегда наша деятельность «убивает» всех живущих на изменённых землях птиц. У нас на Камчатке, к счастью, пока нет ядовитых химических комбинатов. На смену влаголюбивым видам птиц чаще приходят те, кто предпочитает гнездиться в других биотопах. Даже после лесных пожаров уже через несколько лет птичье население на пострадавшей от огня территории может стать более разнообразным, чем прежде. Так сама Природа старается компенсировать потери.

И как бы в результате хозяйственной деятельности человека наш конфликт с природой не углублялся, призывы к её сохранению в полной неприкосновенности, к приостановке строительства дорог, мелиоративных работ будут равносильны призывам к остановке развития экономики региона, к остановке прогресса вообще.

Наша, россиян, камчатцев в частности, беда в другом. Сейчас нам даже не кажется удивительным то, что в любое достижение техники, науки, изменения внутривнутриполитических вех раньше подхватывается не созидателями, а теми, кто несёт Природе разрушение и смерть. Развитие авиационной техники уже привело к тому, что от недавно ещё тысячных стад камчатского дикого северного оленя сейчас осталось менее тысячи особей. Ещё более печально обстоят дела с популяцией

снежного барана, мельчает (выбивают крупных) недавно ещё знаменитый своей мощью камчатский медведь, мы не можем остановить бесконтрольный отстрел с трудом заселённых на полуостров лосей. Этих животных в безысходное положение поставили браконьеры, по сути – преступники, предпочитающие убивать свою жертву сверху, сидя в вертолёте. Наши вертолётные асы легко, без ружей в летнее время добывают даже диких гусей.

Здесь я, очевидно, должен извиниться перед теми камчатскими охотниками, которые никогда не позволят себе выстрела из вертолёта, убийства медведицы с маленькими медвежатами, расстрела из машины вышедшего на дорогу глухаринного выводка. Такие, хотелось бы верить, среди нас есть. Но немало даже среди охотоведов и тех (не могу назвать их своими коллегами), кто, организуя браконьерские охоты, навсегда потерял совесть. И меня порадовало недавнее сообщение о том, что в одном из российских регионов рядовые охотники поймали и доставили в милицию охотоведа, убившего орла.

А теперь опять к строящимся на Камчатке дорогам. Да, по ним открывается значительно более легкое, более дешёвое транспортное сообщение. Но в заповеданные Природой глубинные районы полуострова становится более лёгким и доступ людей с ружьями. Охотникам нетрудно будет проникнуть в предгорную часть Соболевского района – туда, где находится локальное гнездовье небольшой популяции гуся нашей Красной книги – таёжного гуменника. Мало того, на реках предгорной части опять же Соболевского района, очевидно, гнездится (есть доказанный факт его добычи) редчайший, вымирающий вид мировой фауны – чешуйчатый крохаль. И чем для этих видов при нашей экологической культуре обернутся успехи дорожных строителей, предположить не трудно.

Прокладка трубопровода – это не что иное, как радикальная хирургическая операция на теле естественных, на большем протяжении трассы не знавших вмешательства человека, ландшафтов Камчатки. Насколько грубо, с отступлением ото всех до того «согласованных»

мер бережного отношения к природе ведутся эти работы, можно даже не говорить. Когда же я обратился к одному из «руководящих виновников» этого «произвола», бывшему губернатору Камчатки, с вопросом о возможностях хотя бы какой-то компенсации Природе за причиняемый ей ущерб, в ответ услышал жёсткое:

– В нашем бюджете такой статьи нет!

Но везде ли прогресс, урбанизация убийственны для Природы, для птиц?

Как-то в Японии, находясь в горах, как мне казалось, вдалеке от населённых пунктов, я пытался поймать в кадр своего фотоаппарата картинку «дикой природы». И всюду, куда смотрел объектив камеры, в природном пейзаже обязательно обнаруживалось напоминание о том, что я нахожусь в предельно урбанизированной местности, и признаки цивилизации здесь присутствуют на каждом шагу. Намеченные для съёмки кадры «чистой» природы где-то там, вдали, перечёркивали то «верёвка» высоковольтных проводов, то фрагмент серпантина заасфальтированной горной дороги, то вдруг проявившаяся скрытая в горном лесу рукодельная башня.

В горах же мы вышли к месту массового летнего отдыха. В лесу соединённые узенькими тропинками на равных расстояниях стояли крошечные однотипные домики-«скворечники», рассчитанные на одного-двух человек. Удивила же нас не оставленная вокруг показательная чистота, поразил... общественный туалет. Это был огромный, практически неотличимый от естественного, если не считать размеров, пенё спиленного дерева. «Пень» целиком был искусственным, скорее всего – цементным, но кора на нём, следы опилённых сучьев с нанесёнными годовыми кольцами, одна тянущаяся вверх ветка (она оказалась кронштейном для подводки электроснабжения) создавали иллюзию лесной естественности. Чистоте же, наличию электричества и всему необходимому прочему внутри строения мы уже не удивились. Но для кого, казалось бы, в конце октября в горном лесу сохранять полностью, как летом, действующее санитарное сооружение?..

И считаю, что Япония, вся целиком, может по праву объявить себя национальным природным парком.

Благополучие этих вот птиц – белолобых гусей озаботило ветеранов Кологрива

Осенью 2014 года в Панаме, Коста Рике и на Кубе мы поражались реакции диких животных даже при неожиданных для них встречах с человеком: ни малейшего испуга, больше любопытства. Нам пришлось побывать в ресторане одного из национальных парков Коста Рики, вокруг которого «во всё горло» распевали не знаю уж сколько видов жаб и лягушек. И эта экзотика доставляла посетителям заметное удовольствие.

А это пример из прошлых лет.

В Америке «Del Monte Company» не стала застраивать большой участок морского

побережья только потому, что там какое-то время проходит жизнь бабочек-монархов. Это очень заметно подняло акции компании. Такова в США сила общественного мнения.

Но очень хочется что-то хорошее сказать и о нас, русских. Так вот, в городе Кологриве Костромской области, где раньше 9 мая в честь Дня Победы проводился салют, несколько лет назад по просьбе ветеранов войны он был отменён. «Виновниками» этого стали белолобые гуси, избравшие для отдыха во время весенней миграции прилегающие к городу поля (ТВ, «Время», 3 мая 2008 г.).

...НО ИСКАТЬ СОГЛАСИЯ С НЕЙ МЫ ОБЯЗАНЫ

НЕПРИМИРИМОСТЬ К БРАКОНЬЕРСТВУ

В бытность мою государственным охотинспектором природоохранное законодательство на Камчатке читлось исключительно высоко. Вот один тому пример – случай, насколько я помню, лета 1969 (1970) года. Из остановившейся в посёлке Ганалы оперативной машины КГБ я изъём охотничье ружьё. В первые минуты следующего дня в Управлении охоты меня пригласил к телефону звонок прокурора, следом в кабинет зашёл крепко сложенный, предельно выдержанный молодой человек. Я изложил ситуацию: июнь месяц, сквозь окно машины видно собранное охотничье ружьё... По правилам охоты это приравнивалось к очень серьёзному браконьерству. Гостю я предъявил номер журнала «Охота и охотничье хозяйство» с разъяснением заместителя Генерального прокурора СССР М. П. Малярова, полностью в данной ситуации подтверждающим мои, инспектора, полномочия. С Аркадием, так звали офицера, мы расстались, можно сказать, как товарищи. Из прокуратуры жалоба на мои действия была отозвана.

До 1990-х годов в областной газете «Камчатская правда» тотчас освещались все случаи серьёзных нарушений правил производства охоты, и это было обязательным, если на бра-

коньерстве попадался кто-либо из «начальников». По одной из наших публикаций о недостойном поведении (защите браконьера) второго секретаря Олюторского райкома КПСС ему был объявлен выговор. На специальных, раз в год проводимых в облисполкоме «пленумах» мне приходилось докладывать о единичных нарушениях природоохранного законодательства начальником РОВД, районным прокурором. Этих, правда, не наказывали, но желание «светиться» впредь у них пропадало. Нарушение правил охоты сотрудником милиции чином «помельче» могло (и такое случилось) закончиться для него лишением погон. Обычно же с нарушителями правил охоты данного контингента всё ограничивалось серьёзной воспитательной беседой в кабинете начальника отдела охраны фауны. Этого хватало, так как другой тогда была милицейская дисциплина.

В обязанности охотоведов районной службы государственного охотничьего надзора (всех их я подбирал лично), кроме инспекторских рейдов, вменялась постоянная работа в охотничьих коллективах. Охотоведы управления ежегодно участвовали в областных биологических олимпиадах, обычно проводившихся в средней школе № 3. Знания

детей тогда действительно радовали. Некоторым нашим камчатским школьникам победа в камчатской олимпиаде давала прямую дорогу в МГУ.

Мы не считали, что поздно «воспитывать» и людей взрослых. Методы были другие. Если кого-то из местного природоохранного чиновничества это волнует (во что я, впрочем, не верю), скажу: сейчас на Камчатке браконьерский отстрел лебедей для многих уже не считается зазорным, преступным. В 1970-х годах, едва объявились случаи убийства этих птиц, на преступление сразу же откликнулась одна из листовок природоохранной тематики, подготовленная охотоведом госохотнадзора, писателем А. Д. Клещенко:

Бездушный хищник и злодей
Презренной мерзостной породы
Тот, кто стреляет лебедей!
Он не охотник – враг природы!

Мы считали, что настоящие охотники, прочитав такое, не решились бы примерить эти «эпитеты» на себя. Другие листовки данной «серии» призывали охотников щадить мало-

численного в те годы глухаря, быть внимательными с использованием огня в камчатских лесах. Эти и другие серии выпускаемых службой охотнадзора листовок распространялись по коллективам охотников, по школам всей Камчатки. И они имели несомненное воспитательное значение.

На Камчатке, к великому сожалению, сейчас нет операторов, которые рискнули бы отснять правдивые фильмы о варварстве некоторых весьма известных людей нашего края на недавно ещё не подлежащих посягательству территориях заказников «Река Морошечная», «Лагуна казарок», «Карагинский остров» и (теоретически охраняемого) – «Харчинское озеро». Очевидно, что на данном временном этапе истории Камчатки нет и руководителей, способных и желающих это прекратить. К этому, но чуть ниже, я ещё вернусь.

Остаётся надеяться на юное поколение, но, прежде всего, на добросовестных, болеющих за своё дело их наставников: воспитателей дошколят, учителей и отдельных энтузиастов, пытающихся прорастить в душах детей семена экологической этики, добра и совести.

Самка камчатского глухаря (Ю. Герасимов)

СОХРАНЕНИЕ ЭТАЛОННЫХ УЧАСТКОВ ДИКОЙ ПРИРОДЫ

Вехи моей жизни таковы, что сначала я стал охотником, потом студентом-охотоведом, затем главным государственным охотинспектором Камчатки и, наконец, учёным-орнитологом. Чем сделанным в жизни я могу гордиться? Думаю, прежде всего, организацией на Камчатке в 1970–1980-х годах системы государственных орнитологических заказников. Этот временной отрезок 20-го столетия можно назвать «золотым периодом» для Природы, для птиц Камчатки. Но этого могло не быть, не руководи в те годы Камчатской областью очень разумные политики, беззаветно любившие нашу Природу, желающие передать её будущим поколениям камчатцев столь же прекрасной, какой она тогда ещё сохранялась. И мне посчастливилось стать активным участником поднятого в нашей стране движения за сохранение природного наследия Родины.

Что такое заказники? Если кратко, то на Камчатке по своему значению, по режиму сохранения Природы они фактически являлись заповедниками. Единственное отличие в том, что весь их «штат» состоял из одного-двух охранников-егерей и обходился государству предельно дёшево.

Под заказники подбирались самые ценные природные участки Камчатки. В чём была их ценность? Во-первых, преобладающая часть «заказанных» территорий охватила предельно обводнённые участки, как места массового размножения, убежища во время линьки, скоплений в периоды миграций птиц водно-болотной группы. Немаловажным было и то, что даже в отдалённой перспективе эти уголья практически непригодны для использования в каких-либо отраслях народного хозяйства.

Особое внимание на Камчатке уделялось сохранению местообитаний гусей. В 1960–1980-х годах стаи этих птиц во время зимовки в Китае иногда расстреливались из пушек чугунной дробью. Общая численность диких гусей северо-восточной Азии пришла в небывалый упадок. В то же время популяция гуменни-

ков, проводивших зиму в Японии, с организацией нескольких замечательных заказников на Камчатке дала поразительный эффект, численность гусей на полуострове, казалось, ежегодно удваивалась. Именно в это время гнездовой ареал тундрового гуменника спустился далеко на юг в Усть-Большерецком районе и образовал очаги гнездования столь же далеко на юго-востоке полуострова. На фоне тяжелой депрессии численности гусей крайнего северо-востока Азии о природоохранных успехах камчатских охотоведов в части сохранения этих птиц тогда сообщалось на всех, включая зарубежные, орнитологических конференциях и симпозиумах.

Проводимые в заказниках Западной Камчатки массовые отловы гуменников, их кольцевание и цветное мечение позволили выявить места линьки, гнездования, маршруты миграций и районы зимовок отдельных гусиных стай, получить точные данные о том, что Камчатка располагает «собственной» популяцией редкого гуменника Миддендорфа.

Однако назначение заказников – не только для сохранения местообитаний дикой фауны, всех или отдельных, в том числе редких, видов диких животных или растений как объектов научного и охотничьего значения. Эти поистине эталонные «кусочки» камчатской природы обладают колоссальным рекреационным, эстетическим, этическим, эмоциональным потенциалом, несут в себе ценность не только для нас, жителей Камчатки, но для всего человечества. И это должно было быть понятным руководством любой политической формации, обладай её чиновничий аппарат хотя бы минимумом понятий об экологической этике.

Сейчас я лишь очень кратко расскажу о некоторых замечательных территориях Камчатки, ещё недавно являвшихся неприкосновенными не столько для разрушительной хозяйственной деятельности человека, сколько для не имеющей понятия об элементарной совести толпы «элитных» браконьеров перестроечного времени.

САМЫЙ–САМЫЙ

Есть на Камчатке заказник, который «САМЫЙ-САМЫЙ». Он САМЫЙ первый из всех ныне существующих. Он САМЫЙ маленький. Он САМЫЙ... Но лучше рассказать о нём с САМОГО начала.

В 1959 году на Камчатский полуостров (Карагинский остров не в счёт) впервые завезли ондатру. Ей предстояло пополнить список ценных пушных видов камчатских промысловых зверей. Тогда недалеко от городов Петропавловска и Елизова в дельте реки Авачи было выбрано уединённое, сильно заросшее травой озеро. Зовётся оно Хламовитским по имени одного из речных рукавов Авачи. Всякая охота на нём была запрещена.

Ко времени моего появления на Камчатке в августе 1962 года областному управлению охоты было дано задание по отлову и расселению на полуострове теперь уже собственной ондатры. Организованный как временный ондатровый резерват, «Хламовитский» со своей

задачей справился, срок его действия истёк. В один из дней сентября начальник управления П. Ф. Грибков пригласил меня сходить до реки Хламовитки на глассере, посмотреть, как там идёт отлов ондатры. Обещал, что обернёмся за три часа. С ондатрой у меня были связаны две институтские «практики», зверька этого и способы его отлова я знал достаточно хорошо и как был – в пальто и ботинках – прыгнул в глассер. У ребят-ондатроловов всё было «не так»: и клетки плохо сделаны, и «добыча» к ним не шла. Я посчитал необходимым остаться на озере для переоборудования ловушек на один день. «Завтра будем!» – обнадёжил меня Павел Фёдорович, отталкиваясь от берега. И, как оказалось, сразу же обо мне забыл напрочь.

Нормальной автомобильной дороги в Усть-Большерецкий и даже плохой – в Мильковский районы в те годы не было. И дважды в год, когда открывались весенний, затем летний сезоны

Озёрная чайка (Ю. Артюхин)

охоты на уток, в дельты рек Авачи и Паратунки из всех ближайших городов и сёл устремлялись тысячи охотников. В это моё первое появление в дельте Авачи накал охотничьих страстей уже стих, но в следующие годы я слышал, как на утренних зорях грохот ружейных выстрелов иногда сливался в протяжённый единый гул. Нелегко приходилось птицам в эти дни. Они металась над дельтой реки в поисках хоть какого-то места для отдыха.

Не в пример нынешним охотники в те годы были законопослушны, и с «закрытием» Хламовитского озера зайти на запретную территорию с ружьём могли разве что люди, заплутавшиеся в болотах. Зато многие птицы ко времени первого моего появления на озере об этом «островке спасения» уже знали.

Через два дня после приезда, забытый начальником и уехавшими «до завтра» ондатрологами, я на многие дни превратился в «узнака» Хламовитки. По берегам озера у меня стояли клетки-живоловушки, я их обходил ежедневно. И хотя в дельте Авачи в конце сентября охотников было не так много, днём утки по-прежнему слетались на озеро. Скапливалось их здесь в иные дни до двух-трёх тысяч. Отдохнув, они летали на юг, а день-два спустя на наше озеро опускались стаи, прибывавшие с севера. Уже тогда я отметил, что у уток, очевидно, очень хорошая память.

Из этой своей первой в дельту реки Авачи «трёхчасовой» поездки я вернулся в... первых числах ноября. И, надо сказать, без труда убедил своего начальника в необходимости сохранения территории «ондатрового» резервата, но уже в качестве орнитологического заказника «Хламовитское озеро». Целесообразность создания уголка спасения для птиц в районе столь интенсивной охоты не вызвала сомнений и у руководителей Камчатки. Так родился первый в моей практической деятельности на Камчатке орнитологический заказник, охвативший своей охраной смешную по камчатским меркам заболоченную территорию площадью в 20 гектаров.

Говоря о Камчатке, о её природе, мы чаще всех других слов употребляем одно – «уникальный», то есть единственный, нигде боль-

ше не повторяющийся. Так вот, рассказывая о колонии чаек Хламовитского заказника, более подходящего эпитета подобрать просто невозможно. В 1963 году на небольшом, десяти метров длиной и пяти шириной, плавающем по озеру островке гнездились 30-40 пар этих птиц. Попытки же единичных чаек загнеститься где-либо на берегу озера редко были успешными. Гнёзда разорялись браконьерами – сборщиками яиц, лисицами, ещё чаще – воронами. «Уговорить» первых для меня не составило труда, воронью проблему решать пришлось тоже мне, лисиц отловил охотник-промысловик Синицын.

И с 1967 года численность озёрной чайки заказника начала расти буквально взрывоподобно. Этому во многом способствовал ещё один немаловажный фактор – обнаружение чайками практически неистощимой кормовой базы – Авачинского зверосовхоза. И уже через 10-12 лет мы располагали крупнейшей в мире, я подчёркиваю – в мире (!), колонией озёрной чайки. В годы благополучного (при хорошей погоде, без болезней) размножения осенняя численность вида здесь доходила до 100 тысяч особей. Внутри территории колонии под охраной чаек успешно выводили своих детей десятки уток: шилохвостей, крякв, чирков. К концу июля чайки с озера улетали, в сентябре оно периодически заполнялось северными мигрантами – утками. И тогда в любой день в заказнике можно было видеть по несколько кречетов, ястребов-тетеревятников, сапсанов.

Иногда на заказники смотрят просто как на резерват охотничьей дичи. А давайте посмотрим на наш крохотный Хламовитский заказник повнимательнее. Биология водоплавающих птиц такова, что, отсидевшись днём на озере, вечером большинство уток разлетается на кормёжку по окрестным угодьям. А там их ждут охотники, и один-два удачных выстрела даже не у каждого из них сохраняют веру в удачу у всей охотничьей братии. Эта «сохранённая надежда» и годы спустя удерживала сотни охотников от дальних поездок в Усть-Большерецкий, Миловский и другие районы области, сохраняя тем самым не только здоровье людей (какой уж тут отдых после

Озёрная чайка в гнезде (Ю. Герасимов)

200–400-километрового пути только в один конец!), но и бензин, и технику, и наши камчатские дороги.

В 1980-х годах вокруг Хламовитского заказника были проведены широкие мелиоративные работы. Значит, появилась перспектива развития сельскохозяйственных полевых работ. В пашни будут внесены тонны химических удобрений, и тогда окружающие Хламовитское озеро болота выступят в роли мощного природного фильтра, экологического буфера между ставшей агрессивной средой и нерестовой рекой Авачей. Вот такие мысли о роли самого крохотного камчатского заказника в голову современных чиновников от охраны природы когда-нибудь приходили?

На Камчатку поехали иностранные любители птиц, и Хламовитское озеро на долгие годы стало местом паломничества туристов. Мы же, окольцевав в заказнике более 11 тысяч чаек, выяснили пути их миграций и зимовок. Оказалось, что если не все, то большинство чаек с Хламовитского озера улетали зимовать в Японию, где они были очень желанными зимними обитателями.

А вот какую запись я обнаружил недавно, просматривая свои дневники середины 1970-х годов:

«На берегу реки Хламовитки у нас стоят пау-

Идёт вывод птенцов

тинные сети: мы ловим и кольцуем певчих птиц. Сейчас ночь, я лежу в палатке, а четырнадцатилетние мальчишки, мой сын с другом, сидят у костра, разговаривают. Засыпая, слышу:

– Знаешь, о чём я сейчас думаю! Кусаящие нас комары – это самки. Верно? Им моя кровь нужна для того, чтобы началось развитие яиц, чтобы из них появились другие комары. Так? Значит, я становлюсь их папой?

– Ну, думаю, их папа – комар-самец.

– Так я же комариному потомству свою кровь даю, без которой их бы не было на свете. Как хочешь, но всё равно между мной и этой козявкой образуется кровное родство.

– Ну, не было бы здесь нас, комары всё

равно напьются крови у птицы, или у мыши, у ондатры, например...

– У тигра, где он живёт.

– Да, и у тигра или зайца.

– Так это я и хотел тебе сказать, об этом сейчас и подумал. Этот маленький кровопийца – звено, которое связывает нас со зверями и птицами. Он же в своём потомстве перемешивает нашу кровь с кровью зайца, медведя или вон той чайки! И все мы, получается, кровные родственники.

– Не знаю... Может, это не так, но в главном ты, может быть, прав. Мы, наверное, не случайно живём все вместе...»

Мальчишки замолкают, вероятно, задумываются о мудрости создавшей нас Природы. И это радует. Хорошим, хотелось бы верить, будет следующее за нами поколение. Хотелось бы в это верить!

Я заснул, а утром, вспомнив вчерашний разговор пацанов, записал его в дневник. С тех пор много лет подряд, встречаясь на областных олимпиадах с юннатами, нередко задавал им дополнительный вопрос:

– Как вы думаете, нужны ли в природе комары? Может быть, надо найти такой препарат, чтобы всех их уничтожить?

– Нет! Этого делать нельзя! – отвечали мальчишки и девчонки, которым всего-то по 10-12 лет, но которые уже учились думать и уже имели своё твёрдое мнение. Был, правда, один развеселивший меня случай, когда совсем ещё маленький юннат, кажется из Ключей, сообщивший мне, что комары нужны, «чтобы сдавать их в аптеку!» Сдавал ли он их сам? «Да! – заявил маленький врунишка. – Сдал... килограмм... сушёных... за десять рублей!»

МОРОШЕЧНАЯ – «РОДИЛЬНЫЙ ДОМ» ГУМЕННИКОВ

Инициатором создания заказника на реке Морошечной явился житель села Усть-Хайрюзово ительмен Н. Миронов. Его тревожило то, что на реке, которую в селе называли «родильным домом» гусей, год от года растёт число городских охотников. Об этом Николай Павлович и сообщил мне, начальнику отдела охраны фауны Камчатского управления охоты, по телефону. С нашей подачи в конце августа 1972 года руководство района обратилось в Камчатский облисполком с просьбой «об организации в долине реки Морошечной заказника по охране птиц с сохранением в неприкосновенности всего комплекса природных условий». Я вылетел в Тигильский район.

Из Усть-Хайрюзова мы с Мироновым вышли в ночь на колхозном сейнере. Утром 3 сентября, проснувшись во время маневрирования судна, я с удивлением смотрел на широченное устье. В холодной осенней дымке Морошечная казалась мне сравнимой с Волгой – так далеко были расставлены её берега.

Вышли на берег. Всё окружающее пространство на километры оказалось совершенно безлесным, на слегка всхолмлённых

тундровых просторах не найти хоть какого-нибудь кустика. Тучи средних кроншнепов – «ягодников» и малых веретенников перелетали с ягодных тундр на речные отмели. Но это были уже последние мигранты данных видов. Так сколько же их здесь собирается во время миграционного пика?

С Николаем Павловичем мы поднимались на «Казанке» вверх по реке. Сотни уток волнами перекачивались, уплотнялись перед нашей лодкой километр-другой, потом, «обтекая» нас слева и справа, опять возвращались на облюбленные ранее места. А впереди поднимались новые их стаи. Время от времени Палыч глушил мотор, и мы выходили на берег. Всюду по моховым болотам, вдоль берегов реки и её притоков в высокой траве были видны широкие и хорошо утопанные тропы – можно было догадаться, сколько здесь живёт медведей.

Остановились километрах в 25 от устья около восьми вечера, солнце собиралось вот-вот окончательно утонуть в море. Я не заметил, как вода в реке замедлила свой бег, остановилась, а потом потекла вспять. Обра-

В Японии наши чайки доверяют людям

Наши камчатские чайки берут корм из рук, Япония

тил на это внимание, лишь услышав странные, поднимающиеся снизу по реке вздохи. Пока пытался осмыслить, что бы это могло быть, река уже жила непонятной для меня жизнью: по всему её руслу под водой плыли какие-то огромные животные. Казалось, это именно они, то и дело с шумом выдыхавшие воздух, гнали перед собой воду реки вспять. Подошёл Николай Павлович и объяснил мне, что с приливом вслед за косяками рыбы вверх по реке устремляются стада исполинов-белух. По книгам я знал, что эти китообразные в водах Камчатки достигают шестиметровой длины и полутора тонн веса, но не мог себе представить, что они могут свободно чувствовать себя так высоко в русле реки.

Солнце давно опустилось в море, и Миронов велел мне смотреть на бледнеющую полоску заката. Когда она стала совсем узкой, на её золотисто-розовом фоне наметилась одна, потом другая чёрточки. Они быстро росли, ширились, и вот уже стал слышен гогот гусиных стай, наполнивший вскоре всё окружающее нас тундровое пространство. Это по своему сложившемуся в веках графику миграций летели гуменники, точно по расписанию прибывшие к месту отдыха и кормления перед следующим дальним перелётом.

Всё увиденное здесь для меня было новым, и, переполненный впечатлениями, я долго не мог заснуть. Засыпал под гусиный гогот и вздохи белух. Спал плохо, ближе к утру снилось, что меня окружают дикие звери. А когда проснулся, долго не мог отличить сна от яви: рыкающий рёв зверей, казалось, раздавался прямо за непрочной брезентовой стенкой. Потихонечку выглянул из палатки: метрах в 50-70 от нас на обсохшем по отливу участке русла плотно лежали более сотни тюленей – ларг. Десятки других плавали вокруг, то одно, то другое животное пыталось потеснить уже лежащих, те же встречали их таким рычанием, какого в этих робких животных я не мог даже подозревать.

Потом мы «неторопно», как говорят местные, сплывали вниз по обмелевшей на время отлива реке и за каждым её поворотом сеяли панику: то один, то другой речной островок

вдруг оживал, начинал колыхаться телами покидающих лежбище нерп, и вода вокруг в момент закипала от десятков животных. Время от времени на мели у берега встречались и другие тюлени, очень крупные и казавшиеся издали совсем белыми. Это были лахтаки, или, как их иногда называют, «морские зайцы».

На берегу в приустьевой части мы увидели нескольких вооружённых людей, суесящихся вокруг убитого медведя. Я передал Миронову бланки «Протоколов», попросил разобраться в ситуации, сам до поры, молча, стоял в стороне. «Стрелки» оказались безбилетниками, Палыч знал всех, и мне было приятно убедиться в его жёсткой принципиальности. С первым егерем будущего, столь замечательного заказчика вопрос был решён.

В этот свой заезд на реку Морошечной я пробыл десять дней. За столь короткий срок никогда и нигде потом у меня не было столько разнообразных и сильных впечатлений. И в декабре того же года образовался один из самых выдающихся заказников Камчатки. И уже через три года численность восточно-сибирских тундровых гуменников здесь возросла как минимум вдвое и с каждым годом продолжала расти. На фоне набирающей силу депрессии гусиных популяций Восточной Сибири Камчатка наглядно демонстрировала результативность охраны наиболее ценных природных территорий.

Сначала как охотинспектор, потом в качестве учёного на реку Морошечную я буду прилетать во все времена года. Но больше всего проведу здесь весенних сезонов: с 1975 по 1990-е годы на Морошечной проводились систематические учёты мигрирующих гусей, уток, куликов.

Территория заказника обширна, и поэтому не сразу нам удалось сделать здесь весьма важное для природы нашей страны открытие: на юге резервата вдруг обнаружился линник нескольких тысяч таёжных гуменников. Этот гусь в нашей стране считался вымирающим, а наша находка ещё раз заявила об исключительности Камчатки в деле сохранения Природы нашей страны.

Наши доклады на научных конгрессах

Заказник на р. Морошечной оказался обладателем линника таёжных гуменников

Международная экспедиция учёных-орнитологов в заказнике «Река Морошечная»

Люди и птицы – жизнь в согласии

и конференциях принесли этой территории международную известность, и заказник «Река Морошечная» был включён в список угодий Рамсарской конференции, получив таким образом высокий статус особо ценной природной территории международного значения.

Летом 2004 года ставший знаменитым на

весь мир орнитологический резерват на реке Морошечной по приглашению Ю. Герасимова посетила группа известных учёных-орнитологов Австралии, Новой Зеландии, Канады, Голландии, Германии. На мой вопрос о впечатлении от этого посещения они отвечали очень выразительно: поднимали вверх большой палец правой руки.

МИР ПТИЦ КАРАГИНСКОГО ОСТРОВА

Следующим «моим» орнитологическим заказником стал остров Карагинский. Насколько тогда я был прав, готовя документы на его организацию, судить вам. Вот лишь два фрагмента из многих моих полевых записей тех лет.

«Ещё не спустившись с перевала, я увидел приустьевую часть долины реки Комаровской. И залюбовался этим на удивление красивым местом. Но я торопился увидеть самое большое на Карагинском острове поселение морских птиц.

Птичий базар я сначала не увидел, а услышал! Это нельзя было назвать “гомоном” или птичьим “криком”. Описать, передать на бумаге услышанное было невозможно. Я останавливался, закрывал глаза и вслушивался в совершенно немыслимый, жуткий, стонущий рёв. Птицы так кричать не могли. Это безумно ревели неизвестные, очень большие доисторические животные. Я стоял с закрытыми глазами, и в груди разливалась сладкая жуть. Только разум убеждал, что этот кошмарный рёв всё-таки слагался из голосов птиц. Но чем это можно было объяснить? Тогда для себя я решил: кайры, а это именно их голоса являлись главной составляющей этого жуткого рёва, не такие уж и крупные птицы, и сейчас они, вероятно, дружно несутся. Попробуй-ка без крика родить такое большущее, как у них, яйцо!

Тысячелетиями упорно трудилось море над восточным побережьем Карагинского острова. Слагающие его геологические породы сопротивлялись, но волны, где с большим, где с меньшим успехом, всё-таки изъедали береговые граниты. И сейчас этот участок побережья

представляет собой чрезвычайно изломанную линию, которая более чем наглядно рассказывает о непримиримости двух достойных противников – разрушителей-волн и сложенного коренными породами берега.

Скальные обрывы здесь вертикально спадают в море с двадцати и более метровой высоты. Прибрежье изобилует поднимающимися из моря скалами: острыми шпильями, причудливыми, похожими на останки древних замков, башнями. Иногда рядом с берегом стоят отделившиеся от него более массивные “куски”, сохраняющие на себе остатки тундрового покрытия. И всё здесь: десятки тысяч квадратных метров отвесной стены матёрого берега, отступившие от него в море “останцы”, каждая ниша, каждый уступ или даже выбоинка на торчащих из моря скалах принадлежат птицам, их гнёздам. Их тысячи, десятки, а по всему этому птичьему базару, вероятно, не одна сотня тысяч. Это самое крупное на острове поселение морских колониальных птиц: толстоклювой и тонкоклювой кайры, моевки, тихоокеанской чайки, берингийского баклана, нескольких видов других чистиков. В зависимости от конфигурации скалы, от степени абразии берегового обрыва где-то можно видеть только кайр, другую часть колонии плотно заселяют бакланы, а отстоящие чуть в стороне от берега его более массивные блоки удобнее для гнездования тихоокеанских чаек и, при наличии тундрового субстрата, топорков. В одновидовых скоплениях гнездящихся птиц более терпимы к своим соседям кайры. На какой-нибудь голой, относительно плоской поверхности скалы они обычно сидят

настолько плотно, что определить, сколько их там, пятьсот или тысяча, бывает практически невозможно.

По всей колонии, обычно среди скопленных бакланов, на расстоянии в сотни метров одна от другой селятся пары чёрных разбойников-воронов. Щели же скальных берегов притягательны для гнездования скрытных сибирских горных вьюрков.

Общая протяжённость сплошного поселения птиц здесь не менее пяти километров. Пытаюсь хотя бы “приблизённо-точно” определить численность живущих здесь птиц. Не получается. Здесь надо работать и работать. О-в Карагинский, 1969 г.».

«8-го июля с утра тихо, небо посерело. В бинокль я с нетерпением рассматриваю остров Птичий. С таким названием на Камчатке можно найти с десяток островов или просто заселённых пернатыми скал, и далеко не все они обозначены на картах. А этот вот имеет собственное имя. Спрятавшись от Камчатки за огромным Карагинским островом, он поднимается из моря в километре от восточного берега своего “старшего брата”. Кажется даже, что он очень хочет быть на него похожим: так же сориентирован по странам света, имеет те же очертания, восточные скалистые берега его тоже заселены бакланами и моевками.

Только всё это в миниатюре и ещё: на беду здешних хозяев-птиц, поверхность Птичьего острова ровная, как стол.

Едва дождавшись прилива, далеко за полдень, наконец, вышли из устья Яклегрываям. И вот уже к нам стремительно приближается Птичий!

Над островом бушует “снежная буря”: в воздух, заметив нас, одновременно поднялись не менее полутора-двух тысяч тихоокеанских чаек. Подходим ближе, ещё ближе.... И вдруг с берега острова прямо в нас выстрелили залпом трассирующих снарядов! За залпом последовала беспорядочная частая пальба. Чёрные с красно-жёлтыми головками снаряды стремительно неслись на нас, но перед самой лодкой вдруг сворачивали в сторону, смешно растопырив красные лапы. Это сотни и сотни топорков одновременно по какому-то паническому сигналу бросились навстречу врагу. И вот уже над нами кружит нескончаемая карусель: топорки летят по кругу с диаметром в несколько десятков метров, и эпицентром этой круговерти являемся мы. По мере нашего приближения к острову переполох у птиц усиливается. Высадка на пляже западного берега встречается едва ли не десятком взрывов серого пуха: прямо с гнёзд, разбрасывая собственные яйца, взлетели

«Снежная буря» над островом Птичьим. В небо поднялись тысячи чаек

гаги. Да, человека здесь, безусловно, знали и никаких иллюзий в отношении гостей хозяева не питали. Но мы приехали сюда с определённой программой работ и, чтобы не очень навредить населению этой маленькой суверенной страны, должны очень торопиться. Николай со связкой колец на шее сразу же начал ловить и кольцевать чайчат. Меня же в первую очередь интересовали гаги. Гнездовые тихоокеанской гаги на Птичьем, несомненно, уникально. Не знаю, где ещё даже на нашей необжитой Камчатке можно на столь ограниченной территории найти сразу двадцать гнёзд этих птиц. Одни гнёзда здесь располагаются открыто, другие в траве, некоторые под нависшими камнями обрыва. Иногда края двух гагачьих гнёзд соприкасаются. Тут же рядом гнёзда тихоокеанских чаек. Интересно, что материал, использованный для их строительства двумя видами, иногда почти неотличим, в гагачьих гнёздах нередко встречается пух гаги. В одном из гнёзд с семьёй яйцами гаги восьмым лежало гагачье. Одинаковое по размерам и незначительно отличающееся по форме, оно резко выделялось своей рябой окраской. Однако гагу это, по-видимому, не смущало, и она добросовестно насиживала приёмыша. Недалеко в гнезде чайки с двумя собственными яйцами третьим лежало гагачье. Рядом обнаружилась также смешанная кладка, состоявшая всего из двух яиц. Какая из птиц считала её своей, для меня так и осталось загадкой.

Насколько можно быстро я беру промеры яиц одной кладки, тщательно закрываю её пухом и перехожу к ближнему гнезду, потом к следующему и следующему. Чтобы не загубить кладки гаг, надо торопиться.

Поднимаюсь наверх к Николаю работать с чайками. Они первыми смирились с нашим вторжением. Взрослых тихоокеанских чаек здесь не менее двух с половиной тысяч, и все, как одна, в накрахмаленных белоснежных сорочках и тёмных фраках. Уже опустившись недалеко на землю, птицы ещё что-то выкрикивают в наш адрес, но потом житейские дела берут верх, и супружеские гагачьи пары начинают ревниво осматривать свои, судя по

всему, очень мизерные владения. В колонии тихоокеанских чаек птицы постоянно живут в состоянии “военного перемирия”. Стоящая у своего гнезда и с презрительной гордостью поглядывающая по сторонам чайка – это самая яркая поборница частной собственности. На гнездовой участок допускается только второй член семьи. Стоит одному из соседей при посадке промахнуться на сантиметр-два и чуть заступить за только им, соседям, известную запретную черту, куда исчезает величавость хозяина пограничной территории. Он сразу же бросается бить мнимого захватчика, при этом, увлечшись, почти обязательно переступает границу, и тотчас сам бывает бит. Как птицы различают границы своих гнездовых участков, для меня так и осталось загадкой. Ясно одно: в гнездовой колонии чаек правила общежития соблюдаются неукоснительно.

Массовое появление на свет птенцов здесь приходится на первую половину июля. Сегодня, восьмого июля, по острову бегают не менее семи-восьми сотен чайчат, ещё часть уже вылупившихся, но пока не окрепших сидит в гнёздах, и приблизительно треть всего приплода колонии терпеливо ожидает своего часа под скорлупой яиц. Значит, в этом году только за счёт Птичьего общее поголовье популяции Карагинского острова должно пополниться, как минимум, полутора-двумя тысячами молодых тихоокеанских чаек. Это после гибели слабых и больных.

Меня поражает вдумчиво-высокомерный вид птенцов тихоокеанской чайки, которым всего-то три-пять дней от роду. Эта какая-то врождённая царственность осанки, поневоле вызывающая уважение. И, тем не менее, невзирая на пронзительный крик родителей, мы ловим благородных отпрысков, надеваем им на ноги металлические кольца и, поздравляя с приобщением к науке, отпускаем.

Поднявшийся восточный ветер частично, но всё же спасает нас от “обстрела”: сверху беспрестанно несутся залпы белого “дождя”. Удивляет то, что чайки поливают нас своим помётом не беспорядочно, а именно залпами. По какой команде это делается? Несколько раз около наших ног плюхаются и более тяжёлые

снаряды: прилетевшие с кормом для птенцов чайки отрывают его довольно прицельно. Так мы знакомимся с одним из способов биологической защиты чайечей колонии. Скучно было бы нам, не поднимись так вовремя этот стойкий ветер!

Вся поверхность острова, где есть почвенный слой и хотя бы незначительный уклон, изрыта норами топорков. Нор не счесть. Интересно, сколько в них живёт птиц? Шестьсот-семьсот решил я для себя, так как подсчитать более трёх-четырёх сотен из одновременно летающих вокруг топорков никак не удаётся. Впрочем, попытайтесь определить число птиц, а можно даже комаров-толкунчиков, когда их сотни и все они находятся в непрерывном движении. Лично для меня это всегда было и осталось неразрешимой проблемой.

Улетевшие при нашей высадке на остров топорки мало-помалу начали возвращаться. Всё ближе и ближе около нас стали садиться птицы. Это не значило, что в их глазах мы становились симпатичнее: в сильно насиженных яйцах при их переохладении могла угаснуть жизнь, и инстинкт против их желания гнал птиц в наше общество. Прилетающие к гнезду топорки, стоя у норы, с нетерпением переминаются с ноги на ногу и смотрят на нас белыми глазами, как бы говоря: «Скорее бы вы убрались отсюда!» Тороплюсь достать из норы, замерить, вернуть на место яйцо и, не задерживаясь, перемещаюсь метров на пять. Птица тотчас ныряет в свою нору.

Так сколько всё-таки на острове топорков? Об этом мы узнали только на другое утро. Рассматривая островок в сильный бинокль, я был искренне удивлён, когда увидел, что он буквально весь усыпан топорками. Птицы, торжественно стоя у своих нор, встречали солнце. Они напоминали ночную смену шахтёров, вышедших из шахт, но забывших потушить фонари – так ярко сверкали освещённые солнцем их удивительные красно-жёлтые носы. Трижды, как мог, пересчитал я птиц: 1,7 тысячи особей – это только на западной стороне островка. Думаю, что всех их здесь было не менее 3 тысяч.

Птичий остров для орнитолога оказался

истинным кладом ценнейшей информации. Даже на Карагинском острове трудно найти ещё столь насыщенный птицами и поэтому исключительно ценный для учёного уголок. За это первое очень короткое своё пребывание на Птичьем мы успели сделать немало. Но выполнена была лишь незначительная часть намеченной мной программы работ. Необходимо было посетить островок ещё хотя бы раз. Для этого предстояло сутки ожидать следующего прилива.

Чем бы я ни занимался в эти часы, мысли мои вновь и вновь возвращались к кладкам гаг – не застужены ли они были вчера, к проваливавшимся иногда под ногой земляным субстратам – там могло находиться гнездо топорка. Не слишком ли велики были жертвы, принесённые вчера ради полученных мной знаний, и так ли их «требуется наука»? Я ещё не знал, что моих спутников мучили те же думы. И когда Николай как-то подавленно спросил, когда собираться на остров, я ответил, что мы больше туда не пойдём. И услышал, как он облегчённо вздохнул.

На Карагинском острове в этот раз я уже не первое “поле” и успел убедить местных коряков в скором заповедании их “малой родины”. Зная о моём, госохотинспектора, особом интересе к охране природы Карагинского острова, на Птичий перестали наведываться сборщики яиц. Но страшнее их растущая армия “искателей экзотики”. И сейчас уже люди, вооружённые фото – и киноаппаратурой (пилоты, геологи, геодезисты), едва ли не ежегодно сажают свои вертолёты на маленькую, совершенно не защищённую от варваров точку нашей Родины – остров Птичий. И ни пилотам, ни тем, кто им платит, нет дела до того, что только при посадке вертолёт будут сдuty в море, убиты о камни сотни юных птичьих жизней. А потом столько же их погибнет при взлёте. Когда я представляю себе, как эти “любители природы” равнодушными ногами давят гнёзда топорков с птенцами, ловят чайчат и, счастливо улыбаясь в объектив, фотографируются с ними, чувствую, как что-то больно-больно сжимается в груди. Июль 1970 г.»

ОЗЕРО ХАРЧИНСКОЕ – БЕСЦЕННЫЙ ДАР ПРИРОДЫ

Почти в центре полуострова Камчатка находится небольшой, десять на десять километров, некогда запретный для охоты на птиц заказник «Харчинское озеро». Своё название «заказанная» территория получила от расположенного в её центре озера. Харчинское озеро – красивейший, обрамлённый горами и лесами, водоём с площадью водного зеркала в 26 квадратных километров – расположилось в бассейне реки Камчатки. Статус Государственного зоологического заказника эта территория получила в 1978 году.

В 1982 году на катере егеря Алексея Варанкина мы пришли в заказник в июне. Кордон Алексея стоял на левом берегу речной протоки Тихой, соединяющей Харчинское озеро с рекой Еловкой. Наш «Прогресс» ткнулся в берег уже затемно. Мне показалось, что прибытие наше здесь ожидалось давно и с нетерпением: буквально тысячи комаров кинулись лично засвидетельствовать своё к нам расположение. От горячих поклонников спас только кордон Алексея.

И все-таки самым запомнившимся для меня в тот вечер был ошеломляющий, пьянящий запах цветущей черемухи. Такого густо настоящего аромата черемухи я не встречал ни до, ни после и нигде.

Ранним утром с биноклем и дневником в руках я вышел из дома и тут же остановился, поражённый открывшейся мне совершенно поразительной картиной. Вокруг егерского кордона на берегу реки небольшими группами и поодиночке стояли высокие, таких я раньше не видел, черемуховые деревья. Красивые, стройные, они мне казались невестами, одетыми в белокружевные подвенечные платья, собранные из кистей душистых цветков. Кордон и лужайка около него буквально тонули в сладком дурмане их великолепных духов. И казалось удивительным, что в округе ещё оставалось место для песен, трелей, свистов, а иногда и каких-то заполошных вскриков птиц.

Гоголь над Харчинским озером (Ю. Герасимов)

Над озаренной рассветом, буквально бурлившей от всплесков крупных серебристых рыбин рекой Тихой сверху, с неба лился непрерывный частый перезвон утиных крыльев. Это летали красавцы гоголи. Впечатление такое, что крылья этих уток снабжены колокольчиками, в полёте они звенят, и потому спутать летящего гоголя с любой другой птицей просто невозможно. Я знал, что обилие этих уток в заказнике – особая заслуга и гордость Алексея Варанкина.

Гоголь очень бесхитростен, доверчив и потому не смог, не успел приспособиться к коварству человека с ружьём. По мере того как быстроходные лодки и вертолёты не оставляли недоступных для охотников мест, гоголи на Камчатке стали катастрофически быстро вымирать. И Алексей, получив мои наставления, тотчас активно начал работу по восстановлению численности этой милой его (и моему тоже) сердцу птицы в своём заказнике. По берегам озера и на стоящих у самого дома берёзах егерь развесил десятки «дуплянок» – тех же скворечников, но с размерами, удобными для гнездования уток.

Здесь гоголи, до того не знавшие столь благоустроенного жилья, все вдруг захотели жить только в дуплянках. В тот свой заезд на озеро Харчинское я видел, как на крышке дуплянки, уже занятой одной самкой, сидела другая гоголюшка, а чуть выше её в развилке берёзы «своей очереди» ожидала ещё одна

утка. Конечно же, такая конкуренция за место на гнезде нередко приносила только вред: некоторые дуплянки просто-напросто превращались в «склады» для яиц, снесённых несколькими самками. Прямо над егерским кордоном нависала старая берёза, на ней несколько дуплянок, и во всех на яйцах сидели гоголюшки. Алексей, как он мне сказал, считал это для себя «Похвальными грамотами самого высшего достоинства».

Тогда же я впервые увидел этот великолепный памятник Природы – Харчинское озеро. Уже сам по себе этот водоём изумительно красив, но главным для нас, охотоведов, было то, что огромное, в 26 квадратных километров зеркало этого реликтового водоёма в периоды миграций птиц становится местом убежища, отдыха и кормёжки для десятков тысяч уток и гусей. Летом в заказнике спокойно размножались и линяли многие тысячи водоплавающих, в лесах по берегам озера гнездились два вида орланов, беркут, скопа, маленький отважный

Дуплянка для гоголя

задира-чеглок. В каменноберёзовом лесу нам повезло встретить совершенно великолепную семью двух взрослых с подросшими молодыми почти белоснежных тетеревиатников. Ждала нас удача и на небольших, окружённых топями, озерах: здесь я впервые увидел гнездо лебедей-кликун, мы поймали и окольцевали цветными метками их малышей.

Все лето река Тихая бурлит от заходящих в неё на отстой косяков проходного лосося. Голец и хариус в протоке, как сказал Алексей, не переводятся круглый год. А с появлением малышей-утят почему-то именно на эту речку приводят своих детей многочисленные утки. В это время перед медленно идущей лодкой егеря катится, разбегается к берегам волна из живых пушистых комочков и тревожно вскрикивающих их матерей.

В следующий раз в заказник я заезжал с новым егерем Александром Шашкиным. Уже открылась охота на уток, по всей долине реки Камчатки гремели ружейные выстрелы. Но до протоки Тихой они доносились лишь со стороны реки Еловки. Александр вёл лодку на самом малом ходу:

– По протоке я хожу только так, – говорит он мне, – сейчас выводки уток в основном на крыле, но у чернети ещё немало малышей-хлопунцов. Упаси меня Бог нечаянно лодкой убить утёнка. Я же тогда ночь спать не буду.

После осмотра дуплянок и егерских избушек поздно вечером мы возвращаемся на главный кордон. Над протокой Тихой стая в сторону Еловки летят утки. Они уходят на кормовые озёрки туда, где их ждут охотники. Александр заглушил мотор, и мы с ним слышим частый перестук ружейных выстрелов. Егерь скучнеет:

– Как бомбят! Сколько же птиц не вернётся утром сюда, домой! И эти вот стрелки сегодня спрашивали меня, когда, наконец, упразднят заказник. Они же в своих снах видят, как залетают на озеро на нескольких лодках, убивают, разгоняют здесь всё, что летает и ещё не научилось летать. Неужели не хватает ума понять, что это наши гоголи, которых они не видели столько лет, опять стали заселять реки. И эту вот добыч-

ливую охоту за Еловкой каждый вечер им дает наш заказник.

Слушая Александра, я вспомнил о недавно прочитанной замечательной книге Эрика Кольера, охотника из канадского штата Британская Колумбия. В своей книге «Трое против дебрей» автор рассказал, как он с женой, а позже и с подростком сыном много лет возвращал к жизни переданную ему в качестве охотничьих угодий «бесплодную, выжженную пожарами дикую глушь».

Однажды Кольер застал на своих землях браконьеров-индейцев из соседней резервации. Жёсткие законы того времени позволяли хозяину территории многое, индейцы обречённо ждали его решения. Но Эрик знал, что леса в их угодьях выгорели и восстанавливались с трудом, дичи в них не было. Понимал, что этих людей к браконьерству на чужой земле толкнула только безысходная бедность. Он взял камень и бросил его в воду:

– Смотрите, как расходятся по воде круги. Если индейцы не будут воровать зверей на моей территории, скоро здесь их будет много. И тогда они, как эти круги, пойдут дальше

и дальше в угодья ваших резерваций. И если вы не будете убивать их всех, ваши леса также наполнятся дичью.

Охотник не взял ни их лошадей, ни также ценных для этих бедных людей капканов. И за все тридцать лет, вместившихся в повествование Кольера, этот инцидент в его угодьях остался единственным.

В тот последний раз, уезжая с озера, я думал о том, что пройдёт не так много времени и в заказник «Озеро Харчинское» будут приходить чистые белые катера с ребятами-школьниками не только из Ключей и Усть-Камчатска, но и из других населённых пунктов полуострова.

Уйдя «в науку», я больше работал в других районах и верил, что Харчинское озеро так и остаётся чистым и защищённым. Как же я тогда ошибался!

Ни Эрик Кольер, ни Александр Шашкин не имели высшего университетского образования. Куда им, «неучам», до тех «кабинетчиков», решающих в наше время судьбы бесценных камчатских, ещё недавно «особо охраняемых», территорий...

ЗАБОТА О ЮНЫХ ДУШАХ

Народная мудрость учит: начинать воспитывать ребёнка надо тогда, когда он «ещё поперёк лавки лежит». Когда же подрастёт, с воспитанием можно и опоздать. Вот почему прививка уважения ко всему живому – птичке ли, паучку, шмелю или цветку – должна быть своевременной, лучше – в детсадовском возрасте.

Когда-то, уже давно, я прочитал о том, что в детских садах Франции стены оклеивались обоями с изображениями редких, требующих сохранения животных, цветов, опасных для здоровья растений, грибов и прочей, необходимой для познания детьми, «природной тематикой». Какие наглядные пособия видели мы в школах и различных «центрах» Японии, я уже рассказывал.

Хорошо, если ребёнок, едва начав ходить, будет видеть дома попугайчика, котёнка и даже (лично мне противную) ручную домашнюю крысу. В детском саду ребят нужно постоянно

подводить к аквариуму, рассказывать о его обитателях; давать потрогать ужа или лягушку, рассказывать об их пользе и полной безвредности для людей; вместе с детьми нужно высаживать цветы и вместе ухаживать за ними.

В городах и других населённых пунктах просто необходимо развивать сеть зоологических кружков, станций юннатов, центров экологического просвещения. Вернуть в них «живые уголки». Не так и плохо, если в разных «центрах» дети будут встречать специалистов какой-либо узкой области исследований: териологии, ботаники, орнитологии. Не исключено, что именно тогда ребёнок обретёт свой жизненный путь исследователя, а общество – ещё одного интеллектуала.

Или же...

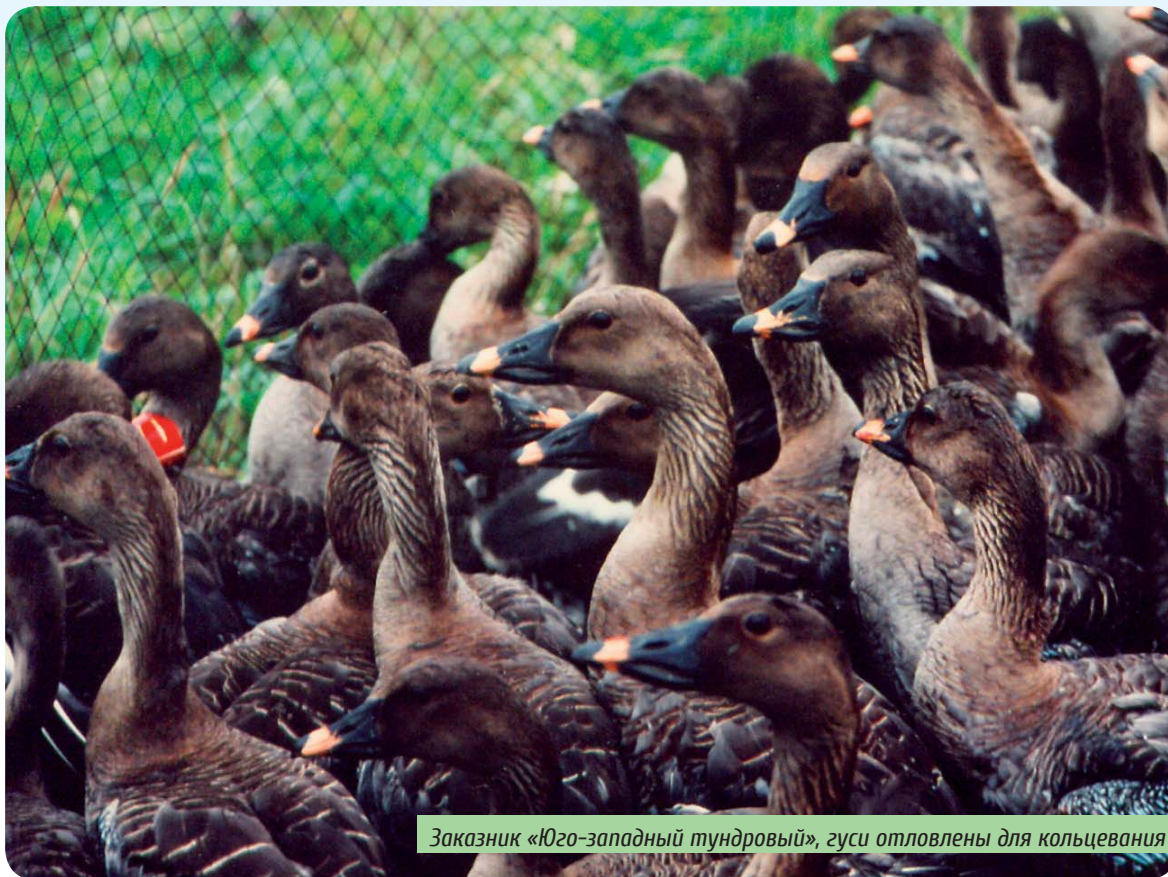
Много уже лет назад 11-12-летние мальчишки ухитрились через крышу дома снять с моего окна на четвёртом этаже клетки с птицами. За-

тем, куражась перед другими детьми, они просто-напросто оторвали птахам головы. В тот же вечер я написал для газеты статью «Жил-был чиж Петька». Рассказал о своём друге-чиже, который прожил у меня 12 лет, который очень верил в дружбу с людьми и поразительно точно, в такт подпевал, когда по радио исполнялись пионерские марши. Статья была написана на одном вдохе и не пером, а сердцем. В ней особое внимание я обращал на детей, которым не привили уважения к живому и от которых уже скоро можно будет ожидать более серьёзных проступков. Через три дня материал опубликовала «Камчатская правда», а некоторое время спустя перепечатала центральная «Советская культура». Резонанс для меня оказался совершенно неожиданным: во многих школах области по этой статье были проведены «классные часы», публикацию «взяли на контроль» республиканская и областная прокуратуры, у меня состоялось несколько встреч с сотрудниками

правоохранительных служб. Сразу же встаёт вопрос: возможна ли подобная реакция в настоящее время? Вопрос этот, как мы видим, чисто риторический. А с теми конкретными мальчишками, едва они подросли, Судьба обошлась крайне жестоко. И я искренне пожалел бабушку одного из них, которая ещё тогда, едва прочитав газетную статью, пришла ко мне домой, страшно возмущённая моим жёстким осуждением «проступка» её любимого внука.

А вот с каким фактом я встретился совсем недавно, зайдя к своим знакомым. Их малолетний сын напряжённо, часто досадливо вскрикивая, кого-то побеждал в компьютерной игре. Я посмотрел на монитор: ребёнок убивал из ружья тут и там неожиданно взлетающих виртуальных фазанов. На его нервозность при «промахах» я обратил внимание отца. «Переболеет!» – спокойно ответил тот. Много чаще, как мы знаем, так вот, в компьютере, «убивают» не только птиц.

Заказник «Юго-западный тундровый», гуси отловлены для кольцевания

Современные телевизионные программы предлагают нам немало прекрасных передач о природе. Но воспринимаются они, изготовленные на Би-Би-Си, как действительно красивые картинки, не сопоставимые с нашими реалиями. Боюсь, что без личного общения с добрыми наставниками, живыми людьми донести до сознания детей необходимые знания очень трудно.

Мои старшие братья держали птиц в клетках, и сейчас мне кажется, что чечёток в своём доме я видел, ещё лёжа в люльке. Когда чуть подрос, моим наставником стал вернувшийся с фронта отец.

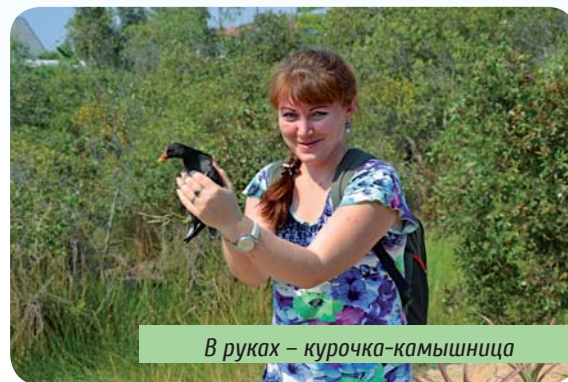
Как-то со своими товарищами, уже на Камчатке, я охотился на уток в Милюковском районе. Мы шли «цепью» по болоту, подошли к лесной куртине, и тут едва ли не из-под моих ног вылетела «квохчущая» (а это сигнал, что при ней выводок) глухарка. Ружьё взлетело к плечу... Парни, которые это видели, так и остались стоять с открытыми ртами. «Почему ты не стрелял?» – потом спросили меня. «Потому что это самка, к тому же при ней, очевидно, запоздалый выводок. И ещё потому, что это вот, сказанное вам, я усвоил ещё в детском возрасте, сопровождая в охотничьих походах своего отца». И «вдобавок» рассказал им, как лет в тринадцать я пришёл домой, гордый чуть ли не первым своим охотничьим трофеем – чирком. Отец посмотрел на птицу и, глядя мне в глаза, жёстко произнёс: «Негодяй! Право, негодяй!» И отошёл, долго потом не желая со мной разговаривать. Была весна, а я убил утку-самочку.

Сейчас на Камчатке нет ТВ-программ, рассчитанных на экологическое воспитание юных душ. Как-то, уже давно, на нашем радио предпринимались попытки проведения викторин. Идея была замечательной. Я же запомнил один из заданных детям вопросов: «Как правильно называется самец северной утки гаги?» Три ребёнка ответили правильно: он так и называется – «самец гаги». Но, как объявила ведущая, не угадал никто, и «правильное» название оказалось известным только ей. Пожуриив ребят за неграмотность, она сообщила, что это «гагун». Мне было очень неудобно перед детьми за такую безграмотность «взрослой тёти». Саму же идею, повторяю, нужно только приветствовать.

В последние годы все свои «отпускные» дни я трачу на специальное знакомство с природоохранными реалиями разных, пока – приэкваториальных, стран. Вдвоём с внучкой мы посетили до полусотни природных парков и заповедников. Понятие «охрана природы» для нас несовместимо только с Камбоджей и Вьетнамом. Сами по себе эти две страны, их природа удивительно красивы. Народ здесь давно не голодает, но при этом «торопится» доест чудом выживших не только кабанов и муравьедов, но и змей, лягушек, улиток. Во вьетнамском государственном заповеднике Кук Фыонг птицы настолько малочисленны и боязливы, что за два дня мы не смогли запечатлеть ни одного их фото. Зато в некоторых ресторанах вам могут подать «шашлычок» из певчих птиц или жареных горлинок. В ресторане, расположенном через дорогу от заповедной, имеющей, кстати, статус Рамсарской, территории мы увидели четырёх бьющихся в коробке болотных курочек-камышниц. Нам пообещали очень быстро «приготовить» любую из них. Боясь, что нас могут опередить, мы поторопились «заказать» всех. Глаза моей внучки Анны светились счастьем, когда одну за другой она выпускала птиц на волю.

Столь же пока безжалостен к живой дикой природе и народ Камбоджи.

Но хватит о плохом... Как бы хотелось, чтобы возможно больше наших земляков увидели, насколько бережны отношения людей с Природой в Шри-Ланке, Панаме, Коста-Рике, Венесуэле, на Кубе, в конце концов. Я упустил из этого списка прекрасную страну Малайзию, ибо при действительно уважении к дикому животному миру тем же птицам здесь, особен-

В руках – курочка-камышница

но на острове Борнео, мало остаётся первичных джунглей. Они сводятся ради насаждения масличных пальм.

Однажды на узкой горной дороге юга Цейлона нашему джипу преградила дорогу встречная машина. Рядом с ней трое молодых ребят что-то рассматривали на земле. Мы подошли и увидели, что через дорогу куда-то по своим делам направлялась плотная колонна крупных бродячих муравьёв. Парни не могли их раздавить и ждали, когда муравьи пройдут. Нам ждать было недосуг, нарвав пучок травы, я размёл «путешественников» по кюветам. В следующий раз в центре Шри-Ланки мы видели остановившиеся на дороге машины, пережидавшие, пока её неторопливо пересекал полтораметровый питон.

В Венесуэле с близкого расстояния я снимал пасущуюся на болотистой равнине пару гривистых гусей. После гонялся за птицами, стараясь для хорошего фото поднять их на крыло. Не тут-то было. Здесь же, «на выстреле», как бы выразились охотники, отдыхали стайки уток-водоушек и парочка с малышом диких оленей. Эти смотрели на меня насторожённо, но больше с любопытством.

И везде в названных (кроме первых двух) странах люди стараются чем-то птиц, а с ними – белок, игуан подкормить, хотя особой нужды в такой заботе в тропическом лесу, вы со мной согласитесь, уж точно нет.

Вместе с удивлением и радостью за то, что есть в мире страны, где люди так бережно относятся к своим экологическим партнёрам – животным, существует наша прекрасная Камчатка, где эти отношения зачастую очень недобры.

И вот здесь, пожалуй, надо вспомнить наш случай. Как я упоминал выше, с 1970-х годов в заказнике «Река Морошечная» мы проводили регулярные майские наблюдения за пролётом птиц, их учёты. Пока со мной туда не мог летать сын, для помощи в работе я привлекал своих товарищей из числа охотников. Труд их не оплачивался, зато выдавалось официальное именное разрешение на отстрел одного гуся. Насколько я сейчас помню, раньше никому из них заполучить на охоте такой трофей не приходилось. Добыча птицы предполагалась строго вне

Султанка вышла к людям. Шри-Ланка

границ заказника в третьей декаде мая, когда уверенно можно было выбрать неполовозрелую особь прошлого года рождения. Питались же мы мясом, которым семью наших егерьей снабжали соседи-оленоводы. При необходимости раз в неделю проводили охоту только на самых многочисленных уток – шилохвостей и свиязей. И ни единого выстрела в заказнике птицы не слышали в другие дни.

С конца апреля до 20-х чисел мая мы жили в окружении тысяч и тысяч гусей, уток, куликов. Для моих помощников это обилие птицы являлось настолько потрясающим, что уже через несколько дней они буквально «просветлялись». Были вёсны, когда за месяц ребята так и не расчехляли своих ружей. Особенно же меня тронул случай, когда я сказал своему товарищу, что завтра он сможет добыть «своего первого в жизни гуся», и вдруг услышал: «Можно, я не буду этого делать? Я не хочу, не смогу его убить».

К ЧЕМУ ВЕДЁТ ОТСУТСТВИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ (Разговор только для взрослых)

Возвращаясь к возрасту привития детям понятий об окружающем нас мире Природы (позже мы назовём это воспитанием экологического мировосприятия), рассмотрим безотносительный пример.

Предположим, мальчишка учился в одной из камчатских сельских школ, которой «не повезло» с достаточно квалифицированным составом учителей-«естественников». А они, в свою очередь, с тем же столкнулись, получая образование в вузах. Могли ли такие наставники донести до сознания детей понятия об этике общения с Природой? Скорее всего – нет. Её, Природу, ребёнок – мальчишка-подросток – познавал сам: рыбачил, затем охотился с такими же не жалующими учёбу недорослями, считал незазорным разорить утиное гнездо, героизмом – застрелить скопу. Он видел, как взрослые с ухмылкой расстреливали щиты на границах зоологического заказника. И впитывал это. За многие свои инспекторские годы с такими пациентами я общался немало раз.

Юношеская романтика могла заставить парня бросить школу, пойти, например, в «мореходку». Это же здорово! Вон, его друг вообще школе предпочёл ПТУ. И наш виртуальный герой, если он не глуп, обладает волей, не остановится, пойдёт «дальше». Во время так называемой «перестройки» не составило труда получить диплом какого-либо модного (экономического, юридического) вуза; их филиалы размножались у нас, как поганки. И тогда обладающего ещё и лидерскими данными молодого, целеустремлённого специалиста очень может потянуть «во власть».

Интересны работы учёных, исследовавших отношения в «социумах» высокоразвитых диких животных. По крайней мере, в некоторых из них были выявлены два типа «вожаков»: лидер-«агрессор» и лидер-«интеллектуал». При этом в приобретении жизненных «благ» и «единомышленников» агрессивный лидер заметно превосходил своего визави. От Природы мы

так и не ушли. И в иерархии наших управленческих, властных структур не обладающая высокой нравственностью, но более «напористая» особь, скорее всего, окажется на одну-две ступеньки выше коллеги-интеллектуала. И тогда последний даже при коллегиальном решении того или иного принципиального вопроса может быть «задавлен» вышестоящим авторитетом, и лидер-«агрессор» останется при заявленных им предпочтениях.

Говоря об идеальном лидере (депутате, министре, прокуроре), мы хотели бы видеть его обладающим высокими моральными качествами, ибо, располагая реальной властью, эти люди, не чтящие непреложных законов Природы, могут стать и становятся её откровенными недругами. Пример: в Приморском крае сохранены все образованные при советской власти государственные заказники. У нас же из списков охраняемых территорий исчезли ценнейшие природные резерваты Корьякии (в их числе и международные Рамсарские территории): «Река Морошечная», «Утхолок», «Карагинский остров», «Лагуна казарок»... Отчасти в этом просматривается «успех» наших «слуг закона», и уже совсем неприкрытым, на виду лежит откровенное крючкотворство руководящих чиновников краевого Министерства охраны природы. Результат: в 1990-х годах в недавно ещё суверенные «птичьи государства» устремились группы «охотников» отнюдь не «из народа». Досыгаемы они были и есть для тех, в чьих руках вертолёт и большие (в том числе бюджетные) деньги. Для кого – догадаться не трудно.

В 1970–1980-х годах самыми ценными для сохранения птиц водной группы резерватами Дальнего Востока России были признаны заказник «Река Морошечная» и озеро Ханка. Почему в настоящее время заповедный статус Ханки находится под российской и китайской юрисдикцией, а о правах на низовья реки Морошечной чуть ли не единолично заявляет Министерство рыбного хозяйства Камчатского

края? Не потому ли, что там, как редко ещё где на полуострове, столь добычлива охота на гусей, а в их числе на краснокнижных таёжных гуменников. Не потому ли, что один дуплет из ружья по отдыхающей после долгого изнурительного перелёта стае куликов может выбить до сотни этих беззащитных птиц? И ещё, о чём я уже говорил: через устье реки Морошечной во время миграций пролетает практически вся мировая популяция куличка-лопатня, а их в Природе (!), на Земле (!) сейчас живёт менее полутысячи (!) особей. Почему в октябре-ноябре в (бывший уже!) заказник «Лагуна казарок», единственное в России место, где во время осенней миграции задерживаются краснокнижные чёрные (американские) казарки, устремляются вертолёты, набитые не только гражданскими охотниками? Обратитесь к рудиментам своей совести, господа-браконьеры, власть и деньги имущие!

Создаётся впечатление, что роль охранников Природы Камчатского края по недоброй иронии судьбы вновь сейчас находится в руках не тех «лидеров». Вспомните: не так уж и давно одному, самому главному, «защитнику природы» Камчатки был предложен выбор: досрочный добровольный уход на пенсию или принудительный – «на нары». Вопрос, если я не ошибаюсь, тоже стоял о «неаккуратном» использовании немалых сумм природоохранных денег.

Рассказывая сейчас о некогда охраняемых природных птичьих территориях Камчатки, я употребляю слова «был», «было», «были». Говоря же о тех, кто довёл и продолжает вести нашу Природу к окончательно печальному состоянию, я не утверждаю, что они плохие люди. Им, к нашему общему несчастью, просто негде, не от кого было почерпнуть азы экологической нравственности.

Ещё одна большая беда. В 1990-х годах на какое-то время она коснулась природоохранных министерств столицы. Беда эта – отставники силовых ведомств, севшие в кресла руководителей природоохранных служб, выдавившие из министерств подлинных специалистов. Скажите, например, кому был угоден в роли одного из руководящих охранников природы Камчатки (неизвестно, с чьей протекции

попавший на эту должность) бывший военком? Очевидно, прежде всего – его «однополчанам» с так называемой «двадцатки», уже много лет убивающим всё живое в ещё числящемся (на бумаге) заказнике, подлинной жемчужине нашего полуострова – «Озере Харчинском».

Нередко с уходом из жизни человека с неординарным мышлением в его кресло вмещается нечто с убогим мировосприятием, и тогда гибель постигает и начатые ушедшим добрые свершения. Так после ухода А. Г. Коваленкова случилось с Центром, в котором многие наши дети впервые узнавали о необходимости бережного отношения к живому, к природе Камчатки. Центра больше нет. Его убили... наследники.

Необходимыми для полноценного образования новых поколений были и «живые уголки» в детских садах, школах, елизовском детском центре «Луч». Их больше нет. И каким же убогим мировоззрением должны обладать чиновники, их запретившие. В начале этого курса бесед я говорил о том, что год за годом группы детей из детского сада «Рябинушка» в наш Центр привозила эко-воспитательница Юлия Родионова. Недавно я навестил «Рябинушку»: ни некогда чистенького и ухоженного «живого уголка», ни Юлии... Вероятно, специалисты данного профиля для работы с детьми стране больше не нужны.

Завершая этот курс бесед, я обязан напомнить, что успех в решении отражённых в книге некоторых наших проблем и задач был бы немислим без неоценимой помощи А. Г. Коваленкова, коллег и природоохранных фондов Японии, США и России, в том числе WWF и ВВФ, без поддержки международной группы учёных и любителей птиц. Мы благодарны за бескорыстную помощь многим людям, причастным к успешной работе Питомника-Центра. Моя особая личная благодарность членам своей семьи, коллегам и друзьям – Ю. Артюхину, В. Воропанову, А. Афониной, отдельно – С. А. Бычкову, а также другим, не названным здесь, моим товарищам и помощникам. Я благодарен руководству Камчатского края, изыскавшему средства на издание этой книги.

Содержание

От автора	3
БЕСЕДА ПЕРВАЯ. Дети спрашивают.....	5
Урок первый	8
Урок второй	11
Урок третий.....	15
Урок четвёртый.....	17
Урок пятый.....	21
Урок шестой	27
БЕСЕДА ВТОРАЯ. Наши пернатые соседи	33
Петух как «нечистая сила».....	36
Есть ли от птиц польза?	38
«Между небом и землёй песня раздаётся...»	46
Красота и совершенство	48
Можно с птицами дружить	50
Незаменимые помощники	53
Много ли мы о них знаем?	57
Победить природу можно, только ей повинуюсь	61
Неразрывна наша связь	62
БЕСЕДА ТРЕТЬЯ. Зимующие рядом с нами	65
Мой помощник чирик	66
Поползень Кузьма	67
Птицы незамерзающих водоёмов	75
Командировка на Север.....	82
Ещё дальше в северные широты	87
Великий маятник Природы.....	87
Городские обитатели	95
Зимующие птицы Камчатского края.....	100
БЕСЕДА ЧЕТВЁРТАЯ. Птицам визы не нужны	103
Немного истории	104
Сколько всего пернатых	106
Кто улетает и кто остаётся	107
Как далеко улетают мигранты.....	110
Способность к ориентации	118
БЕСЕДА ПЯТАЯ. Занесённые в Красную книгу	127
Из далёкого прошлого	127
Чтобы не было путаницы	128
Спасибо Чарльзу Дарвину!	128
Кто виноват? Человек!	130
Сколько живут птицы?	130

Птицы и мы	132
Ну, вымирают! А мне от этого хуже?.....	135
Путь к Красной книге	137
Естественные причины малочисленности птиц Камчатки	139
Общее снижение численности вида в мире	139
Малочисленность на периферии ареала.....	141
Вселение на Камчатку новых видов	141
Залёты птиц только в периоды миграций	142
Малочисленность как следствие ограниченности ареала	142
Негативные влияния антропогенного характера.....	143
Нарушение местообитаний	146
Экологическое бескультурье	147
Акклиматизация, завоз хищников, спонтанное вселение новых видов	148
Отсутствие действенного контроля	149
 БЕСЕДА ШЕСТАЯ. Люди и птицы – жизнь в согласии	
Наш конфликт с Природой неизбежен... ..	151
...но искать согласия с ней мы обязаны	
Непримиримость к браконьерству	154
Сохранение эталонных участков дикой природы	156
Самый-самый	157
Морошечная – «родильный дом» гуменников.....	160
Мир птиц Карагинского острова	164
Озеро Харчинское – бесценный дар природы.....	168
Забота о юных душах.....	170
К чему ведёт отсутствие экологического воспитания	174

Научно-популярное издание
Николай Николаевич Герасимов

**БЕСЕДЫ О ПТИЦАХ
КАМЧАТКИ**

Редактор Е. Рыбаченко
Корректор Ж. Максимова
Оригинал-макет А. Пантелеева

Подписано в печать 11.12.2014 г. Формат 60х84/8. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,69. Тир. 800 экз. Заказ № 14-01951.

Издательство «Камчатпресс». 683017,
г. Петропавловск-Камчатский, ул. Кроноцкая, 12а.

Отпечатано в ООО «Камчатпресс». 683017,
г. Петропавловск-Камчатский, ул. Кроноцкая, 12а, www.kamchatpress.ru